

**Российская ассоциация прибалтийских исследований
Фонд «Историческая память»**

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в России

2017–2018

Сборник статей

**по итогам международной научной
конференции «Войны и революции 1917–1920:
становление государственности
Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы»
(г. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.)**

Москва
Ассоциация книгоиздателей «Русская книга»
2018

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
П75

Редакционная коллегия сборника:
Н. М. Межевич, И. Н. Новикова (председатель), В. В. Симиндей

Составитель:
Н. М. Межевич

Обформление переплета М. Левыкина

В оформлении обложки использована доверенность на немецком языке, выданная 11 января 1919 г. президентом министров Временного правительства Латвии К. Улманисом и военным министром Я. Залитисом прокурору О. Валдманису и штабс-капитану Э. Алкснису. Автографы, печать. LKMD. 1861.

П75

Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (г. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.) / Российская ассоциация прибалтийских исследований; Фонд «Историческая память»; сост. Н. М. Межевич. — М. : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018. — 192 с.

ISBN 978-5-9990-0057-6

В катастрофических условиях завершения Первой мировой войны, в которой парадоксальным образом проигравшими оказались яростные противники — Россия и Германия, национальную государственность обрели Эстония, Латвия и Литва. Население этих территорий, в отличие от Финляндии, не имело опыта автономии в Российской империи. Тем не менее на полях национально-освободительных и гражданских войн (с иностранным военным вмешательством) результат был достигнут. Но само движение к цели — государственности — и его дальнейшие политические интерпретации вызвали к жизни немало легенд, имеющих к истории весьма косвенное отношение... Эта проблематика была в центре внимания ученых на международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (г. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.). По итогам ее работы и в ходе дальнейшей научной дискуссии Российская ассоциация прибалтийских исследований (РАПИ) подготовила настоящий сборник статей.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

- © Российская ассоциация прибалтийских исследований, 2018
- © Фонд «Историческая память», 2018
- © Межевич Н. М., составление, предисловие, 2018
- © Коллектив авторов, 2018
- © Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», издание, 2018

ISBN 978-5-9900-0057-6

Предисловие

Период Первой мировой войны 1914–1918 гг., российской, германской революций, распада Австро-Венгерской и Османской империй характеризуется образованием новых государств, как правило на национальной основе. История создания Эстонии, Латвии, Литвы представляется чрезвычайно значимой, поскольку позволяет выявить многие проблемы, актуальные и сегодня, когда после крушения системы мирового социализма можно наблюдать схожие геополитические противоречия, рождение новых идеологических моделей, призванных обосновать меняющуюся политическую и социальную ситуацию.

Как показывают изученные материалы, из особенностей развития литовских и остзейских губерний до 1914–1917 гг. можно сделать несколько существенных выводов.

Несмотря на достаточно быстрое национальное «пробуждение», в них отсутствовали национальные силы, способные в существовавших тогда условиях на равных бороться с внутренними и внешними соперниками, отстаивать собственную точку зрения по вопросу о путях развития своих народов. Такое обстоятельство отличает данные территории от польских губерний и Великого княжества Финляндского. Мирное же созревание в рамках Российской империи финского общества, при всех противоречиях, имело свою глубокую, уходящую в начало XIX века, политико-правовую составляющую, во многом контрастировавшую с ситуацией в Прибалтийском крае и Литве.

Формирование политической элиты во второй половине XIX — начале XX века в остзейских губерниях шло по уникальной модели, отличавшейся от «стандартной»: зажиточное крестьянство — мещанство («свободные люди» (Freie Leute)) — городской средний класс — национальная интеллигенция — политическая элита. Этот процесс шел медленно, ибо социальная структура эстонского и латвийского обществ долгое время была неполной. Практически сплошь составляя подат-

ное сословие, эстонцы и латыши до начала XIX века не были заметно представлены в городах, не имели своего бюргерства, купечества; вопрос о дворянстве, естественно, не стоял^а.

Ситуация в литовских губерниях с точки зрения национального возрождения была еще более сложной. Потеряв практически все элементы государственности в составе Речи Посполитой, а затем, оказавшись в достаточно чуждой политической и экономической системе Российской империи, литовцы в конце XIX века начали конструирование нации с нуля, в худших условиях, даже по сравнению с эстонцами и латышами. Да, в конце девятнадцатого века ситуация начала меняться. Для этого сложились и экономические, и определенные политические предпосылки. Речь идет об отмене крепостного права в 1815–1816 гг. Крестьянские законы 1849 года в Лифляндской губернии и 1856 года в Эстляндской губернии подтвердили право помещика на земли, находившиеся в пользовании крестьян. Однако были ограничены возможности прямого присоединения этих земель к землям, находящимся в прямом управлении помещика, т. е. собственно поместьям. В конце девятнадцатого века Санкт-Петербург определился в поисках опоры в остзейских губерниях. Применительно к литовским губерниям этого так и не произошло вплоть до 1915 года. «Все стремления правительства должны быть направлены к тому, чтобы избавить, по возможности, местное население от земельной зависимости от баронов и предоставить ему самостоятельное развитие в духе сближения его с русской культурой»^б. Эта позиция провинциального чиновника, имевшая своих сторонников в столице, позволяла бороться с сохраняющимися в массовом сознании убеждениями в том, что вертикальная социальная мобильность предполагает кор-

^а Единственным исключением может считаться феномен куршских «корольков» (*латыш.* kuršu ķoniņi, *нем.* Kurische Koenige) — шести родов потомков местных вассалов Ливонского ордена в окрестностях города Кулдига, восходящих к племенным вождям древних куршей.

^б Записка помощника уездного начальника. Около 1898 г. Выдержка из записки служившего в Юрьевском уезде должностного лица (помощника уездного начальника), составленной приблизительно около 1898 г. // Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века. Сборник документов и материалов / Eesti Ajaloohiiv. Тарту, 2000. С. 11.

ректировку этничности. «Мартин Риземан — немец из того сорта эстонцев, которые не хотят быть эстонцами», «...среди состоятельных и образованных людей никто не хочет быть эстонцем, потому что это считается унижительным и оскорбительным и когда говорят “эстонец”, то подразумевают только мужика или вообще человека из низших сословий, невежественного и полуграмотного». Так писал известнейший эстонский писатель-просветитель Эдуард Вильде, один из тех, кто решительно боролся с национальным угнетением^а.

Впрочем, попытки инициировать германизацию хотя и привели к появлению «можжевеловых эстонцев» и «ивовых латышей», но радикально изменить ситуацию не смогли. Эту ситуацию очень интересно комментируют немецкие ученые в наше время: «обозначение прибалт (Balte) родилось позднее; до самой вспышки русского национализма (имеется в виду вторая половина периода правления Александра III) немецкие жители страны называли себя лифляндцами, эстляндцами или курляндцами. Слово и термин “прибалт” возникло лишь из сопротивления русификации»^б. Затем оно было использовано в межвоенную эпоху в советской (мировой) практике для обозначения населения Эстонии, Латвии и Литвы; иногда к «прибалтам» относили еще и финляндцев.

Укажем на то, что предполагать эффективную постановку и быстрое решение задачи построения государственности в начале XX века было бы очень оптимистично. В планах Санкт-Петербурга до 1914 года не было никаких проектов федерализации, за исключением предельно осторожных дискуссий о статусе польских и финских губерний. Ограничивая права остзейских немцев и поляков, соответственно в будущих Эстонии, Латвии, Литве, власть в империи не планировала передавать ее эстонцам, латышам, литовцам.

Тем не менее в катастрофических условиях затянувшейся Первой мировой войны результат в виде обретения национальной государственности Эстонии, Латвии и Литвы в конечном

^а Вильде Э. На заре. Сборник рассказов и повесть. Таллин, 1964. С. 165.

^б Энгель-Брауншмидт А. Прибалтийские немцы о себе и других // *Studia Russica Helsingiensa et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 320.

счете был достигнут. Но движение к цели вызвало к жизни много легенд, имеющих к истории косвенное отношение. Так, Анатолий Ливен не просто констатирует, что первый период литовской борьбы за независимость (1917–1920 гг.) подвергся интенсивной мифологизации. Фактически А. Ливен говорит о том, что вся история Литвы — не более чем национально ориентированный миф: «Имея дело с литовскими политиками-националистами, я постоянно убеждался, что они действовали в настоящем времени лишь отчасти; в основе их поведения лежало видение того, как их действия будут выглядеть в карнавале литовской истории, начиная от Великого княжества Литовского и простираясь до будущих учебников истории»^а. Изменилась ли эта ситуация в настоящее время? Относится ли это только к Литве или в Эстонии и Латвии сходные политические трактовки исторических событий? Эти и другие вопросы обсуждались на международной научной конференции **«Войны и революции: 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы»** (г. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2017 г.), по результатам которой подготовлен настоящий сборник статей.

Безоговорочно признавая актуальность экономической и политической (политологической) тематики, полагаем, что для понимания современной ситуации именно в государствах Прибалтики особенно важно внимание к исторической проблематике. Поэтому она является одним из приоритетов в деятельности Российской ассоциации прибалтийских исследований (РАПИ). Применительно к современному этапу развития мировой политики подтвердилась справедливость классического тезиса Дж. Бола: «Сила и ответственность в жизни наций — это не абстракции. ...Сила включает, прежде всего, природу национальных ресурсов, которые не сводятся к наличию промышленности, или армии, или бомб, но подразумевают также культуру, политические идеи и образование»^б. Добавлю: природа национальных ресурсов — это память о победах и поражениях,

^а *Lieven A.* The Baltic revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven; L., 1994. P. 54.

^б *Ball G.* The Discipline of Power: Essentials of a Modern World Structure. Boston, 1968. P. 15–16.

а в известной степени также и политическая реконструкция национальной истории. В этом контексте очевидна жесткая зависимость между историей, ее политической интерпретацией и учетом/повторением ее уроков в будущем.

Надеемся на внимание наших читателей.

***Президент Российской ассоциации прибалтийских исследований,
профессор кафедры европейских исследований СПбГУ***

Н. М. Межевич

Лариса Кангаспуро

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО

Аннотация. До сих пор наказание преступников является неотъемлемой частью государственной власти. Контроль над преступностью и уголовная политика — это вопросы обеспечения политической системы. Скандинавские страны отличаются как стабильностью, так и мягкостью уголовной политики.

Как Великое княжество, Финляндия была частью Российской империи, и российский император управлял ею. Однако Финляндия пользовалась значительной автономией, особенно в вопросах внутренней политики. На протяжении девятнадцатого века в Финляндии в основном продолжали действовать шведские законы. В то же время финский народ стал более политически активным и националистические настроения развивались. Финляндия все больше и больше добивалась независимости от России.

Несмотря на значительное сопротивление метрополии, в 1894 г. в Великом княжестве Финляндском удалось принять новый прогрессивный Уголовный кодекс.

В статье используется широкий спектр источников, от мемурандумов законодателей и отчетов официальных лиц царской администрации до мнений экспертов, опубликованных в специальных журналах. Публикация представляет собой междисциплинарное исследование, в котором рассматривается не только историческое и политическое развитие Великого княжества Финляндского, но и связанные с данной проблематикой правовые концепции.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Российская империя, государственная власть, правовое положение автономии, Уголовный кодекс Финляндии 1894 г.

Как известно, войдя в состав Российской империи, Финляндия унаследовала не только шведскую правовую систему, но и местное законодательство. Швеция давно стала мировым лидером в плане развития демократии, законности и политических свобод. Финны, наравне со шведами, приобщались к политической культуре и демократическим началам. Поэтому в 1809 году в Финляндии уже существовали и политические партии, и выборная система, и охраняемые законом права личности. Кроме того, нужно помнить, что в Финляндии, как и в Швеции, никогда не было крепостного права, что, несомненно, явилось позитивным фактором в деле формирования общественных традиций и нравов. Если 1809 год рассматривать как начало долгой исторической перспективы, то его смысл приобретает еще большую значимость. Поэтому, бесспорно, формирование финляндских национальных и государственных институтов в современном виде было бы невозможным, если бы Финляндия осталась в составе Швеции.

В начале XIX столетия уголовная политика в финской провинции регулировалась нормами из «Отделов о преступлениях и наказаниях» Уложения Швеции, принятого риксдагом в 1734 году и утвержденного 23 января 1736 года манифестом шведского короля Фредерика I (1720–1751). В 1807 году было переиздано упомянутое Уложение Швеции с последними изменениями и дополнениями. В 1812 году эти законодательные нормы были распространены и на так называемую Старую Финляндию, которая вместе с другими губерниями, присоединенными в 1809 году, составила Великое княжество Финляндское. В 1824 году по указу императора Александра I Уложение было переиздано в Санкт-Петербурге на русском и шведском языках под названием «Уложение Швеции, принятое на Сейме 1734 г. и Его Императорским Величеством утвержденное для Великого Княжества Финляндского». Позднее оно переиздавалось на русском языке с изменениями и дополнениями в 1827 [9] и 1891 годах [7].

Первоначально проекты финляндских законов обычно составлялись на шведском языке, но для высочайшего утверждения и подписания — на русском. Текст на русском языке

получал значение подлинного текста закона, а на шведском — официального перевода. Лишь немногие нормативные акты, относящиеся к первому времени присоединения Финляндии, были изложены и высочайше подписаны на французском языке. Распоряжения финляндского сената и других органов местной власти, не нуждавшиеся в высочайшем утверждении, составлялись очень часто только на шведском языке. В важных случаях присоединялся официальный перевод на русский язык. В 1808–1859 гг. все постановления печатались на отдельных листах без общего наименования и нумерации. Нередко русский текст оставался ненапечатанным. В конце XIX века при Государственной канцелярии создается Комиссия для систематизации финляндских законов, которая разыскала, кодифицировала и опубликовала недостающие русские переводы. Исходя из хронологической последовательности, нормативные акты были опубликованы под названием «Собрание постановлений Финляндии. Узаконения, обнародованные на русском языке с дополнениями» в трех томах с 1902 по 1904 гг. По распоряжению председателя этой комиссии вышли в свет «Хронологический Указатель к Сборнику Постановлений Великого Княжества Финляндского. 1860–1891. Узаконения, имеющиеся в шведском издании сего Сборника, но не внесенные в издание Сборника на русском языке», а также «Обзор установлений Финляндии в таблицах».

Ориентироваться в большом количестве законодательно-нормативных актов, опубликованных в приведенных выше изданиях, помогал особый, носящий полуофициальный характер, «Алфавитный Указатель к постановлениям, относящимся до Великого Княжества Финляндского» в трех томах. Указатель был составлен Н. Н. Корево и был издан в 1907–1909 гг. По распоряжению председателя Временной комиссии для составления сведений по финляндским законам и систематизации этих законов с 1905 года стал публиковаться «Параллельный Русский, Финский и Шведский словарь по Общему Уложению и Постановлениям Великого Княжества Финляндского». Он должен был служить пособием в делопроизводстве, т. к. был составлен посредством сопоставления текстов законов в официальных изданиях. По распоряжению все той же комиссии в 1901 году в

Санкт-Петербурге вышел в свет «Указатель узаконений, относящихся до Великого Княжества Финляндского (Швеция — Ингерманландия — Старая Финляндия). 1649–1808». До 1898 года финляндские законодательные акты можно найти в Полном собрании законов Российской Империи в тех случаях, когда этот акт бы обнаружен и в империи. В последующее время все высочайше утвержденные нормативные акты вносились в указанное собрание законов.

При изучении истории данного периода большее значение, чем законодательные акты, имеют делопроизводственные источники, т. е. документы, образовавшиеся в ходе функционирования разного рода бюрократических учреждений. Характеристику делопроизводственных источников необходимо начинать с истории государственных учреждений и четкого представления о функциях этих учреждений, их подчиненности и отношениях между ними. Финляндия под именем Великого княжества Финляндского заняла исключительное, по сравнению с другими частями империи, положение. Спор о положении автономии в составе метрополии начался еще в 30-е годы XIX века и обострился на рубеже веков. Финляндские дела представлялись в Петербурге непосредственно монарху министром статс-секретарем, минуя российских министров. В 1811 году им была учреждена Комиссия финляндских дел. Министр статс-секретарь ведал императорской канцелярией по всем делам гражданского управления княжеством, принимал и докладывал императору все эти дела и сообщал мнение его генерал-губернатору. Генерал-губернатор, в свою очередь, стоял во главе всей администрации края. Он состоял председателем финляндского сената. Ему принадлежал надзор за всеми исполнительными органами власти. При нем состояли помощник и канцелярия. Многих исследователей интересовали функции, подчиненность и отношения между этими государственными структурами. Поэтому они получили подробное освещение еще у современников: М. М. Бородкина, Н. Д. Сергеевского, Н. С. Таганцева, К. Ф. Ордина, Н. М. Коркунова, П. М. Лякуба и других авторов [4].

Прежде всего это переписка между центральными и местными органами, подготовительные материалы и справки

по вопросам управления территорией и жизни общества окраины. Весьма значительная часть делопроизводственных материалов не была опубликована как в начале XX века, так и впоследствии. Эти неопубликованные русскоязычные материалы хранятся в Национальном Архиве Финляндии в фондах: канцелярии министра статс-секретаря и канцелярии генерал-губернатора.

Вместе с тем при изучении законодательных источников второй половины XIX века особую важность имеет доскональное рассмотрение всех стадий создания того или иного акта. Отсутствие возможности обсуждения на сейме представителями сословий финляндского общества отнюдь не означало, что реформа, охватывающая все уголовное законодательство Финляндии, не готовилась. Уже в 1814 году Правительствующим советом (предшественником Сената Великого княжества Финляндского) была создана первая комиссия для разработки нового уголовного законодательства. В течение 75 лет комиссии трудились над новой уголовной кодификацией. Этот вопрос подробно изложен в работах Р. Н. Дусаева [1].

В первые десятилетия XIX века капитализм прочно еще не утвердился в Финляндии. Хотя производительные силы княжества по своим качественным показателям опережали развитие подобных в империи, финская нация и, соответственно, национальное самосознание еще не сложились. Но главное, для создания принципиально новых уголовных правовых положений в княжестве не доставало соответствующих научно-теоретических разработок, не было в то время и национальной уголовно-правовой школы, способной разработать новые концепции, касающиеся преступления и наказания. Ситуация изменилась лишь в связи с бурным развитием капитализма в середине XIX века, с образованием национального рынка, ростом самосознания, культуры, в том числе и правовой, с оживлением работы сейма [18, с. 45]. Возродившееся в Финляндии национальное чувство было в состоянии преодолеть препятствия, стоящие на пути развития народа и края. Народ стал понимать и интересоваться общественными делами. «Я уважаю финляндцев за их преданность своей Родине и внутреннему общественному

порядку», — писал генерал-губернатор князь И. М. Оболенский [16, с. 129].

С возобновлением работы сейма в 1863 году, как никогда ранее, законотворческая процедура усложняется, являя собой такую совокупность посредствующих моментов, какая с точки зрения своей сложности в предшествующие периоды никогда не наблюдалась. Особенно показательна в этом смысле история создания нового финляндского Уголовного Уложения. Это стало не только делом законодательным, но и идеологическим и политическим.

Полемика вокруг нового уголовного законодательства в самом княжестве велась на шведском языке. Лишь конечный результат в виде самого Уголовного Уложения 1889 года был переведен на русский язык для высочайшего утверждения. И только после его опубликования развернулась «борьба» между финляндскими и российскими юристами и государственными деятелями, которая получила широкое освещение в различных русскоязычных периодических изданиях и прессе.

В 1889 году новый финляндский УК получил императорское утверждение, но затем его введение в действие, намеченное на 1 января 1891 года, было приостановлено. Резкий поворот в обсуждении в прессе этого нормативного акта происходит в 1890 году. Особенно выделяется своим негативным отношением к Финляндии основанный именно в том же году журнал «Юридическая летопись» [3, с. 130] (правда, просуществовал он только до конца 1892 г.). Именно его издатель, известный российский юрист и государственный деятель, первый председатель окраинного общества Н. Д. Сергеевский [11] опубликовал статью известного русского юриста, профессора Санкт-Петербургского университета сенатора Н. С. Таганцева о финляндском Уголовном Уложении [15]. По его мнению, составители уложения определили Финляндию как самостоятельное государство, а Россию по отношению к ней — как иностранную державу. Это не соответствовало официальной точке зрения Российской империи. Не только статьями в периодических изданиях ограничились авторы, придерживавшиеся имперской позиции. Вопрос создал целую литературу, выделяясь главами в монографиях современников: «Одним из последних и самых выдающихся свидетельств того, что финляндские политики

считают свою страну самостоятельным государством... служит уголовное уложение В. Княжества 1890 г.» [2, с. 158].

Летом 1890 года Таганцев лично обратился к Э. Ф. Фришу^а, с которым вместе работал в одной из комиссий по подготовке тюремной реформы в России, со специальной запиской «По поводу предстоящего введения особого уложения для Великого княжества Финляндского». Фриш отправил записку министру юстиции Н. А. Манасеину, который, в свою очередь, представил доклад царю о согласовании Финляндского уложения с уголовным законодательством империи [17, с. 9–10]. В Петербурге были предприняты все меры к тому, чтобы парализовать вступление Уложения в силу.

Специально для разработки нового проекта УК Финляндии при министре юстиции 31 октября была образована совместная российско-финляндская комиссия под председательством Н. С. Таганцева. Комиссия состояла из представителей Минюста, финляндского сената и статс-секретариата княжества [12, с. 115]. Несколько заседаний комиссии состоялись в ноябре 1890 года. Несомненно, как специалист высокого класса Таганцев высоко оценил достоинства Уложения 1889 года как с теоретической, так и с практической точки зрения. Были очевидны не только формально-юридические мотивы замечаний Таганцева, но и политическая подоплека его позиций. Однако твердая последовательность финляндской стороны и разногласия в рядах сторонников Таганцева, некоторые из которых были склонны к либерализму, заставили председателя комиссии отступить. Результатом стал доклад, подготовленный к Особому совещанию при министре юстиции.

При рассмотрении доклада почти все новеллы, разработанные комиссией Таганцева, были одобрены. Но не следует переоценивать их значение, т. к. большинство норм остались не затронутыми изменениями, сохранив свой самобытный характер. Все заключения Особого совещания были одобрены царем и специальным манифестом от 1 декабря 1890 года. Александр III приостановил введение в действие Уложения

^а Председатель комиссии по составлению нового Уголовного уложения Российской империи и главный управляющий кодификационным отделом Государственного совета.

1889 года, рекомендовав рассмотреть принятые изменения на сейме в 1891 году. Однако сенат княжества попытался взять реванш за вынужденные уступки и внес «свои» редакционные изменения в текст новелл, принятых комиссией и монархом [1]^a. Естественно, подобная самодеятельность сената не могла остаться безнаказанной. В феврале 1892 г. Таганцев обратился с докладной запиской в Государственный совет с критикой новой редакции поправок сената, принятой земскими чинами в 1891 году. В результате изменения, принятые на сейме, не были утверждены Александром III [15, с. 252]. В 1893 году финляндскому сенату и сейму пришлось пойти на уступки и принять новый УК с имперскими изменениями. Царь утвердил уложение в 1894 году, и оно немедленно вступило в силу, согласно манифесту 14 апреля 1894 года [10, с. 2-14]. Но было бы слишком смело утверждать, что оно было переработано коренным образом. Сам Таганцев утверждал, что этот пересмотр имел характер «штопанья, хотя и нового, но оказавшегося дырявым платьем, и притом штопанья наиболее бьющих в глаза прорех» [3, с. 130]. Поэтому не следует переоценивать значение изменений, т. к. большинство норм осталось не затронутыми изменениями, сохранив свой самобытный характер.

Обращает на себя тот факт, что в Российской империи оно именовалось Уложением 1894 года, хотя в Финляндии продолжали его называть Уложением 1889 года. Что это было? Финны пытались не придавать существенного значения второй редакции УК или таким образом выражали «пассивное сопротивление» давлению, оказанному со стороны имперской власти?

Расширение автономии Великого княжества Финляндского в рассматриваемый период шло вразрез с постепенно утвердившейся в империи политикой сближения административного и законодательного устройства окраин с общегосударственной системой. Укрепление финляндской независимости в сложившейся ситуации неизбежно вело к столкновению с общегосударственными интересами и постепенно меняющимся правительственным курсом.

^a См.: Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского. Ленинград, 1988. С. 99.

Решающим в ходе изменения Уложения 1889 года было все-таки не мнение и труды комиссии Н. С. Таганцева или кого-либо еще. Это объяснение кроется в конкретных исторических условиях. Ко времени пересмотра Уложения 1889 года в России Александром III стали осуществляться контрреформы, направленные против прогрессивных либеральных веяний той поры. Полоса же контрреформ в отношении финляндской автономии лишь намечалась [8, с. 89, 91]. Также в Финляндии изменился состав сената: либерально-демократически настроенные члены во главе с Й. В. Снельманом были вынуждены уйти в отставку, а их места заняли более консервативные деятели [13, с. 6, 106]. Именно с конца 80-х годов XIX столетия намечается поворот к объединительной политике имперских властей. Финляндские политические лидеры и имперское правительство, как оказалось, видели правовые связи княжества и империи в совершенно различном свете. Тон дискуссии задавали юристы [5, с. 275].

В силу значительного сопротивления всех политических партий и большинства государственных деятелей Финляндии эти попытки не увенчались существенным успехом. Поскольку в теоретико-правовом отношении финляндская уголовная кодификация 1889 года была одной из самых передовых среди европейских стран того времени, царскому правительству пришлось удовлетвориться лишь незначительными изменениями.

Уголовное право Финляндии отличается рядом специфических черт, главной из которых является его исключительная стабильность. УК Финляндии 1889 года действует до сих пор. Как выразился в 1911 году юрист и дипломат Б. Э. Нольде, «Великое княжество Финляндское строили согласно русскому плану, но при этом из шведского строительного материала» [6]. История Финляндского государства в значительной степени объясняет особенности его правовой системы, сложившейся к настоящему времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского. История создания, основные институты. Ленинград, 1988; *Он же*. Кодификация уголовного законодательства Финляндии 19 в. Автореферат диссертации на соискание степени доктора юридических наук. СПб., 1992.

2. *Еленев Ф.* Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891.

3. Законодательная хроника об уголовном уложении В. К. Финляндского // *Юридическая летопись.* 1891. Ч.1. СПб., 1891.

4. *Клингге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005.

5. *Новикова И. Н.* Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001.

6. *Нольде Б. Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911 г.

7. Общее Уложение и дополнение к нему узаконения Финляндского. Издание на основании официальных шведско-финляндских источников, Крониды Малышева. СПб., 1891.

8. *Остен-Сакен В.* Государственно-правовые положения Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб, 1910.

9. Прибавление к изданному Высочайшему повелению с переводом на русский язык, существующему в Великом Княжестве Финляндском. СПб., 1827.

10. Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. № 17. Гельсингфорс. Типография Сената. 1894.

11. *Сергеевский Н. Д.* К вопросу о коренных законах в к. Финляндского. СПб. 1899; *Он же.* К вопросу о финляндской автономии и основных законах. СПб., Гос. тип., 1902.

12. *Случевский В. К.* Столкновение русских и финляндских законов // *Журнал Министерства Юстиции.* СПб., 1908. № 5.

13. *Суни Л. В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50-70-е годы XIX в. Ленинград, 1979.

14. *Таганцев Н. С.* Великое Княжество Финляндское: Выдержка из лекций по русскому уголовному праву. Изд-е 2-е. [Б.м.], 1902. Т. II. (Переиздана отдельной книгой в 1910 г.)

15. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. СПб., 1902.

16. Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск 12 (с мая по ноябрь 1904). СПб., 1904.

17. Финляндское уголовное уложение и относящиеся к нему узаконения / Пред. Н. С. Сергиевского. СПб., 1907.

18. *Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. М., 1998.

Владимир Оленченко

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЛАТВИИ, ЛИТВЫ, ЭСТОНИИ
В 1917–1920 ГГ.**

***Аннотация.** Даже спустя 100 лет остаются вопросы к тому, как верно квалифицировать события 1917 г. в России, как сочетались внутренние и внешние факторы тех событий, почему они завершились именно так, а не по-другому. В этих рамках актуальным сохраняется интерес к обстоятельствам отделения Прибалтики от России. Оправданно поставить вопрос о том, какие концепции послужили основой этого процесса. В частности, для понимания важно определить, были ли эти концепции внутреннегo свойства или были привнесены извне. Возобладала концепция безблоковой государственности. Случилось это не потому, что данная концепция оказалась более востребованной. Решающую роль сыграло то, что другие конкурирующие концепции отпали в силу сложившихся обстоятельств. Такое развитие определило образ стран Прибалтики на период 1918–1940 гг.*

***Ключевые слова:** революции 1917 года в России, Прибалтика, концепции прибалтийской независимости, носители концепций отделения от России, конкуренция концепций, разновекторная стратегия.*

Отделение Прибалтики от России в начале XX века случилось далеко не одномоментно и представляло собой неровный, противоречивый, болезненный для населения и национального хозяйства процесс, характеризовавшийся резкими поворотами и даже разворотами, неоднократными изменениями целей. Процесс этот занял довольно продолжительный период, захвативший 1917–1920 годы.

Механически хочется написать «отделение стран Прибалтики от России в 1918 году», поскольку уже сложилось определенное клише названия, которое имеет варианты — страны Прибалтики, страны Балтии, прибалтийские республики, государства Балтии. Однако это было бы ретроспективное проектирование сегодняшних реалий на то прошлое. Объективно Прибалтика к началу процесса отделения от России существовала в виде трех российских губерний — Лифляндской, Эстляндской, Курляндской^а, которые, собственно, и отделились от России и которые в тот период ни территориально, ни этнически не совпадали с нынешними прибалтийскими республиками — Латвией, Литвой, Эстонией^б.

Отделение Прибалтики от России представляет собой сложение ряда факторов. Главными из них видятся следующие:

— движение коренного населения перечисленных губерний к автономии в составе России;

— стремление Германии включить Прибалтику в зону своего влияния. Условия Брест-Литовского мира;

— решение утвердившегося у власти в России большевистского правительства о предоставлении независимости Финляндии, Польше, Прибалтике.

Резонно напрашиваются два вопроса. Первый — кто и что ожидали (если ожидали) от революций в России в целом и применительно к Прибалтике? Второй — что обусловило динамику резких поворотов и даже полярных разворотов практического становления государственной самостоятельности Прибалтики?

Следует также задаться вопросом о том, обладала ли Прибалтика навыками государственности и насколько продолжительным было ее пребывание в составе Российской империи. Эстонцы и латыши в Эстляндии и Лифляндии приобрели со-

^а С учетом того, что Курляндская и часть Лифляндской губернии были оккупированы немцами с 1915 г., а эстонские уезды Лифляндской губернии, согласно положению Временного правительства России «Об автономии Эстляндии» от 30 марта (12 апреля) 1917 г., были включены в состав Эстляндской губернии.

^б Национальными конституциями форма правления в Латвии, Литве и Эстонии определена как республика, то есть их полное официальное название: Латвийская Республика, Литовская Республика, Эстонская Республика.

лидный — 200-летний — опыт проживания в России, сочетая его с опытом сосуществования с остзейскими немцами. Обще-признанно, что между Россией и остзейскими немцами шло скрытое соперничество за влияние на эстонское и латышское население, что, в частности, нашло свое отражение в системе образования. Так, остзейские немцы всячески навязывали свою культуру и стремились к тому, чтобы остальные жители Эстляндии и Лифляндии познавали мир через немецкий язык и немецкие стереотипы [2, с. 6-20]. Российское воздействие было менее заметным и воспринималось частью эстонцев и латышей как более благоприятное. Так, можно отметить, что в 40-х годах XIX века развернулось массовое движение среди эстонцев и латышей по переходу в православие^а, то есть по выходу из-под конфессионального влияния немцев. К сожалению, этот момент был упущен со стороны Российской империи, и движение было остзейскими немцами нейтрализовано [3, с. 9].

Феномен отделения Прибалтики от России нет оснований рассматривать изолированно от других подобных процессов, вышедших на поверхность в результате революций 1917 года. В этот ряд, частности, входят Польша и Финляндия. Претендовали на обособление также Грузия, Армения, Украина, Башкирия и др. В каждом конкретном случае можно обнаружить особенности того, почему составные части Российской империи проявляли центробежные устремления. Общим знаменателем видится сепаратизм, который сейчас принято квалифицировать как усиление региональных элит и стремление их улучшить свое положение, правовое и экономическое, за счет процессов обособления, то есть получения большей самостоятельности и больших прав распоряжаться преимуществами своего положения.

К примеру, если обратиться к правовым основам нахождения стран в составе Российской империи, то они были разнотипными. Так, Финляндия являлась частью Российской

^а Разумеется, за этим движением по переходу в «царскую веру» стояли притязания латышей и эстонцев на «лучшую долю» — облегчение правового положения и обретение земельных наделов.

империи на основе личной унии, а отречение Николая II от престола прервало действие унии, что в какой-то мере объясняет технологию обретения финляндской независимости. Другой пример — коррективы, внесенные непредвиденным развитием фактических обстоятельств. К последним, безусловно, относится революция в Германии 11–12 ноября 1918 года, которая парадоксально материализовала независимость Прибалтики, предоставленную большевистским правительством (Совет народных комиссаров — СНК) России.

Если присматриваться к конкретным историческим фигурам данного периода, то нельзя не отметить, что к сепаратизму прохладно относился А. Ф. Керенский, возглавлявший Временное правительство России, — во время его нахождения у власти сепаратистские процессы несколько тормозились. Диаметрально противоположную позицию занял В. И. Ленин, возглавивший Октябрьскую революцию 1917 года, который поддержал сепаратизм Финляндии, Польши, а в итоге — вынужденно — и Прибалтики, дал ему выход в виде официальных решений правительства (СНК) о предоставлении независимости указанным странам. Более того, в этом ключе В. И. Ленин внес свой вклад в формирование концепции о праве наций на самоопределение.

Из внешних факторов наиболее очевидно просматривались германские мотивы экспансии своего присутствия в Балтийском регионе. В этом смысле закрепление колонизации Прибалтики, имея в виду местное немецкое (остзейское) население, воспринималось в Германии как предрешенный вопрос, и строились планы использования прибалтийских территорий в качестве плацдарма для продвижения на российский Север, в т. ч. для получения контроля над российскими северными портами. В германских планах также присутствовал проект создания Большой Финляндии.

Если придерживаться максимы о том, что идея становится силой, когда она овладевает массами, то логично исследовать прежде всего те идеи, которые легли в основу движения за отделение Прибалтики от России.

Следует уяснить, какие вообще идеи главенствовали в Прибалтике в конце XIX — начале XX века и кто выступал в каче-

стве их носителей. Ключом к ответу на поставленный вопрос может быть анализ населения по этническому и имущественному признаку. В этом отношении Прибалтика отличалась спецификой, обусловленной ее историческим развитием. Так, в Эстляндской губернии титульными считались немцы, которые именовались остзейскими, эстонцы и русские. В Лифляндской — остзейские немцы, латыши, эстонцы и русские. В Курляндской — немцы, латыши, поляки, русские [5].

Соответственно, общественные течения, которые фиксировались в странах Прибалтики в тот период, были сосредоточены на двух сюжетах. Разумеется, что среди прибалтийского населения циркулировали также социал-демократические идеи, но они существовали автономно и их носителями не выступали массовые организации.

Первый — национально-экономический, который выражался на эстонских и латышских территориях в противостоянии местного населения немецким землевладельцам, известным в то время именно как остзейские немцы и владевшим большинством земель. Поскольку в тот исторический период сельское хозяйство составляло основу экономики большинства стран, то ситуация складывалась таким образом, что эстонцы и латыши представляли собой в своей массе наемных сельхозрабочих и сельхозарендаторов [1].

Второй сюжет — конфессиональный, выразившийся в том, что эстонцы и латыши, не отвергая лютеранства, стремились добиться смены духовенства с немецкого на местное. Особенно находилась Латгалия, где доминировало католическое вероисповедание. Этнически и географически Латгалия была и остается близкой литовской Жемайтии. На территории Литвы происходили похожие процессы, но с акцентом на противостояние литовцев и поляков, как в экономическом, так и во внутриконфессиональном аспекте.

Эстонские, латышские, литовские общественные деятели придерживались тезиса о том, что оптимальным разрешением обеих противоречий — экономического и конфессионального — могло бы стать введение местного самоуправления в виде автономии. Такой статус, как они полагали, уравнивал бы права всех проживающих в Прибалтике, ограничивал бы верховенство остзейских немцев и давал бы местному населению

инструмент для балансировки межэтнических отношений. Что касается идеи государственной независимости, то она была представлена небольшими группами местных интеллектуалов, не структурированных в партии.

Отсюда начинается кристаллизация вывода о том, что идея прибалтийской государственной независимости на начальном этапе не выглядела продуктом прибалтийского саморазвития.

В большей и часто в наиболее очевидной форме идею независимости приносили в страны Прибалтики немцы, что носило характер государственной политики Германии. Мотив был понятен, так как Германия, воюя с Россией, готовилась закрепить эти территории за собой при любом варианте исхода войны. В частности, ссылались на исторические прецеденты, когда Эстония и Латвия входили в состав Тевтонского, а затем Ливонского орденов. Коридором, связующим Пруссию с тевтонской Эстонией и Латвией, выступала полоса литовского побережья, сгруппированного вдоль порта Мемель, известного сегодня как Клайпеда. Рассчитывали они, естественно, на местное немецкое население.

В Германии прибалтийская тема носила характер своего рода национального увлечения. Немецкие архивные данные свидетельствуют об определенном соперничестве между германским министерством иностранных дел и военными. Последние нацеливались на тактические задачи обеспечения немецкого военного присутствия в Прибалтике, МИД же Германии ставил перед собой стратегические задачи объединения всех немцев, проживающих на территории России, с центром в Прибалтике.

Судя по тому, что другие европейские страны не отвергли германских устремлений к Прибалтике и не проявляли параллельной активности, можно выдвинуть гипотезу, согласно которой могло предполагаться некое распределение сфер влияния на российскую территорию, в частности, в пользу такой версии говорит высадка англо-американского экспедиционного корпуса в Архангельске примерно в те же сроки, хотя прибалтийский плацдарм представлялся ближе и удобнее.

На эту мысль наводят и время признания независимости стран Прибалтики со стороны ведущих европейских стран.

Как известно, Великобритания и Франция, служившие ориентиром для других стран Европы, согласились оформить признание независимости Прибалтики лишь в 1921 году.

Соответственно, в прибалтийском обществе сложились различные группы влияния: ориентированные на Германию, Россию, западные страны Антанты, разновекторную политику, а также изоляционисты.

К независимой Прибалтике проявил повышенный интерес Ватикан и развернул там широкомасштабную деятельность по окатоличиванию населения. Издавались газеты, приезжали миссии, формировались общественные организации. Однако практических подвижек не наблюдалось. Прибалты заняли позицию, при которой они внешне не сопротивлялись деятельности Ватикана, но субстантивных встречных шагов не предпринимали. Ватикан тогда решил применить инструмент униячества, то есть соединения католичества и лютеранства в нечто единое целое, но под эгидой Святого Престола. Подобный инструмент в виде объединения католичества и православия был изобретен и применен при колонизации белорусских, украинских и литовских земель и оправдал себя. В Прибалтике же и власти, и местное население нашли для себя униячество неприемлемым.

Ближайшие соседи Прибалтики — североевропейские страны — рассматривали отношения с прибалтийскими государствами как своего рода обременение, а прибалтийских политиков воспринимали как маргиналов, хотя отдельные североевропейские деятели высказывали иные мнения [4]. В то же время Швеция, исторически ориентированная на лютеранство, выражала глубокое неудовольствие миссионерской деятельностью Ватикана в Прибалтике и вела деятельность по противодействию окатоличиванию Эстонии и Латвии.

Становление независимости стран Прибалтики сопровождалось и формированием их новых экономических связей с Советской Россией. Так, можно констатировать, что первоначально российские инвестиции в Прибалтике были продиктованы в большей части политическими соображениями, материализация которых обусловила своего рода профиль каждой из прибалтийских республик.

К примеру, Эстония превратилась в негласный канал финансово-экономических отношений большевистской России и стран Европы, через который осуществлялись контакты, заключались сделки и проходил скрытый товарный обмен до тех пор, пока Советская Россия не получила дипломатического признания в Европе и мире. Соответственно, российские инвестиции направлялись на обустройство этого канала и обеспечение его функционирования.

Литве была отведена роль противовеса Польше, которая не снижала своей агрессивности в отношении Москвы. Российские инвестиции использовались для сужения польского присутствия в этом субрегионе.

Латвия рассматривалась как основной форпост противостояния влиянию Германии в Прибалтике, и российские советские инвестиции, включая материальную помощь правительству Советской Латвии, направлялись на замещение германского бизнеса российским и создание предпосылок по закреплению настроений нейтралитета в Латвии.

Суммируя, можно констатировать, что в 1917–1920 гг. в политическом обороте находилось несколько концепций будущего Прибалтики.

Так, германская концепция предполагала создание в регионе нескольких прогерманских государственных образований, которые даже современники без стеснения называли марионеточными. В дальнейшем предполагалось их включение в состав Германии косвенным или прямым способом. Однако произошедшая в Германии в 1918 году революция перетасовала германские приоритеты, в частности, марионеточные государства в Прибалтике утратили свое значение для Германии и, следовательно, лишились германской поддержки, что привело их к самоликвидации.

Концепция, которая имела хождение среди коренного населения, выглядела как стремление к автономии; предполагались варианты как узкой, так и широкой автономии. Собственно, публичные проявления этой концепции в виде выступлений населения носили характер требований именно автономии.

Правительство большевиков продвигало концепцию формирования в Прибалтике социал-демократических респуб-

лик, которые по своему идеологическому наполнению были бы родственными российским социал-демократам и в таком качестве образовали бы своего рода пояс дружественных России государств.

Процесс становления государственной самостоятельности в Прибалтике, как и в соседних с ними Финляндии и Польше, характеризовался высокой степенью динамики, которая вносила новые и зачастую неожиданные моменты. К примеру, выдвижение претензий Финляндией на российские территории и попытки их получения силой. Другой пример — амбиции Польши на реинкарнацию Речи Посполитой в пику попытке распространить «мировую революцию» на Варшаву и военные действия в этой связи против Советской России. Оба фактора — финляндский и польский — не могли не затрагивать политические, общественные и экономические процессы в Прибалтике. Другими словами, ощущалось их прямое влияние на формирование государственности в Прибалтике, так как финляндская и польская деятельность на прибалтийских территориях вполне могла быть квалифицирована как реализация отдельных концепций.

Фактическое развитие событий в России, Германии, Финляндии, Польше и в самой Прибалтике в 1917–1920 гг. привели к слому большинства перечисленных концепций. Так, демонтаж германского фактора после революции в Германии и последующего поражения в мировой войне привел к тому, что германские группы влияния в Прибалтике потеряли опору и власть. Необходимость для российского большевистского правительства вести борьбу сразу на многих фронтах ослабило внимание России к Прибалтике, и пророссийские политики оказались в меньшинстве. Внутриполитическая борьба в Финляндии и Польше переориентировала эти страны с Прибалтики на другие приоритеты.

В результате внутри Прибалтики и вокруг нее образовался идеологический вакуум в том смысле, что все претенденты на Прибалтику перестали уделять ей прежнее внимание и отодвинули в сторону свои концепции. В этих условиях во власти в Прибалтике утвердились умеренные националисты, которые во внешней политике, при всех опасениях советизации и германизации, стали проводить разновекторную безблоко-

вую политику^а — ввиду межгосударственных противоречий (противостояние Польши и Литвы, а также опасения в Риге польских амбиций препятствовали созданию полноценного регионального блока), из осторожности, а также из-за отсутствия опыта государственного управления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Н. С.* Революция 1905–1907 гг. и прибалтийские немцы. М., 2016. — (Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований).

2. *Богов В. А.* Межэтнические противоречия и правительственная политика по вопросам образования в Лифляндии в XIX веке // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3. С. 6–20.

3. *Воробьева Л. М.* Прибалтийский вопрос: эстонское направление (1920–2016 гг.). М., 2016.

4. Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР, 1935–1937 гг.: Документы и материалы / Автор-сост. Н. Н. Кабанов, под ред. В.В. Симиндея. М., 2016.

5. Россия накануне великих потрясений. Социально-экономический атлас 1906–1914. М., 2017.

^а Оборонительный союз Латвии и Эстонии, заключенный в 1923 г., все же не следует считать полноценным блоком.

Ирина Новикова, Николай Межевич

ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ГОСУДАРСТВАМИ ПРИБАЛТИКИ В 1918 Г.: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

***Аннотация.** Воспоминания о прошлом директивно регулируются настоящим в государствах Прибалтики, что связано с особенностями политико-правовой и исторической баз обретения независимости как в 1918–1920 гг., так и в 1989–1991 гг. Эти основания включали в себя многочисленные нарушения прав народов и отдельных людей, гражданские войны, внешнюю военную агрессию и уникальный политический оппортунизм. Многочисленные «белые пятна» истории неизбежно выталкивают государства Прибалтики на пропагандистскую войну, заменить которую может лишь объективное изучение исторического прошлого.*

***Ключевые слова:** независимость, междунаро́дные отношения, Прибалтика, становление государственности.*

В государствах Прибалтики воспоминания о прошлом директивно регулируются настоящим. Это связано с тем, что политико-правовая и историческая база обретения независимости в 1918–1920 гг. и 1989–1991 гг. основана на многочисленных нарушениях прав народов и отдельных людей, гражданских войнах, внешней военной агрессии и уникальном политическом оппортунизме. В этих условиях замена истории на миф, подчистка историографии и прямой обман становятся нормой государственной исторической политики, а через нее воплощаются в практической внешнеполитической деятельности.

Многочисленные недосказанности национальной истории, «белые пятна», системный геополитический коллаборационизм выталкивают государства Прибалтики на безнадежную

пропагандистскую войну. Одна из причин подобной политики — специфика провозглашения независимости сто лет назад. Именно там находится та точка, где реальная история заменяется на мифологию.

Провозглашение независимости странами Прибалтики датируется 1918 годом. Механизм правового оформления этой независимости оказался достаточно сложным. Для Эстонии и частично Латвии стали существенными и действия Временного правительства России, решения большевистского правительства, и военно-политическая активность русского Белого движения, немецкая политика и венчающий ее Брест-Литовский мир, особые интересы Антанты и Компьенское перемирие. Для Литвы «выпадает» одно звено — Временное правительство России, но это не меняет ситуацию существенно. Особую роль сыграли внутренние противоречия между «красными» и «белыми» латышами и эстонцами, высокий авторитет левых партий в Прибалтике в целом. Значимым моментом в международном признании новых государств стали договоры с Советской Россией, признанные странами Европы. Тем не менее для Литвы и Латвии в большей степени и для Эстонии в меньшей степени германский фактор определил логику получения и оформления независимости.

Германский фактор независимости в силу географических причин и военно-политического контроля с 1915 года наиболее значим для будущей Литвы. Альфонсас Эйдинтас, литовский историк, профессор и, самое главное, посол Литовской Республики в Российской Федерации, отмечает, характеризуя ситуацию немецкой оккупации к началу 1917 года: «Немцы, тем временем, придумывали, как лучше аннексировать эти захваченные территории, в том числе Литву, уже после, и, когда Брестский мир уже приближался, немножко изменили тактику аннексии на создание таких квазигосударств, потребовав от них декларации о связях с Германией — с тем, чтобы таким образом декларировать эти желания в Бресте на переговорах» [13]. Такая декларация не только была «потребована», но и получена. В дальнейшем литовские историки предпочитали не вспоминать об этом событии или исказить его сущность.

Так, в «Истории балтийских стран» указано, что Декларация от 11 декабря 1917 года является «Актом о независимости» и в ней заявлено об укреплении политико-экономических связей с Германией [11]. На самом деле в документе, подготовленном и отредактированном немецкой администрацией, указано то, что Тариба Литвы просит у Германской империи помощи и защиты. Тариба высказывается за вечную, прочную связь с Германской империей; эта связь должна осуществляться на основе военной конвенции, общих путей сообщения и на основе общей таможенной и валютной системы [8, с. 130]. Посол и профессор отметил: «Первая декларация была уже под прямым влиянием немцев сделана 11 декабря 1917 года, первая часть, которую послали России, что Литовская Тариба объявляет независимость Литвы. Вторая часть, уже которую требовала Германия, что Литовская Тариба идет на уступки Германии и подписывает четыре конвенции — таможенная, военная, сообщений и финансовая. Вот это должна Тариба была обещать немцам» [13].

Декларация 11 декабря стала ключевым аргументом германской делегации в Брест-Литовске. Закономерно и то, что в литовском обществе эта декларация вызвала серьезный конфликт. 16 февраля Тариба объявила полную независимость Литвы от всех государств со столицей в Вильнюсе, причем в этом акте написано, что строй государственный и так далее должен быть установлен Учредительным собранием после свободных выборов. Германская делегация опиралась на декларацию Литовской Тарибы от 1 декабря 1917 года, в которой, с одной стороны, провозглашалось отделение Литвы от России, а с другой — «вечные, прочные союзные связи литовского государства с Германией» [15, с. 7-8].

Впрочем, германская военная администрация «Обер-Ост» признавала только декларацию 11 декабря. Интересно и то, что «в «Акте о Независимости Литвы» от 16 февраля 1918 года провозглашалось «восстановление», а не «создание» государства» [17, с. 376]^а. Данный момент принципиально важен с международно-правовой точки зрения. Согласимся с В. Ивановым:

^а Дословно на фр. яз.: *“restauration de l’Etat de Lithuanien Indèpendant”*.

«Ни с юридической, ни с исторической, ни с политической точки зрения государство литовцев “Литва” как таковое никогда не фигурировало в истории в качестве суверенного субъекта международного права, поскольку такого государства вообще никогда не было. Таковым являлось государство Великое Княжество Литовское. Отсюда и реставрировать — восстанавливать государственную власть “Литвы” (или, скажем, литовцев) литовская Тариба либо кто еще — не могли по определению» [10].

23 марта 1918 года Германия признала новое литовское государство, но не как независимую страну, а как ассоциированное государство. 5 июня 1918 года королем Литвы был избран вюртембергский герцог, католик, Вильгельм фон Урах, который должен был стать литовским королем Миндовгом II. Реализация этого плана оказалась невозможной, т. к. он не устраивал молодой литовский политический класс, точнее его большинство, национальные меньшинства, страны Антанты, Польшу, Советскую Россию. Революция в Германии отложила, в известном смысле, попытки реализации указанного плана до 1941 года.

Декларация о независимости 18 ноября 1918 года была принята в Латвии в условиях оккупации немецкими войсками. При этом 17 ноября 1918 года Латышский временный национальный совет и Демократический блок согласились на совместное формирование временного парламента — Народного совета Латвии. В нем не были представлены ориентированные на Советскую Россию большевики, значительная часть левых, прогермански настроенные политики — латыши, немцы и евреи.

Германская делегация 14 (27) декабря представила на переговорах в Бресте Декларацию Литовского совета от 11 декабря 1917 года, а также решение Рижской городской думы. Оба документа должны были доказать большевикам и косвенно Антанте то, что прогерманские марионеточные режимы и есть волеизъявление жителей этих территорий. Именно поэтому и эти документы, и Литовская декларация о независимости — единица хранения германского архива, не более. Показательно и то, что после обнаружения литовским историком,

профессором Людасом Мажилисом в политическом архиве министерства иностранных дел в Берлине в марте 2017 года указанного документа Берлин отказался передать Литве на постоянное хранение подлинник, справедливо считая его частью германской политической истории XX века. Именно поэтому документ был найден в разделе немецкого архива «Будущее балтийских провинций: Литва» [6].

Ситуация в Латвии отличалась тем, что вплоть до середины 1917 года немецкими войсками была оккупирована лишь половина Латвии. Оккупация Риги германской армией состоялась 3 сентября 1917 года. Сразу же началось политическое оформление особых отношений Германии с остзейскими губерниями. 21-22 сентября 1917 года в Митаве собрался Курляндский ландтаг. Более чем показателен был состав делегатов: 50 немцев, 28 латышей, 1 еврей и 1 литовец. В исполнительный орган — ландрат избрали 14 немцев и 6 латышей. Разумеется, последовала резолюция: «отдать свою судьбу в руки кайзера Германии». 10 октября в Риге произошло вообще уникальное с правовой точки зрения событие. Немецкая оккупационная администрация собрала часть гласных городской думы созыва 1913 года и «попросила» их выступить с прошением об особом статусе Риги в рамках германской государственности. 22 (9) декабря 1917 года влиятельная группа германофилов подготовила обращение к кайзеру Вильгельму с просьбой о присоединении Латвии, а точнее той территории, которая затем станет Латвией, к Германии [9, с. 99].

Впрочем, германский фактор — не единственная проблема легитимизации независимости. Вопрос о легитимности принятых решений можно рассмотреть на примере конгресса в Резекне. В монографии Яниса Урбановича «Как создавали Латвию. 1917» рассказывается о конгрессе латышей Латгалии в Резекне в 1917 году. Уже в рамках этого конгресса началось построение государства одной нации. Обратимся к редкому, но важному документу: «Пункт 4. “Выборы в местные органы самоуправления происходят на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального (по отношению к национальностям) голосования”. Пункт 5. “Мы, латыши — латгалцы, выбрав своих представителей в Латгальский

Временный Земский Совет, поручаем им войти в сношения с представителями национальностей, населяющих Латгалию, для совместной выработки будущих основ местной жизни” [16, с. 55]. Все логично и корректно. Но конгресс постановил избрать Временный земский совет, состоящий из 60 человек (Двинского, Режицкого и Люцинского уездов). В состав Совета входят, пропорционально количеству населения от следующих народностей: латышей — 36, русских — 12, евреев — 8, поляков — 3 и остальных — 1.

Это соотношение не отражает национальный состав региона. Об этом пишет и сам Я. Урбанович, в другом месте, не акцентируя на этом моменте внимания: «К 1897 году на территории Латгалии проживало 501 623 человека, из них: латышей — 253 792, русских — 77 967, белорусов — 66 448, евреев — 63 851, поляков — 30 972» [16, с. 32]. За последующие двадцать лет латыши в Латгалии не приобрели пропорции, справедливо позволявшие претендовать на 36 мест из 60. О каком пропорциональном представительстве можно говорить в этом случае? Именно такая демократия была построена в 1918–1920 гг. и в 1990–1992 гг. в государствах Прибалтики.

Следует дать и политическую оценку достаточно коротких, но важных периодов существования советской власти в Латвии и Эстонии. При всех нюансах советская государственность — важная часть опыта становления государственности в регионе. «В Латвии в 1917 г. Советы совершенно отчетливо и ясно определились как политические учреждения, которым надлежало стать основой будущей государственности латышского народа» [14, с. 15]. Однако и в Эстонии, и в Литве кратковременное присутствие советской власти, по сути, было началом процесса национально-государственного строительства.

Рассматривая германский фактор в провозглашении независимости народами Прибалтики, закономерно признать вслед за предшественниками особую роль Брестского мира. Согласно договору от 3 марта (19 февраля) 1918 года между Советской Россией и представителями Четверного союза и добавочным договорам (подписаны 27 августа 1918 г. в Берлине), Москва должна была провести полную демобилизацию армии, признать независимость Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы,

Польши, Украины, Грузии. Вместе с тем следует особо подчеркнуть значение Компьенского соглашения, благоприятного для формирующихся государств Прибалтики и опасного для Советской России. «Условия Компьенского перемирия обязали Германию передать гражданскую власть националистическим правительствам оккупированных территорий» [7, с. 5].

Формирование национальной государственности в 1918–1920 гг. произошло в условиях деструкции традиционных центров силы, а не продолжительной национально-освободительной борьбы. В этом контексте история Эстонии, Латвии, Литвы и история Польши практически несопоставимы. В конечном счете, со стороны Германии, Британии, Советской России «признание права на самоопределение еще не означало признание независимости этих народов» [12, с. 99].

Мы не можем согласиться с позицией эстонских историков, ставящих в один ряд процессы провозглашения независимости пяти государств. «Обретение независимости Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей, прежде входивших в состав Российской империи, стало... своего рода чудом, так как для этого требовалось, чтобы поражение в мировой войне потерпели и Германия, и Россия, а они воевали на противоположных сторонах» [5, с. 151]. Этого мало, поражение должны были понести и оппоненты внутри соответствующих стран. Никакого чуда в Польше и Финляндии не произошло. Устойчивые традиции государственности в Польше проходили многократную проверку в ходе восстаний XIX века. Мирное и демократическое развитие Великого княжества Финляндского изначально проходило в других условиях, по сравнению с условиями в остзейских губерниях.

Для обоснования правовой позиции, исторических корней государственности и особой политической гибкости своего политического класса эстонский политик межвоенного периода Ю. Улуотс выдвинул так называемую «договорную теорию» [4, с. 90–92], суть которой, в интерпретации К. Сийлиласка [3, с. 24–25], заключалась в следующем: «В XIII в. эстонцы добровольно, в порядке соглашения передали государственную власть (древнеэстонское право) немецкому ордену. Последний, в свою очередь, уступил ее польским и шведским властям,

а они — русскому государству. От русского государства на основе постановления от 30 марта 1917 года (частично) ее получил «маапяэв» Эстонии, объявивший себя 15 ноября верховной властью в Эстонии. От «маапяэва» власть перешла временно в руки немецких оккупационных властей. 19 ноября 1918 года на основе договора, заключенного между Германией и правительством буржуазной Эстонии, государственная власть вновь перешла в руки эстонского государства». Попробуем экстраполировать эту концепцию на историю Эстонии после 1938 года. В этом случае достаточно интересно можно трактовать «договорную» утрату независимости в 1939–1940 гг. и столь же договорное ее «восстановление» в 1991 году. Собственно говоря, мифология континуитета государственности Эстонии, Латвии и особенно Литвы не имеет другого, более рационального обоснования.

Далее. Политика памяти в современной Прибалтике базируется на принципиально новом, хотя и необычном подходе, озвученном министром образования Эстонии Яаком Аавиксоо при вступлении в должность. Теперь уже экс-министр, он отмечал в газетах и в журнале «Diplomaatia» в марте 2011 года: «Информационное самоопределение на уровне национального государства также означает, что никто не может вынудить нас говорить правду, если мы сами этого не хотим. И с нашей стороны было бы глупо винить другие государства, если они не хотят всегда говорить правду» [1, с. 156]. Впрочем, самое интересное даже не факт признания «историоцида», самое интересное в том, что министра поддержала значительная часть академического сообщества. Возможен вопрос, в какой степени такой подход оригинален сегодня в 2018 году? Какой же вопрос решали политики Прибалтики? Почему зачастую одни и те же люди подписывали декларации в поддержку Берлина, Петрограда, Парижа и Лондона? С чем связано то, что одни и те же политики были готовы стать комиссарами Временного правительства России, министрами немецкого короля и лидерами независимых государств?

С нашей точки зрения, создание национального государства было не более чем средством достижения главной цели — личной политической власти, название государства и интересы народов не были ключевым приоритетом. «Демократия, какой бы она ни была, — это лучшее, и при необходимости допустимы

и оправданны отступления или даже отказ от определенных принципов и норм демократии, если это вызвано неизбежностью противостоять большему злу» [2, с. 40]. Эти принципы работали в 1918 году, показывают свою эффективность и в политической истории современных государств Прибалтики.

Все вышесказанное не означает непризнания соответствующих политических решений столетней давности российскими политиками и историками. Последовавшее международно-правовое признание и договоры Советской России с Эстонией, Латвией, Литвой в 1920 году легитимизировали эти решения. Через сто лет, в условиях многоуровневого экономического и политического кризиса, спекуляции на собственной истории становятся ключевым ресурсом консолидации избирателей на правом фланге политического спектра (и без того непропорционально раздутым). Это обеспечивает выстраивание предельно неконструктивной политики в отношении России.

Последовавшие в 1925 году неоднократные попытки достичь консолидированной позиции в военно-политических вопросах с другими государствами-лимитрофами успеха эстонской дипломатии также не принесли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Aaviksoo J.* Infokonfliktid ja enesekaitse // *Diplomaatia*. № 91. Märts. 2011. Цитируется по: *Никифоров И. В.* Принцип «континуитета» как основа современной политики исторической памяти в Эстонии // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований* № 1. 2015.

2. *Krēsliņš U.* Политическое развитие Латвии в 20 веке: от «демократии взглядов» и авторитаризма к «демократии денег» // *Acta Humanitarica Universitatis Saulensis*. Т. 7. 2008.

3. *Siilivash K.* Veebruarist Oktoobrini 1917. Tallinn, 1972.

4. *Uluots J.* Grundzüge der Agrargeschichte Estlands. Tartu, 1935, lk. 123; *Piip A.* Estlands Weg zur neuen Verfassung. Tartu, 1936; *Idem.* Rahvusvaheline oigus. Tartu, 1936.

5. *Адамсон А., Валдмаа С.* История Эстонии. Таллин, 2000.

6. Акт Независимости Литвы найден: первое действие спектакля? URL: <http://ru.sputniknews.lt/columnists/20170330/2592917/akt-nezavisimosti-litvy-najden-v-germanii.html> (дата обращения: 28.03.2017).

7. *Баторшина И. А., Манкевич М. А.* Сравнительный анализ переходных процессов в Литовской Республике в 1917–1922 и 1989–1991 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 4.

8. *Витковский А., Ямпольский В.* Вчера это было секретом. Документы о литовских событиях 40–50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10.

9. *Воробьева Л.* История Латвии. От Российской империи к СССР. Книга 1. М., 2009.

10. *Иванов В.* «DE JURE И DE FACTO»: о становлении государства литовцев 1918–1941 гг. URL: <http://ru-news.ru/16-fevralya-95-let-deklaratsii-nezavisimosti-litvy-chast-2-ya/> (дата обращения: 28.05.2017).

11. *Кяупа З., Мязсалу А., Паюр А., Страубе Г.* История Балтийских стран. Таллин, 1999.

12. *Кужушкина И. А.* Литва — Россия 1920 // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.

13. Литва в борьбе за независимость (1917–1940 годы). URL: <https://echo.msk.ru/programs/senarobedy/1988529-echo/> (дата обращения: 28.05.2017).

14. *Миллер В. О.* Создание советской государственности в Латвии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук // Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Юридический факультет. М., 1966.

15. Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. М., 1920.

16. *Урбанович Я.* Как создавали Латвию. 1917 г. Рига, 2017.

17. *Чепайтене Р.* Воспоминания о величии: образ Великого княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы // Український історичний збірник, вип. 16. 2013.

Александр Рупасов

**СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ЭСТОНИИ:
НАДЕЖДЫ И СКЕПСИС.
1905-1925 ГГ.**

***Аннотация.** Провозглашение независимости новыми государствами на востоке Балтики с неизбежностью ставило перед этими государствами необходимость поиска гарантий ее сохранения. Помимо обеспечения внутренней политической стабильности (основу которой должны были обеспечить создаваемый государственный аппарат и устранение обусловленных утратой хозяйственных связей с бывшей метрополией негативных последствий в экономике) этим государствам необходимо было занять то место в радикально изменившемся геополитическом ландшафте, которое гарантировало бы внешнеполитическую безопасность. С реализацией последней задачи дело обстояло значительно сложнее, чем с решением экономических проблем. В поисках решений правительству Эстонии приходилось постоянно искать ответы на многочисленные внешнеполитические вызовы. Усилия эстонской дипломатии в силу объективных обстоятельств результатов не принесли.*

***Ключевые слова:** революция, независимость, суверенитет, международные отношения, государства Балтии.*

Революции 1905 и 1917 гг. связаны напрямую, это звенья одной цепи, части одного процесса — процесса глобальных перемен в социально-политической системе общества, а главное, в мировоззрении людей, осознавших необходимость перемен. Более того, это было связано не только с государственным управлением, но и с национальным компонентом на фоне начавшегося во второй половине XIX века во многих странах национального и патриотического подъема. Так, параллельно

с революционно-политическим движением на территории Прибалтики разворачивается движение и национально-освободительное, которое, дополняя и углубляя социально-политические проблемы, в итоге стало после 1905 года одним из катализаторов нового этапа революционного процесса, продолжившегося в 1917 году.

1 ноября 1917 года на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) от В. И. Ленина присутствовавшие услышали: «<...> мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать. Теперь только соц[иалистическая] револ[юция]» [11, с. 217]. Параллельно с размышлениями о мировой революции и гражданской войне как некоей гарантии успешного завершения предпринятого эксперимента (не только в России) в риторике большевиков присутствовал и тезис о праве наций на самоопределение. Совокупность этих идей не могла не повлиять на формирование взаимоотношений центральной власти с устремившимися к независимости национальными окраинами бывшей империи, а частичное снятие заключенных в ней противоречий, четко выявлявшихся в практике под влиянием быстро менявшейся ситуации, достигалось за счет действий, носивших тактический и далеко не всегда публичный характер.

После провозглашения независимости новым государствам с неизбежностью приходилось сталкиваться с необходимостью поиска гарантий ее сохранения. Помимо обеспечения внутренней политической стабильности, основу которой должны были обеспечить создаваемый государственный аппарат и устранение обусловленных утратой хозяйственных связей с бывшей метрополией негативных последствий в экономике, этим государствам необходимо было занять то место в радикально изменившемся геополитическом ландшафте, которое гарантировало бы внешнеполитическую безопасность. Если решение проблем в экономике хотя бы отчасти достигалось кардинальной ломкой экономической жизни (и в какой-то мере надеждами на значимость портовой и железнодорожной инфраструктуры Прибалтики для Советской России), то с реализацией последней задачи дело обстояло значительно сложнее. В поисках решений властям Эстонии, как, впрочем, и Латвии,

и Литвы приходилось постоянно искать ответы на следовавшие буквально один за другим внешнеполитические вызовы.

События октября 1917 года повлекли на недолгий срок установление советской власти в Эстляндской губернии, но созданный при Временном правительстве т. н. Временный земский совет Эстляндской губернии отказался признать ее легитимность и на своем заседании 15 (28) ноября провозгласил себя верховной властью на период до созыва конституционного собрания. Следствием стал роспуск земского совета 19 ноября (2 декабря). В начале 1918 года большевики организовали проведение выборов в Учредительное собрание Эстонии, но так как более $\frac{2}{3}$ избирателей поддержали выступавшие за полную независимость страны партии, то выборы были объявлены недействительными.

Одним из первых вызовов для провозглашенной 23-24 февраля 1918 года независимости Эстонии стала германская оккупация. Срыв Л. Д. Троцким переговоров в Брест-Литовске повлек 18 февраля возобновление германского наступления. На следующий день Временный земский совет создал Комитет спасения Эстонии, который подготовил и публично огласил 23 февраля в Пярну, а 24 февраля в Ревеле Декларацию независимости Эстонии. Последствия занятия германскими войсками территории бывшей Эстляндской губернии свелись не только к упразднению оккупационными властями провозглашенной независимости, но и к переоценке в Петрограде сложившейся после подписания мирного договора в Брест-Литовске ситуации. По мнению Григория Зиновьева, заключение мира с Германией («тяжелая хирургическая операция») означало ослабление (правда, только «на некоторое время») революционного движения в Европе [13, с. 171-172]. Неотягощенные коммунистической догматикой военные деятели оценивали ситуацию более прагматично, хотя и облекали свои выводы в соответствующую моменту словесную мишуру. 30 марта 1918 года из Оперативного отдела Военного совета Петроградского района обороны^а в адрес наркомата по иностранным делам поступила записка за подписью во-

^а Был образован постановлением Комитета революционной обороны Петрограда от 3 марта 1918 г. и директивой Высшего военного совета Республики от 5 марта 1918 г.

енного руководителя района военного инженера профессора А. В. Шварца, комиссара А. И. Ковригина и начальника штаба профессора Генерального штаба Б. В. Геруа. Они признавали, что «хотя ввиду заключенного мира не приходится говорить о каком-либо противнике по крайней мере в ближайшее время, но принимая во внимание слабость России в настоящий момент, которая открывает всем соседям нашего государства весьма заманчивые перспективы обогащения за наш счет и ту угрозу, какую представляет собой для них, как зараза, социальные реформы, проводимые в настоящее время у нас, и, как результат этих реформ наше будущее усиление — станет ясно, что борьба возобновится с новой силой. Так как нашим врагам не выгодно давать нам такой “передышки”, которую мы могли бы использовать к своей выгоде, то следует думать, что возобновление борьбы не заставит себя долго ждать». В силу этого, считали авторы письма, «задача военных и политических органов сводится к созданию наивыгоднейшей обстановки к моменту возобновления борьбы. В целом вопрос сводится к удалению района вероятных столкновений от Петрограда»^а. Авторы записки отмечали: «Революция сама по себе является носителем активных идей и всякое революционное правительство будет вести активную политику. В этом отношении революционная политика аналогична со стратегией, которая, допуская иногда активную оборону совершенно отвергает оборону в чистом виде»^б. Тревогу у них вызывало то обстоятельство, что сложившаяся после заключения мирного договора с Германией ситуация исключает возможность активной обороны Петрограда со стороны Нарвы.

Период германской оккупации эстонских земель не был продолжительным. Следующим вызовом для независимости Эстонии стали события ноября-декабря 1918 года, когда с ее территории начался отвод германских частей. 9 ноября большевиками в Нарве (специально переданной СНК РСФСР из состава Петроградской губернии в состав Эстонии) была создана Эст-

^а См. об этом: Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0135. Оп. 1. П. 101. Д. 6. Л. 1.

^б Там же. Л. 2.

ляндская трудовая коммуна, воинские части которой начали продвижение к Ревелю. Ресурсов для оказания сопротивления у Временного правительства Эстонии не было, критическая ситуация заставила его принять 23 ноября решение об обращении с просьбой о помощи к Финляндии. В этот же день в Хельсинки были направлены министр без портфеля Яан Тыниссон и министр образования Пеетер Пылд. 24 ноября они уже были в столице Финляндии, но, поскольку это был воскресный день, им не удалось сразу связаться с кем-нибудь из членов правительства Ю. К. Паасикиви. Только в понедельник им довелось встретиться с последним и с регентом П. Э. Свинхувудом. На состоявшемся заседании финского правительства военный министр В. Теслефф и министр иностранных дел Отто Стенрут заняли сдержанную позицию в отношении обращения правительства Эстонии, так как считали возможности своей страны ограниченными. Свинхувуд высказался за оказание помощи. Новое правительство во главе с Лаури Ингманом несколько дней спустя подтвердило решение отправить в Эстонию оружие; первая партия была послана уже 29 ноября. Отправка оружия встретила возражения со стороны финского генштаба. Военному министру Р. Вальдену был направлен соответствующий документ с просьбой изменить эту практику, что и было сделано. В дальнейшем оружие Эстонии продолжали поставлять, но это были уже своего рода обменные операции. На эстонской территории сохранились большие склады русской армии, в том числе боеприпасы и запасные части для артиллерийских орудий, в чем финская армия испытывала наибольшую потребность. У последней, однако, дело довольно благополучно обстояло со стрелковым оружием. В результате был налажен своего рода обмен стрелкового оружия и боеприпасов к нему на артиллерийские снаряды и запасные части.

28 ноября 1918 года в Хельсинки министр иностранных дел Эстонии Я. Поска встретился с Л. Ингманом и выразил надежду на получение займа и направление в Эстонию финских частей (2000 солдат). С последней просьбой финский премьер согласиться не мог, так как законодательство запрещало подобного рода действия. Однако он не был против вербовки добровольцев. Министр финансов К. Кастрен 2 декабря сообщил Поске о предоставлении его стране займа в 10 миллионов финских

марок и о том, что возможно предоставление дополнительно еще такой же суммы. Соглашение о займе было подписано 10 декабря. Публично вопрос о вербовке добровольцев в Эстонию был поднят в финской прессе 10 декабря, а 23 декабря между возникшим в Финляндии комитетом помощи Эстонии и временным правительством Эстонии было подписано соглашение о направлении в Эстонию 2000 добровольцев [8, с. 150–159]. Наступление красноармейских частей от Нарвы удалось в результате остановить. Однако это не решало проблемы признания независимости внешним миром и не являлось гарантией сохранения независимости. Хотя в мае 1919 года эстонская делегация была допущена к работе т. н. Прибалтийской комиссии Парижской мирной конференции, однако признание независимости Эстонии, как, впрочем, и Латвии, и Литвы, было поставлено в зависимость от решения правительства России (т. е. от Верховного правителя — Колчака).

2 февраля 1920 года, несмотря на протесты Антанты, Эстония заключила мирный договор с РСФСР. Государства Антанты признали ее независимость в 1921 году, а США в 1922 году. Уступки, на которые советская сторона вынуждена была пойти («позорный мир»), еще долго вспоминались в Москве. Член коллегии НКВД Я. Ганецкий (Фюрстенберг) в ноябре 1922 года упоминал об упреках со стороны политического руководства, что с эстонцами и латышами советские дипломаты продолжают говорить языком 1919 года, тогда как те должны «понимать и чувствовать, что разговаривают с представителем Великой державы», благодаря которой эстонские и латышские политики «отчасти имеют возможность вообще говорить»^а. На это полпред в Латвии К. К. Юренёв отвечал: «Правительства Латвии и Эстонии, чувствуя себя объективно — “калифами на час” и будучи целиком под влиянием наших врагов, ведут по отношению к нам безответственно-озорную политику. Гораздо легче “обуздать” крупное правительство, чем уверенных в своей безнаказанности политических озорников Прибалтики»^б. В данной связи следует отметить явно различное восприятие *времени* советской стороной и властями государств Балтии.

^а См об этом: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 25. П. 172а. д. 32. Л. 100.

^б Там же. Д. 34. Л. 78.

Для Москвы в эти годы его бег был стремительным, что воспринималось как неприятная неизбежность, зато малейшая пауза принималась как дар. В Таллине и Риге, скорее, исходили из того, что располагают довольно продолжительным отрезком времени, как правило, говорили о двух десятилетиях, в течение которого допустимо то, что в Москве называли озорством.

22 сентября 1920 года в Политотчете ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции Ленин заявлял: «Мы не принимали резолюции, что военным путем поможем советизации Грузии и Эстонии. Мы принимали резолюцию обратную, что не помогаем... мы завоевали мелкую буржуазию и крупную буржуазию маленьких стран, формально независимых, но задавленных Антантой. Это решило заключение мира с нами Эстонии... она с нами заключила мир, как только ей показали международный империализм» [11, с. 373-374]. Что конкретно упомянутый империализм успел показать Эстонии, председатель СНК благоразумно не упомянул, впрочем, он столь же благоразумно не выразил публично радости по поводу действий эстонских властей, в результате которых Северо-Западная армия Юденича прекратила свое существование. В данном случае уместным будет привести слова одного из самых опытных советских дипломатов К. К. Юренёва: «... “мы великая держава” и т. п. Это, конечно, верно, но нельзя забывать того, что... Латвия и Эстония возникли как государства не нашей милостью, а против нашей воли, и что мы вынуждены были подписать “позорный” для нас мир»^а. В связи с ленинским утверждением о завоевании мелкой и крупной буржуазии маленьких стран стоит упомянуть, что в НКВД исходили из того, что Эстония наряду с Латвией и Литвой входит в число государств «не представляющих из себя жизнеспособного экономического целого»^б. Член коллегии НКВД Я. Ганецкий свой анализ от-

^а См. Об этом: АВП. Ф. 04. Оп. 25. П. 172а. д. 51799. Л. 78. Выделения в тексте принадлежат Юренёву.

^б См. об этом: АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 67. Я. Валге обращает внимание на то, что эстонские политики левого толка объясняли опустошение государственной казны и истощение ресурсов Государственного банка в начале 1920-х гг. неверием влиятельных политиков в сохранение государственной независимости. — Я. Валге. У денежных кранов Банка Эстонии // Tuna. 2006. Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. С. 136.

ношений с государствами Балтии строил исходя из того, что этим государствам уготована незначительная роль в европейском концерте^а. Тезис, с которым вполне согласились бы и в Таллине. Вместе с тем необходимость в получении Советской Россией канала для торговых операций в Европе в условиях экономической блокады не только продиктовала уровень уступок в ходе мирных переговоров с Эстонией, но и вселила в торгово-финансовые круги последней надежды на получение исключительных преференций от транзитных операций, в том числе и по закупкам оружия. Период ажиотажа продолжительным не был, но всколыхнул небывалую волну спекуляций^б. Представитель фирмы Я. Пертселя Eesti Kaubanduse Liit («EKAL») Эдуард Генрихович Грюнер, также являвшийся сотрудником петроградского отделения эстонской контрольно-оптационной комиссии, рассказывал: «В октябре месяце 1921 г. я, находясь в Москве, получил письменное предложение от фирмы “Флемминг” продать в Советскую Россию 500 тысяч винтовок и 2000 пулеметов под видом (в упаковке) американских машин. Я был болен, а потому данная операция мне не удалась. Между тем, одно из моих писем было перехвачено Эстпосольством в Москве, военным представителем [Яаном] Ринк, и отправлено в Эстонию, что побудило Кайц-полицию к объявлению меня в государственных известиях неблагонадежным, подлежащим аресту»^с.

Уже осенью 1920 года в Москве стали испытывать разочарование в отношении использования Эстонии в качестве канала торговых операций с Западом. Так, работавший в Главном управлении Красного военно-воздушного флота Георг Линно в октябре 1920 года уже считал, что в делах в Ревеле приходится отказываться от обычных формальностей, гарантирующих в полной мере интересы снабжения. Былая заинтересованность в использовании эстонского транзита, улетучившаяся уже через год после подписания мирного договора, мизерные

^а Там же. Ф. 04. Оп. 25. П. 172а. д. 51797. Л. 16.

^б Анализ экономической ситуации в Эстонии в рассматриваемый период сделан в монографии Я. Валге: *Valge, Jaak. Breaking away from Russia: Economic stabilization in Estonia 1918-1924 / Studia Baltica Stockholmiensia. 2006. Vol. 26. 232 P.*

^с См. об этом: Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 22187. Т. 2. Л. 37-37об., 69.

объемы двусторонней торговли, обусловленные в значительной степени аграризацией эстонской экономики и в не меньшей степени ограниченностью внешнеторгового потенциала и структурой советского экспорта, как выяснилось, не могли служить инструментами в достижении Москвой сугубо политических целей.

Для Эстонии к этому времени стало очевидным отсутствие сколько-нибудь значимых гарантий сохранения независимости. Поступавшая по дипломатическим каналам информация скорее свидетельствовала о широко распространенном в западных дипломатических кругах пессимизме в отношении сохранения государствами Балтии своей независимости, рассуждения о некоей реабсорбции их в недалекой перспективе не были редкими. Тревожила Эстонию и Латвию также информация об обсуждении германскими и советскими дипломатами идеи нейтрализации государств Балтии, под чем понимались отказ этих государств от активной внешней политики и предоставление им гарантий самостоятельности и неприкосновенности со стороны Советской России и Германии^а.

Иногда пренебрежительное отношение к государствам Балтии просачивалось и в прессу дружественной Эстонии Финляндии. Так, 9 июня 1921 года в хельсинкской «Hufvudstadsbladet» за инициалами V. G. (за ними скрывался генерал-майор Пауль фон Герих, начальник Хельсинкского шюцкоровского округа) была опубликована статья «Должна ли Финляндия вступать в балтийский оборонительный союз?». В публикации отмечалось, что связывать судьбу страны с государствами Балтии и Польшей не стоит. Автор полагал, что новые государства на востоке Балтики не способны сохранить свою независимость. Кроме того, Польша, как крайне самоуверенная, займет в этом союзе ведущее положение, а уже только взгляд на польскую историю, отмеченную «шовинизмом», «высокомерием», «непостоянством» (с оттенком легкомыслия) показывает, считал V. G., к каким проблемам может привести эта коалиция. Статья завершалась пророчеством, согласно которому «период политики мести и беззащитного грабежа», проводимой Францией, будет кратким, на политическую арену выйдут Рос-

^а АВП РФ. Ф. 04. Оп. 25. П. 172а. д. 34. Л. 4.

сия и Германия, а краткая мечта о свободе у Польши, Эстонии и Латвии окончится ужасом. Намерена ли Финляндия в самом деле садиться в тонущий корабль? — вопрошал автор статьи. Стоит обратить внимание на тот факт, что каких-либо замечаний в адрес Лондона в статье допущено не было. Скорее всего, это объяснялось определенным совпадением личных взглядов автора с позицией Англии в 1921 году в отношении сотрудничества Эстонии, Латвии, Польши и Финляндии. Форин-офис в тот момент времени не верил в возможность немедленной агрессии большевиков в Прибалтике, но также и не верил в возможность того, что независимость Балтийских государств может быть сохранена. На следующий день после публикации статьи в МИД Финляндии с протестами явился посол Италии (ее упоминание в статье было вызвано необходимостью приведения примера измены) Джулио Марчетти-Ферранте, а также посланники Латвии, Польши, Румынии. Посланника Эстонии среди них не было^а.

Очередным поводом для беспокойства Эстонии стал отказ Польши от ратификации достигнутого на совещании глав внешнеполитических ведомств Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии в марте 1922 года соглашения, 7-я статья которого хотя и была сформулирована довольно расплывчато, но фиксировала определенное продвижение по пути военно-политического сотрудничества сигнаторов. Единственным военным союзником Эстонии оставалась Латвия, с которой еще 7 июля 1921 года было подписано соглашение, предусматривавшее сотрудничество генеральных штабов [6, с. 468]. Это соглашение было дополнительно договором об оборонительном союзе от 1 ноября 1923 года^б.

Вступление Эстонии, Латвии и Литвы в Лигу Наций не могло не восприниматься в Москве как свидетельство умаления собственного политического престижа в регионе, тогда как отказ Советской России от взаимодействия с Лигой государства

^а Подробнее см.: *Ahti, Martti*. Kaappaus? Suojeluskunta selkkaus 1921. Fascismin aave 1927. Mäntsään kapina 1932. Keuruu, 1990.

^б Текст договора см.: *Sõja ja rahu vahel. 1 köide... L. 470-471*. Интерес представляет в данном случае мнение члена коллегии НКВД В. Коппа. Он оценивал договор «как своего рода страховку от надвигающейся из Германии угрозы», который сможет приобрести антирусский характер только в том случае, если к нему присоединится Финляндия. — АВП РФ. Ф. 04. Оп. 25. П. 172а. д. 33. Л. 85.

ми Балтии оценивался как своего рода претензия восточного соседа на статус одного из центров силы [4, с. 137]. Напористость советской дипломатии, особенно сказавшаяся летом 1922 года в связи с предложением лимитрофам провести в Москве конференцию по пропорциональному сокращению вооруженных сил, с одной стороны, послужила стимулом к усилению координации позиций лимитрофов, но, с другой стороны, продемонстрировала зыбкость оснований, на которых в перспективе была достижима для них консолидация действий во взаимоотношениях с Советской Россией.

Значительное сокращение объемов советского транзита через Эстонию, последовавший за этим неурожай 1923 года, неопределенная ситуация с золотым запасом крайне негативно сказались на экономике страны. К этому добавилось серьезное обострение внутривнутриполитической ситуации. Весной 1924 года правительство Фридриха Акеля предприняло радикальные шаги для оздоровления эстонских финансов, что повлекло увеличение безработицы и рост широкого недовольства. Одним из результатов этого стала активизация эстонских коммунистов как в самой Эстонии, так и проживавших в СССР. Речь шла о возможности осуществления коммунистического переворота. Однако оценки ситуации Иностранным отделом ОГПУ в значительной мере противоречили заверениям вождей эстонских коммунистов: финансовое положение Эстонии считалось трудным, но не катастрофичным, на селе правительство пользуется поддержкой, положение городских рабочих характеризовалось как тяжелое при большой безработице, но это не делало ситуацию взрывоопасной^а. В данном случае интерес представляет не то, почему эстонские коммунисты решились на попытку переворота в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1924 года^б, а та реакция, которая последовала на события в Таллине на Западе.

^а Валге Я. Подготовка Советским Союзом государственного переворота в Эстонии в 1924 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 192–193.

^б Советскому политическому руководству потребовался месяц после провала попытки переворота, чтобы «предложить товарищам эстонским коммунистам принять меры к эвакуации». — Протокол № 43 (особый № 30) заседания Политбюро ЦК РКП (б), 3.1.1925 // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 55.

Происшедшее побудило правительство Эстонии предпринять активные дипломатические шаги, прежде всего в Лондоне. Однако итог зондажа в январе 1925 года возможности получения гарантий со стороны Великобритании породил пессимистические настроения в Таллине^а. В Варшаве эстонский посланник Ян Леппик предложил правительству Владислава Грабского заключить эстонско-польский альянс. На созываемую в середине января в Хельсинки конференцию министров иностранных дел Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии в Таллине также возлагали немалые надежды, которые, однако, не оправдались. Выяснилось также, что интерес к государствам Балтии во Франции угас, а в Стокгольме исходили из того, что скандинавская и балтийская ориентация Финляндии исключают друг друга. Довольно настороженно к инициативам эстонской дипломатии отнесся накануне конференции в Хельсинки и глава латвийского МИД Зигфрид Мейеровиц. В результате польская сторона отказалась от постановки вопроса о союзе и координации генеральных штабов. Последовавшие в 1925 году неоднократные попытки достичь консолидированной позиции в военно-политических вопросах с другими государствами-лимитрофами успеха эстонской дипломатии также не принесли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ahti, Martti*. Kaappaus? Suojeluskunta selkkaus 1921. Fascismin aave 1927. Mäntsään kapina 1932. Keuruu, 1990.

2. *Arumäe H. Ühe illusiooni purunemine*. Abipalve Briti valitsusele 1924. aasta detsembris // Tuna. 2014. L. 88-103.

^а Новейшей публикацией по этому вопросу является статья Хейно Арумяэ (*Arumäe H. Ühe illusiooni purunemine*. Abipalve Briti valitsusele 1924. aasta detsembris // Tuna. 2014. L. 88-103). О самих событиях и реакции на них в Европе также см.: Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Artikleid ja dokumente. Koost. J. Ant. Tallinn, 1996; *Rosenthal R., Tamming M.* Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastasseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega 1920-1924. SE & JS, 2010; *Михайлова Ю. Л., Розинский В. В.* Мировая революция остановлена в Таллине? 1 декабря 1924 года // Россия и Прибалтийский регион в XIX-XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М., 2013; *Я. Валге*. Подготовка Советским Союзом государственного переворота в Эстонии в 1924 г. С. 183-201.

3. Kas nad lahkusid Moskva rongiga? 1. detsember 1924. Artikleid ja dokumente. Koost. J. Ant. Tallinn, 1996.
4. *Made, Vahur*. Eesti ja Rahvasteliit. Tartu, 1999.
5. *Rosenthal R., Tamming M.* Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastasseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega 1920–1924. SE & JS, 2010.
6. Sõja ja rahu vahel. 1 köide. Eesti julgeolekupoliitika 1940. aastani. Tallinn, 2004.
7. *Valge, Jaak*. Breaking away from Russia: Economic stabilization in Estonia 1918–1924 / *Studia Baltica Stockholmiensia*. 2006. Vol. 26. 232 P.
8. *Zetterberg, Seppo*. Suomi ja Viro 1917–1919. Poliittiset suhteet syksystä 1917 reunavalt poliitiikan alkuun. Helsinki, 1977.
9. *Валге Я.* Подготовка Советским Союзом государственного переворота в Эстонии в 1924 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 183–201.
10. *Валге Я.* У денежных кранов Банка Эстонии // *Tuna*. 2006. Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век.
11. *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999.
12. *Михайлова Ю.Л., Рогинский В. В.* Мировая революция остановлена в Таллине? 1 декабря 1924 года // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М., 2013.
13. Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958.

Яак Валге

ФАЗЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ЭСТОНИИ 1905-1925 ГГ.

Аннотация. Хотя поэты писали о независимости Эстонии и до 1905 года, в тех условиях достижение независимости было совершенно нереально. Первая фаза началась с революцией 1905 года и состояла она прежде всего в формировании идеи автономии Эстонии и требовании автономии. Вторая фаза, которая привела к провозглашению независимости Эстонии, началась осенью 1917 года, когда выяснилось, что пришедшее после Февральской революции к власти в России Временное правительство не в состоянии остановить развитие хаоса, и Эстонии угрожала немецкая оккупация. Эстонию провозгласили независимой непосредственно перед захватом Таллина немцами.

Третья фаза, или реализация провозглашенной независимости, началась осенью 1918 года, после падения оккупационной немецкой власти. Эстонское ополчение смогло защитить страну от Красной армии. 2 февраля 1920 года был заключен мирный договор между Эстонской Республикой и Советской Россией.

Четвертой фазой стало обретение экономической независимости. В экономическом смысле не Эстония отделилась от России, но Россия оттолкнула Эстонию, резко разорвав существовавшие экономические связи. Эстония прореагировала на это тяжело протекающим и реализованным во второй половине 1924 года изменением экономической политики. Это означало, что теперь Эстония стала независимой и экономически.

Выборы, которые делала Эстония, в первой фазе были вызваны внешними условиями, на которые следовала быстрая реакция. Принятые в фазах реализации политической и экономической независимости решения происходили больше из ожиданий самих эстонцев.

Ключевые слова: Эстония, автономия, независимость, Красная армия, Тартуский мирный договор, экономика Эстонии, переворот.

В настоящей статье обретение независимости Эстонии рассматривается по фазам. При этом основное внимание уделяется вопросу: какие политические факторы — внутренние или внешние: эстонского, российского или иного происхождения — определили содержание этих фаз? Начну с краткой характеристики ситуации в Эстонии, затем рассмотрю первую фазу, т. е. возникновение идеи первоначально в форме автономии, потом остановлюсь на второй фазе, или на декларации о независимости, после этого перейду к третьей фазе — независимости по существу и, наконец, рассмотрю четвертую фазу, т. е. экономическую независимость Эстонии.

В начале XIII века территория, на которой проживали предки современных эстонцев, стала объектом немецкого завоевания, в результате чего возникла элита, состоящая из представителей остзейского немецкого дворянства. Эстонское национальное пробуждение началось в 1860-х годах, когда в значительной степени в противопоставлении именно остзейским немецким помещикам окончательно сложилась эстонская идентичность. Эстонцы жили в двух губерниях — Эстляндской и Лифляндской. В начале XX века на территории Эстонии проживало 1,1 миллиона человек, из которых 90 % составляли эстонцы, 4 % русские и 4 % немцы. Среди жителей старше 10 лет было 95 % грамотных [19, с. 123-124]. Этот показатель был не только выше, чем во всех остальных российских губерниях и городах, но также являлся одним из самых высоких в Европе. В первые два десятилетия XX века произошло, в свою очередь, и резкое увеличение количества эстонцев с высшим образованием. По интенсивности роста относительной величины академической интеллигенции эстонцы также попали в число первых в мире [8, с. 149-150].

По уровню экономики Эстония была одним из наиболее развитых регионов России. По объему промышленной продукции на душу населения Эстляндия и Лифляндия среди 50 губерний европейской части Российской империи зани-

мали в 1908 году соответственно 4-е и 5-е места^а [26, с. 12-13]. В аграрном отношении Эстония также была одним из наиболее развитых регионов царской России.

Однако эстонское сельское хозяйство, а особенно промышленность, были тесно связаны с российским рынком. В начале XX века только около 10 % вывозимой с территории Эстонии продукции реализовывалось за пределами Российской империи [21, с. 42-45].

До 1905 года патриоты Эстонии ставили прежде всего культурные цели. Хотя поэты и писали о независимости, и нельзя исключать, что подобные смутные мечтания существовали и в народной среде, ни один из национальных лидеров не ставил даже цели достижения автономии. Достижение независимости в тех условиях было совершенно нереалистичным.

Ситуация изменилась, когда революционные события 1905 года докатились до Эстонии, где они также были направлены против самодержавия, но в еще большей степени против местного остзейского немецкого высшего класса.

Именно тогда началась первая фаза, связанная с формированием идеи автономии. В первые же недели после царского манифеста 17 октября активизировалась политическая деятельность эстонцев на территории Эстонии, стали обсуждаться самые обширные политические вопросы. В программе первой эстонской политической партии — Эстонской национальной прогрессивной партии — содержались положения об образовании единой Эстляндской губернии и о широкой автономии. С требованием автономии выступало также одно из марксистских течений в Эстонии [10, с. 16-20]. В 1906 году эстонские патриоты, находившиеся в эмиграции в Швейцарии, составили проект закона об автономии Эстонии для представления в Государственную думу [9, с. 49].

Хотя из-за последовавшей реакции эти требования ни к чему не привели, джинн был выпущен из бутылки. Политическая деятельность эстонцев активизировалась, и перед Первой мировой войной эстонцы составляли большинство

^а При этом следует учитывать, что Рига как основной промышленный центр и главный город Лифляндской губернии находилась вне уездов северной части этой губернии, населенных эстонцами (*прим. ред.*).

в значительной части городских собраний на территории Эстонии, несмотря на дискриминационную систему выборов. Избирательная активность в эстонских городах более чем в два раза превышала среднюю по России [8, с. 352].

Февральская революция 1917 года сулила дальнейшее расширение этой активности. Комиссаром Временного правительства в Эстляндской губернии стал Яан Поска — городской голова Таллина эстонского происхождения. Северная Эстония и Южная Эстония были объединены в единую национальную губернию. При Поске в качестве органа самоуправления был образован Временный земский совет Эстляндской губернии, состоявший из депутатов, избранных от уездов и городов. Органы самоуправления немцев были ликвидированы. Губернский комиссар и Земский совет получили право решать дела губернского самоуправления, облагать налогами население, а также назначать и освобождать от обязанностей должностных лиц органов исполнительный власти. С точки зрения Эстонии, это было первое эстонское народное представительство. Важнейшей задачей Земского совета, однако, была подготовка законопроекта о том, на каком основании и в каком порядке должно осуществляться управление Эстонией в будущем [24, с. 74]. В апреле Таллин посетили Александр Керенский и Екатерина Брешко-Брешковская, которым был оказан исключительно восторженный прием. Возможно, более восторженный, чем когда-либо оказанный в Эстонии любому другому иностранцу.

Вторая фаза, которая привела к провозглашению независимости Эстонии, началась осенью 1917 года. Как в целом в России, так и в Эстонии усиливался хаос. Во время войны в Эстонии было размещено около 100 тысяч российских военных; кроме того, на военные заводы Таллина и на строительство военных сооружений прибыло примерно 50 тысяч рабочих из России, которые быстро прониклись революционными настроениями. Революционные идеи быстро распространялись и среди эстонских рабочих. С марта в качестве параллельных органов власти начали действовать выбранные советы рабочих и солдатских депутатов, опиравшиеся в первую очередь на российскую армию и мультикультурный пролетариат крупных предприятий Таллина и Нарвы. Первоначально в них были представлены

все политические течения, а главенствующие позиции занимали социалисты-революционеры. Затем возросло влияние большевиков [24, с. 42–43, 70].

Во время мировой войны в российскую армию было мобилизовано около 100 тысяч эстонцев. В апреле 1917 года Генеральный штаб российской армии разрешил создавать национальные воинские части, и таким образом все больше эстонских военнослужащих стало концентрироваться в Эстонии. Дисциплина в этих частях была несколько лучше, чем в других российских частях, располагавшихся на территории Эстонии, однако революционные идеи распространялись и среди них.

21 августа немецкие войска захватили Ригу. Немецкое завоевание казалось эстонским национальным политикам большей угрозой, чем большевики. С последними они на первых порах всячески пытались сотрудничать.

В условиях усиливающегося хаоса Земский совет постепенно брал на себя все больше полномочий, превышающих те, которыми мог располагать орган самоуправления имперской^а провинции. 26 сентября Земский совет провозгласил себя народным представительным органом и принял решение избрать комиссию, которая должна была разработать законопроект о будущем самоуправлении и управлении Эстонией при условии, что Эстония остается частью демократической федеративной России [25, с. 8]. Это решение могло быть истолковано так, что если Россия не будет федеративной и демократической, то Эстония получит право на свободу выбора.

В сентябре и октябре 1917 года немецкие войска захватили эстонские острова в Балтийском море. Без сомнения, для большинства эстонцев оказаться под властью немцев представлялось наихудшим вариантом. Во избежание этого были взвешены все варианты, среди которых теперь была и государственная независимость. Поначалу это казалось по-прежнему нереалистичным — как ввиду политической обстановки, так и потому, что политики, особенно марксистского толка, ста-

^а 1 (14) сентября 1917 года постановлением Временного правительства была провозглашена Российская республика; окончательное решение вопроса о государственном устройстве России оставлялось за избираемым Учредительным собранием (*прим. ред.*).

вили под сомнение способность эстонского государства к экономически независимому существованию.

Однако Россия погружалась в хаос еще быстрее, чем Эстония. 25 октября 1917 года большевики захватили власть в Петрограде, заявив одновременно о своем желании незамедлительно заключить мир со странами Четверного союза (Центральными державами). К моменту государственного переворота в Петрограде Военно-революционный комитет Эстонии взял под свой контроль также и Таллин. Решающей силой, которой эстонские патриоты не могли противопоставить ничего равнозначного, были военные — десятки тысяч большевизированных солдат и матросов.

27 октября Яан Поска и Виктор Кингисепп подписали документ, в котором сообщалось, что «в связи с государственным переворотом» комиссар Временного правительства Яан Поска передает управление губернией уполномоченному Военно-революционного комитета советов Эстляндского края Виктору Кингисеппу [5, с. 432].

Тем не менее Земский совет продолжал действовать. Были подготовлены решения, которые Земский совет утвердил 15 ноября. Во-первых, было принято решение созвать для определения государственного устройства Эстонии Учредительное собрание Эстонии. Во-вторых, Земский совет объявил себя единственным носителем высшей власти в Эстонии. И в-третьих, на время между созывами Земского совета право принятия решений было делегировано правлению Земского совета, совету старейшин и уездным управам [25, с. 274–275]. Провозгласив себя высшим органом власти, Земский совет впервые заявил о праве эстонцев самим определять свою судьбу, хотя это не было еще объявлением независимости Эстонии. Несмотря на то что это решение было принято в первую очередь из страха перед немецкой оккупацией, этим Земский совет противопоставил себя также и захватившим власть большевикам. На Тоомпеа в центре Таллина собралась огромная толпа — несколько тысяч большевиков, которые сообщили, что Земский совет распущен.

15 декабря 1917 года Центральные державы предложили на переговорах в Брест-Литовске проект принципов договора, в соответствии с которыми Советская Россия должна была

признать решения народов о полной государственной независимости на захваченных к тому времени немцами территориях — в Польше, Литве, Курляндии и Лифляндии, а также на оккупированной части Эстляндии, в т. ч. на эстонских островах. Как большевикам, так и эстонским патриотам было ясно, что если немецкие войска оккупируют и материковую Эстонию, то немцы смогут использовать для реализации самоопределения решения вовсе не эстонцев, а местных остзейских немецких помещиков.

Как и ожидалось, остзейское немецкое дворянство к этому времени активизировалось. 30 ноября эстляндское рыцарство объявило о независимости Эстляндии от России, обратилось с просьбой о незамедлительной оккупации территории немецкими войсками. 17 декабря такое же решение приняло и Лифляндское рыцарство. В конце декабря эстляндский губернский предводитель дворянства Эдуард Деллингсгаузен попытался установить контакт с Земским советом, чтобы оказать влияние на принятие Земским советом аналогичного решения, однако знакомые эстонцы уверили его, что на это надежды нет [2, с. 331-332, 437-438].

Это, однако, активизировало патриотов Эстонии. 1 января 1918 года на расширенном заседании совета старейшин Земского совета было решено, что в подходящий момент следует провозгласить независимость Эстонии [25, с. 78, 95-96, 120-123].

Советская Россия пыталась затянуть переговоры в Брест-Литовске. 18 февраля терпение Центральных держав иссякло: немецкие и австро-венгерские войска начали военные действия. 20 февраля войска вышли на марш в сторону Таллина.

Вечером 19 февраля совет старейшин Земского совета образовал для принятия необходимых шагов по обретению независимости Комитет спасения Эстонии. 21 февраля был одобрен текст Декларации независимости [15, с. 66].

Большевики начали бежать из Таллина 24 февраля. В то же время началось стихийное выступление националистов, на улицах появились националистически настроенные военные отряды. Произошли столкновения с большевиками.

Вечером 24 февраля 1918 года Декларация независимости была расклеена на тумбах для объявлений и на стенах домов в Таллине. Кроме того, Комитет спасения в тот же день

составил распоряжения, в соответствии с которыми объявлялся нейтралитет Эстонии в мировой войне, большевистская мобилизация признавалась недействительной и назначалось Временное правительство Эстонии.

Но это не помогло. Утром 25 февраля немецкие войска вошли в Таллин. Остзейские немцы, которые подвергались преследованиям со стороны большевиков, встретили немецкие войска гостеприимно.

Первый период большевистской власти в Эстонии был завершен. Остзейские немецкие помещики обратились к германскому военному губернатору Эстляндии Адольфу фон Шекендорфу с запросом о том, что он думает о независимости Эстонии. Тот ответил: «Там, куда приходит немец, другой власти нет!» [12, с. 273]

Началась немецкая оккупация, продолжавшаяся девять месяцев.

Новая фаза, связанная с достижением провозглашенной независимости, началась осенью 1918 года. В сентябре и октябре изнуренная, но все еще вселяющая страх немецкая армия к удовлетворению как российских и эстонских коммунистов, так и эстонских патриотов начала проявлять признаки революционности.

Оккупационный режим пал. 8 ноября бастовали рабочие многих таллинских предприятий. 9 ноября команды военных кораблей Германии, стоявших в Таллинском порту, подняли красные флаги. 11 ноября стало известно, что исполнительный комитет немецких солдат готов передать власть Земскому совету Эстонии [17, с. 347]. В тот же день, 11 ноября, Германия капитулировала перед странами Антанты. Перед этим в Пскове был сформирован Северный российский корпус, который теперь, отступая от большевиков, вступил в Эстонию и Латвию.

13 ноября Советская Россия аннулировала Брестский мирный договор. Немецкие войска начали покидать Эстонию, и Временное правительство Эстонии приступило к созданию национальной армии. 28 ноября многонациональная Красная армия взяла Нарву. Создание национальной армии Эстонии продвигалось, однако, медленными темпами. Отстоять Нарву не удалось. 29 ноября в Нарве была провозглашена Эстляндская трудовая коммуна; на следующий день Эстляндская трудовая

коммуна объявила Советскую Эстонию независимой советской республикой. С реальной независимостью это, разумеется, не имело ничего общего. Политика, проводимая Эстляндской трудовой коммуной, была еще более жесткой и коммунистической, чем предусматривалось генеральной линией материнской партии Советской России. Крайне непопулярным был план эстонских коммунистов сохранить в Эстонии поместья, создав вокруг них сельскохозяйственные коммуны, в которые должны были войти и хуторяне. Этот план был более «прогрессивным», чем первоначальные планы коммунистов Советской России. Во-вторых, непопулярность коммунистов была обусловлена проводимой ими политикой террора [20, с. 100–101].

В декабре, однако, Красная армия еще продолжала быстро продвигаться и в начале января 1919 года оказалась в 80 километрах от Таллина.

12 декабря на таллинском рейде встали корабли английского флота, что имело большое моральное значение. Британцы привезли и вооружение. В начале 1919 года в эстонской армии насчитывалось 4700 человек, из них 250 — добровольцы из Финляндии, на стороне противника — 6700. В начале мая 1919 года под верховным командованием эстонской армии находилось 74 500 человек, из них русских в составе Северного корпуса — 2750, латышей — 1500, финнов, шведов и датчан — 300, ижорцев — 200. В целом в войне участвовало не менее 3500 добровольцев из Финляндии. Части добровольцев из Швеции и Дании были малочисленными и принимали участие в сражениях недолго [24, с. 623, 627].

В войсках Красной армии, участвовавших в сражении за Нарву в ноябре 1918 года, эстонцы могли составлять приблизительно 40–50 %. К середине февраля доля эстонцев, воевавших против Эстонской Республики, снизилась примерно до 10 %, однако в начале мая вновь повысилась до 15 %. В дальнейшем удельный вес эстонцев, сражавшихся против независимости Эстонии, вновь упал [18, с. 239–240]. В конце августа 1919 года эстонские красные бригады, воевавшие против Эстонской армии, вообще были переброшены на другие участки.

В начале 1919 года ситуация на фронте изменилась. В результате решающих боев Эстонской армии удалось перехватить инициативу. К концу января Красная армия была почти пол-

ностью вытеснена с территории Эстонии. Военные действия продолжались; отношения с братьями по оружию из русских белогвардейцев складывались совсем не гладко.

Первые попытки прозондировать почву относительно заключения мира между Эстонией и Россией были предприняты в сентябре 1919 года. Они, однако, к миру не привели. Экономическая ситуация в стране и настроения людей требовали прекращения войны. Все разногласия заключались в вопросе о том, можно ли заключать мир в одиночку или должны быть приняты во внимание позиции других стран Балтии и Антанты. На прошедшей в ноябре конференции стран Балтии консенсуса достичь не удалось. 19 ноября правительство решило идти на мирные переговоры в одиночку. Мирная конференция открылась в Тарту 5 декабря 1919 года, и 2 февраля 1920 года был заключен мирный договор. Россия признала независимость Эстонии и отказалась от всех прав, которые она когда-либо имела на территории Эстонии [21, с. 95–101]. Великобритания, Франция и Италия уже в мае 1918 года де-факто признали эстонцев как народ и их представительный орган, но не как новое государство. Польша и Финляндия признали Эстонию де-факто осенью 1919 года. 7 июля 1920 года независимость Эстонии де-юре признала Финляндия. В августе государственный секретарь США выступил с заявлением, предостерегавшим государства мира от признания независимости стран Балтии, поскольку это привело бы к нарушению целостности России. В конце 1920 года Эстонию признала Польша, в начале 1921 года — Аргентина, затем Великобритания и Франция, что стало переломным моментом. В сентябре того же года Эстония была принята в Лигу Наций. США признали независимость Эстонии в 1922 году [24, с. 109].

Как уже упоминалось ранее, эстонская экономика была тесно связана с Россией. Непосредственно выгодный Эстонии также и с экономической точки зрения Тартуский мирный договор создал новую и уникальную в истории Эстонии внешнеполитическую ситуацию: в 1920–1922 гг. отношения Эстонии с Россией были лучше, чем у других европейских стран. Эстония стала для Советской России необходимым посредником для импорта и транзита, а также центром перемещения финансовых средств, направляемых для подрыв-

ной деятельности коммунистов в странах Запада. Почти все золото царской России было продано через Эстонию на запад. Несмотря на это, доля внешней торговли с Советской Россией составляла лишь четверть внешнеторгового оборота Эстонии. В Эстонии считали, что это исключительная ситуация, которая изменится, когда Россия снова будет экономически расти, но это был неверный расчет. С конца 1922 — начала 1923 года экономические связи Эстонии с Советским Союзом резко сократились, и отнюдь не по желанию Эстонии. В экономическом смысле не Эстония отделилась от России, но Россия оттолкнула Эстонию. С 1913 года до середины 1920-х годов объем торговли между Эстонией и Россией уменьшился более чем в 10 раз. Эстония не смогла быстро отреагировать, и финансирование предприятий, ориентированных на восстановление российского рынка, продолжалось. Это истощило валютные резервы Банка Эстонии и привело в 1924 году к экономическому кризису. Последовали политические изменения и постепенная стабилизация экономики [21, с. 102-107].

Тем не менее эстонским коммунистам удалось убедить вождей Советского Союза, что Эстонская Республика находится на грани развала, и начать при поддержке Москвы подготовку к государственному перевороту. Осенью 1924 года, однако, когда подготовка вступила в заключительную фазу, экономическая ситуация в Эстонии уже улучшилась, и в последний момент Москва запретила выступать. Коммунисты Эстонии, однако, не подчинились, а может, до них не дошло распоряжение [20, с. 278-305]. Во всяком случае, 230 человек предприняли попытку государственного переворота, которая обернулась для коммунистов кровавым поражением, но не дестабилизировала экономику.

Это означало, что теперь Эстония стала также и экономически независимой.

Подводя итоги, следует сказать, что в первых фазах независимости Эстонии основное влияние оказывали внешние факторы, на которые в Эстонии быстро реагировали. Непосредственным поводом для провозглашения независимости явилась угроза со стороны Германии. Решение в пользу требования независимости Эстонии в те годы не было бы принято, если бы Временное правительство России оказалось в состоянии

стабилизировать политическую ситуацию, взять курс на демократию и обеспечило бы автономию Эстонии.

Это не означает, однако, что подобные устремления не возникли бы впоследствии. Решения, принятые в фазе реализации государственной и экономической независимости, основывались уже больше на ожиданиях самих эстонцев, и внешние условия играли здесь меньшую роль.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Berendsen R.* Таллинский совет. Воспоминания о днях борьбы за независимость. Том 1. Революция и оккупация 1917–1918. Tallinn, 1927.
2. *Dellingshausen E. von.* На службе отечеству. Tallinn, 2011.
3. *Eesti ajalugu V.* = История Эстонии V. От отмены крепостного права до Освободительной войны. Tartu, 2010.
4. *Elango Õ., Ruusman A., Siilivask K.* Об эстонской земле и народе Эстонии. Tallinn, 1998.
5. *Graf M.* Eesti rahvusriik. Эстонское национальное государство. Идеи и решения: от эпохи пробуждения до рождения Эстонской Республики. Tallinn, 1993.
6. *Graf M.* Партии в Эстонской Республике 1918–1934. Tallinn, 2000.
7. *Karjahärm T.* Между Востоком и Западом. Эстонско-российские отношения 1850–1917. Tallinn, 1998.
8. *Karjahärm T., Sirk V.* Формирование и идеология эстонской интеллигенции 1850–1917. Tallinn, 1997.
9. *Laaman E.* Константин Пятс. Политик и государственный деятель. Tartu, 1940.
10. *Laaman E.* Партии в Эстонии. Tartu, 1934.
11. *Laaman E.* Рождение независимой Эстонии. Stockholm, 1964.
12. *Lüüs A.* Первый месяц германской оккупации в Таллине. За Эстонию. Часть 1. Воспоминания о днях борьбы за независимость. Том 1. Революция и оккупация 1917–1918. Tallinn, 2013.
13. *Mäeltsemees S.* Управление городом Таллином. 100 лет прихода эстонцев к власти в столице. Tallinn, 2004.
14. *Mägi A.* Как правили в Эстонии. Stockholm, 1951.
15. *Pajur A.* Как родился манифест о независимости. — Манифест о независимости. Tartu, 2014.
16. *Piip A.* Законы Земского совета. — За Эстонию. 1 часть. Воспоминания о днях борьбы за независимость. Революция и оккупация 1917–1918. Tallinn, 2013.

17. *Raag A.* 3 недели красной диктатуры. Tallinn, 2015.
18. *Rosenthal R.* Эстонская Освободительная война — также и гражданская война? Eesti Ajalooarhiivi toimetised 2012, nr. 19.
19. *Tiit E.-M.* Население Эстонии. Пять поколений и десять переписей. Tallinn, 2011.
20. *Valge J.* Красные I. Teine trükk. Tallinn, 2014.
21. *Valge J.* Отрываясь от России. Экономическая стабилизация в Эстонии 1918–1924. Stockholm, 2006.
22. *Zetterberg S.* История Эстонии. Tallinn, 2009.
23. *Белковец Л. П., Шумская К. В.* Российско-латвийские отношения первого периода независимости Латвии в контексте восточной политики Германии // Социодинамика. 2013. № 4. С. 136–184. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_489.html
24. История Эстонии VI. Tartu, 2005.
25. Протоколы Земского совета. От 1-го заседания 1 июля 1917 г. до 78-го заседания 6 февраля 1919 г. Tallinn, 1935.
26. *Варзар В. Е. (сост.).* Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г. СПб, 1912.
27. Эстонская энциклопедия. VIII. Tanulane-Yvon. Tartu, 1937.

Владимир Симиндей

АВТОНОМИСТСКИЕ И СЕПАРАТИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛАТВИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются социально-политические процессы на территории Латвии (Курляндия, южные уезды Лифляндии и латгальская часть Витебской губернии России) в период Первой мировой войны. Показаны причины популярности в начале войны лоялистской риторики в адрес царской власти; раскрываются условия радикализации общественных настроений и их интерпретация в историографии и учебной литературе; дана оценка роли социально-демографической деформации в политических процессах. Автор приходит к выводу, что судьба Латвии решалась при прямом вмешательстве внешних сил в условиях военной и послевоенной разрухи, с учетом зарубежных «геополитических» наработок и идеологического противостояния, однако эти факторы не всегда находят должное внимание в трудах историков, обращающихся к данной тематике.

Ключевые слова: Латвия, латыши, Первая мировая война, германская оккупация, беженцы, революция 1917 года в России, автономистские и сепаратистские тенденции.

Культурная, социально-экономическая и политическая эмансипация латышей во второй половине XIX — начале XX века, происходившая не без поддержки некоторых петербургских и московских общественных кругов, сталкивалась с ожесточенным сопротивлением остзейского дворянства и бюргерства. Кровавые события 1905–1907 гг. и последовавшие репрессии лишь укрепили влияние балтийских немцев, оставив без своевременного и должного разрешения межэтнические и социально-экономические противоречия в регионе.

В этих условиях открытое столкновение российских и германских интересов на полях Первой мировой войны вывело латышское общество из депрессивного состояния и дало легальный повод для проявления антинемецких настроений в ожидании встречных позитивных шагов царской администрации. Начинаясь Великая война воспринималась латышами как решающая битва с историческим недругом, источником многовековых колонизационных волн, что вызывало у многих «эйфорию, ура-патриотизм, антигерманский настрой, временами перераставший в своего рода истерию» [3, с. 68]. Идейный иммунитет к этим проявлениям имели лишь стойкие социал-демократы.

Резкий выход в августе 1914-го из «национально-политического оцепенения», установившегося в Лифляндии и Курляндии после 1907 года, пробудил латышские страсти поистине континентального масштаба (хотя об интернационализации прибалтийского вопроса речь тогда не шла): «участие России и других европейских держав в войне с Германией словно вселило в латышский народ удивительное и невероятное чувство, дав понять, что его давний враг — одновременно и враг многих европейских народов» [2, с. 70]. В этой обстановке латышские национальные круги постарались не упустить возможность создать предпосылки для послевоенного изменения своего положения за счет свертывания остаточных остзейских привилегий. Однако и опыт отстаивания своих позиций балтийско-немецким дворянством в спорах с представителями имперского руководства не мог не оставить следа в умах латышской элиты.

Представляется, что этот фактор повлиял на формирование идеи автономии Латвии в рамках России, набравшей популярность в годы мировой войны как среди левых активистов различных оттенков, так и у правонационалистических общественных деятелей. Как отмечает в связи с этим российский исследователь Л. М. Воробьева, «чтобы освободиться от экономической и политической власти немецкого дворянства, добиться самоуправления, а также самоопределения в области культуры, представители “верхнего слоя” латышского населения были готовы опередить немцев в доказательствах своей лояльности самодержавию» [4, с. 88].

Действительно, в 1914 году в речах латышских политиков доминировали верноподданнические и лоялистские нотки. Так, 26 июля депутат Я. Голдманис заявил с трибуны IV Государственной думы: «Среди латышей и эстонцев нет ни единого человека, который бы не сознавал, что все то, что ими достигнуто в смысле благосостояния, достигнуто под защитой Русского Орла и что все то, что латыши и эстонцы должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтийский край и в будущем будет нераздельной частью Великой России. Поэтому мы можем видеть теперь у нас такой подъем духа, такой энтузиазм стать на защиту своего дорогого Отечества, что для нарисования правильной картины этого самые яркие краски были бы совершенно бледны. Эти великие дни доказывают, что ни национальность, ни язык, ни вероисповедание не мешают нам, латышам и эстонцам, быть горячими патриотами России и стать на защиту своего Отечества, стать плечом к плечу с великим русским народом против дерзкого врага»^а. Эти тезисы в современной латвийской историографии и политической публицистике рассматриваются как «архаика», предшествовавшая быстрому разочарованию в царских властях с последующим выдвиганием автономистских и/или революционных лозунгов.

В первые недели и месяцы войны лоялистская риторика в целом отражала настроения широких масс латышского населения. Как отмечает латвийский историк О. Н. Пухляк, в пограничной^б с германским Мемелем Курляндской губернии уже в конце июля 1914 года около 3 тысяч латышей вызвались добровольцами идти на фронт воевать против немцев. В Лифляндии (особенно в Риге) развертывались мощные кампании среди латышских и славянских обществ по оказанию помощи раненым и семьям воинов, отправившихся на передовую [7].

^а Цит. по: Занимательная история латвийских русских — 2 (1914-1920 гг.). Рига, 2009. С. 166.

^б О стремительном вовлечении латвийского населения в военную обстановку говорит тот факт, что Либава (Лиепая), крупнейший порт Курляндской губернии, был обстрелян германскими крейсерами «Аугсбург» и «Магдебург» уже на второй день войны, 20 июля / 2 августа 1914 г.

Первые же поражения Русской армии в Восточной Пруссии, а также отступление в Польше привели, в частности, к большим потерям среди солдат и офицеров латышского происхождения, многие из которых пошли на войну добровольцами и придерживались общепатриотических взглядов. И. Бутулис и А. Зунда подчеркивают, что только в почти полностью уничтоженном XX корпусе 1-й армии, в начале февраля 1915 года стойко прикрывавшем в арьергардных боях на Августовских болотах отступление 10-й армии, численность погибших, раненых и взятых немцами в плен латышей составила, по некоторым подсчетам, около 20 тысяч человек [3, с. 69].

Эти оценки нашли косвенное подтверждение: в 20-е годы прошлого века «военспец» проф. А. А. Свечин в своем «Общем обзоре сухопутных операций» отмечал выдающуюся боеспособность XX корпуса: «Здесь дисциплина и порядок сохранялись в войсках несравненно дольше, и командование русских войск, а также солдатская масса, выполнили, находясь в отчаянных условиях, свой долг до конца. При более энергичных действиях из Гродно разгрому легко могли подвергнуться не мы, а немцы. Если бы корпуса Самсонова сопротивлялись так же доблестно, как и XX корпус, то они были бы выручены» [8, с. 93, 94].

Весной 1915 года боевые действия развернулись уже на территории Курляндии: в конце апреля пала Либава (Лиепая), 1 августа германцами был захвачен главный губернский город Курляндии — Митава (Елгава); наметилась реальная угроза стратегическому центру — Риге. В октябре 1915 года немцы вышли на подступы к Двинску (Даугавпилсу). В ноябре германские войска были вынуждены прекратить наступление и перешли к длительной позиционной войне. Таким образом, линия фронта проходила от Двинска по реке Западной Двине (Даугаве) примерно до Кирхгольма (Саласпилса) и оттуда на запад вдоль южного края болота Тирельпурвс. В результате кампании 1915 года кайзеровские войска оккупировали практически половину населенных латышами территорий, большую часть которых контролировали долгие четыре года.

Потеря Курляндии, где германским руководством был введен жесткий оккупационный режим, а также превращение

Южной Лифляндии (Видземе) и населенной латгальцами части Витебской губернии в прифронтовую зону принесли латышскому народу неисчислимые бедствия. Таким образом, поражения русских войск существенно деформировали привычный уклад жизни, социально-политические институты и экономические связи. В числе факторов, способствовавших радикализации настроений общества, следует отметить не только германскую оккупационную политику, но и проблему беженцев, вопрос создания национальных воинских частей (включая острое восприятие последующих проявлений героизма и больших потерь).

Наряду с оккупированной Литвой и частью территории современной Белоруссии, Курляндия была объявлена «областью управления Верховного главнокомандующего Восточным фронтом». Характеризуя оккупационный режим, латвийские историки отмечают: «Местная общественная жизнь, деятельность различных обществ, издание прессы почти полностью прекратились. Стремительными темпами шло онемечивание — в учреждениях, на предприятиях, в школах был введен немецкий язык. Была установлена строжайшая цензура, введены ограничения на свободное передвижение и строжайший контроль на дорогах, созданы концентрационные лагеря для провинившихся, жандармерии были предоставлены широкие полномочия в каждом уезде Курземы. С интересами местных жителей, за исключением интересов курземского дворянства, немецкие военные власти не считались» [2, с. 74].

Германская оккупация Курляндии, отсутствие полной уверенности в стабилизации фронта и скудность резервов для размещения в прифронтовой зоне вызвали волны латышских беженцев вглубь России. Если семьи работников предприятий, эвакуированных из Риги^а и других городов в централизованном порядке, получали возможность устроиться на новых местах, то остальные беженцы сталкивались с огромными труд-

^а Только из Риги было вывезено оборудование 352 промышленных предприятий и эвакуировано около 80 тыс. рабочих; в целом около четверти миллиона рижан покинуло город, эвакуацию которого с лета 1915 г. современные латвийские историки оценивают как «поспешную и ненужную» [2, с. 69].

ностями. В современной латвийской историографии принято считать (и не без оснований), что официальные учреждения России оказались не готовы в достаточной мере обеспечить кров и пропитание людям, покинувшим родные места, адаптировать их к условиям затягивающейся войны. На это был дан карт-бланш национальным общественным организациям, призванным позаботиться о беженцах, наладить взаимодействие с органами власти на местах [2, с. 75].

В Петрограде 30 августа 1915 года состоялся съезд представителей разрозненных беженских обществ, на котором в целях сплочения латышей и организации работы по удовлетворению их текущих нужд был избран Центральный комитет помощи беженцам, в состав которого вошли депутаты Государственной думы Я. Голдманис и Я. Залитис, общественные деятели — В. Олафс, А. Бергс, Я. Чаксте и др. Комитет, действовавший до января 1918 г., развернул сеть из 260 отделений помощи латышским беженцам по всей России, сумел при поддержке властей привлечь частные пожертвования, организовать культурно-просветительскую работу на латышском языке.

Боязнь «распыления» большей части латышского народа на просторах России подталкивала активистов комитета к настойчивости в работе по установлению системы взаимосвязей между группами латышских беженцев (у литовцев и эстонцев, в меньшей степени затронутых эвакуацией, столь серьезной озабоченности не было). Так, в начале 1916 года в Эстляндии и Лифляндии было зарегистрировано около 149 тысяч латышских беженцев, а во «внутренних» губерниях России — около 109 тысяч. К середине года численность официально зафиксированных латышских беженцев достигала 334 тысяч человек; фактическая же их численность оценивалась как в два раза большая [17, с. 8, 9]. Для оценки политических масштабов проблемы беженцев можно привести тот факт, что даже в некоторых отдаленных губерниях латыши составляли самую большую диаспору среди перемещенных лиц. Например, по итогам переписи беженцев, проведенной в Архангельской губернии, на 1 сентября 1916 г. в ней обосновалось 4862 человека, из которых латыши составляли 2010, поляки — 683, литовцы — 231, эстонцы — 56 человек [10, с. 130].

В советской историографии и пропагандистской публицистике преобладали критические нотки в отношении деятельности комитета, учитывая ее правонационалистический «уклон». В частности, упор делался на разоблачении хозяйственных махинаций верхушки комитета, обеспечившей себе вольготные условия существования на фоне военных тягот для основной массы латышского населения³. В современной латышской историографии и учебно-пропагандистской литературе деятельность Центрального комитета помощи беженцам, напротив, описывается в превосходных тонах, причем акцент делается не столько на практических вопросах, сколько на политических. Он оценивается как «кузница кадров» для будущей независимой Латвии, в которой отрабатывались навыки общественной и государственной работы с отчетливым национальным рефреном при успешной «лоялистской» маскировке и отсутствии каких-либо репрессий со стороны властей. В некоторых учебных пособиях этот аспект заостряется следующим образом: «В Петрограде был создан Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам, который в то время являлся единственной руководящей организацией всего латышского народа» [1, с. 54].

В июле 1915 года, под впечатлением от потери Курляндии, угрозы ее аннексии Германией, наплыва беженцев, а также смеси ярости и отчаяния в настроениях соплеменников, латышские депутаты в IV Государственной думе Я. Залитис и Я. Голдманис обратились в высшие военные инстанции с ходатайством об организации добровольческих латышских стрелковых батальонов. После утверждения 19 июля 1915 года положения об организации латышских добровольческих батальонов эти депутаты были поставлены во главе Гражданского комитета и обратились к латышскому народу с невиданными ранее националистическими призывами: *«Собирайтесь под латышские знамена!»*

Впоследствии латышские батальоны были развернуты в 8 полков, объединенных в две бригады, не считая девятого — резервного. Любопытно мифотворчество вокруг этого дела в ла-

³ См., напр.: Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты. Рига, 1956. С. 40–41.

тышской учебной литературе: «Войска царской России оставили Курземе и Земгале без серьезного сопротивления врагу; казалось, что они не считали эту территорию своей землей, за которую стоило сражаться. Именно это обстоятельство способствовало появлению в латышском обществе идеи, что оборона Видземе, а также возвращение Курземе и Земгале должны осуществляться латышскими войсковыми подразделениями» [1, с. 54].

Образчиком негативных измышлений, рассчитанных на детей, можно считать следующий отрывок из учебника: «Армейское командование издало приказ о том, что Курземе должны покинуть все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. На просьбу курземцев остановить разорение земли верховный главнокомандующий вооруженными силами России великий князь Николай Николаевич ответил: “Плевать я хотел на ваше Курземе!”» [15, с. 56]. Апофеозом националистического бахвальства является следующий пассаж: «Царское правительство не доверяло малым национальным меньшинствам Российской империи, но уступило требованиям латышской общественности и согласилось на создание латышских стрелковых батальонов, а позднее полков. В июле 1915 г. были утверждены правила формирования батальонов. Было опубликовано воззвание “Собирайтесь под латышские знамена!” <...> Части латышских стрелков были первыми национальными войсковыми подразделениями в армии царской России» [6, с. 176, 177]. Разумеется, никаких «уступок требованиям» не было, а история «современных» национальных воинских и милиционных частей в России насчитывала не одно десятилетие (например, Дагестанские конные полки, Туркменский конно-иррегулярный дивизион).

Использование латышских стрелков, вызвавшихся упорно защищать свои родные места на самых трудных участках фронта, было сопряжено со значительными потерями убитыми, ранеными и пленными. Это порождало брожение в умах, причудливую смесь национализма и восприимчивости к леворадикальной пропаганде, усилившейся после падения монархии в феврале 1917 года. Поползли злонамеренные слухи о том, что русское командование якобы специально создает условия для уничтожения латышских солдат под орудийным и пулеметным огнем противника [12, с. 165]. На этом фоне экзальтированная героизация в латышской печати

и общественном мнении исключительно латышских стрелков привела к замалчиванию подвигов русских солдат [5]. В результате мало кто из латышских обывателей в январе 1917 г. узнал, что, например, вместе с 1-м Усть-Двинским и 7-м Бауским латышскими стрелковыми полками в атаке у озера Бабите проявили себя в кровопролитных «рождественских боях» (23 декабря 1916 г. — 2 января 1917 г.) 11-й пехотный Псковский и 56-й пехотный Житомирский полки. Это стало истоком мифа о том, что смело сражались только латышские стрелки.

Злонамеренные слухи времен Великой войны и горькие оценки историков переплелись в современной мифологии, которую представили латвийским школьникам: *«Кровавые бои продолжались, немецкое наступление было задержано, но Елгава и Курземе остались в руках немцев. Потери латышских стрелков — около 2 тыс. убитыми и 7 тыс. ранеными — были бессмысленны. Многие считали, что верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки. Хотя сознательное предательство не было доказано, возмущение латышских стрелков было обоснованным. Оно также имело большое значение в последующих событиях»* [1, с. 57]; *«Осенью 1915 г. немецкая армия быстро продвигалась вперед на рижском направлении. Русская армия не боролась с полной отдачей, так как была апатичной; генералы не хотели и не могли вдохновить солдат на борьбу. Противника они считали превосходящим, а землю, за которую следовало бороться, чужой для себя»* [14, с. 26].

Как справедливо отмечает современный историк У. Креслиньш, различные аспекты социально-политических событий и их участники на не занятой немецкими войсками территории Латвии давно привлекают внимание историков — их в своих трудах касались как латвийские советские исследователи (например, А. Дризулис^а), так и эмигрантские авторы (например, А. Эзергайлс)^б. Роль Февральской революции как

^а См., например: Drīzulis A. Lielais Oktobris Latvijā. Rīga: Zinātne, 1987.

^б См.: Krēsliņš U. Demokrātijas ideāli un to dažādaus traktējums Latvijas politisko partiju teorētiskajās nostādnēs un praktiskajā darbībā 1917. gada norisēs // Demokrātiskie procesi Austrumu un Centrālajā Eiropā 1917. gadā: politiskie, militārie, sociālie un kultūras aspekti. Konferences rakstu krājums. Rīga: Latvijas Kara muzejs, 2017. 8. lpp.

катализатора автономистских (и скрытых сепаратистских) тенденций [9] на неоккупированной немцами части Латвии отражена в научной, научно-популярной и учебной литературе. В частности, утверждается: *«У каждой нации есть право на самоопределение. Получение государственного суверенитета является неотъемлемой частью этого права. Латышская нация использовала историческую возможность и завоевала суверенное государство. Латвийское государство образовалось в период, когда Российская империя в Первой мировой войне стояла на пороге военного, экономического и политического краха. Февральская революция открывала широкие возможности для автономии живущих в России народов»* [16, с. 28].

В целом спектр вариантов военно-политических и территориальных решений местные историки представляют себе таким образом: *«После Февральской революции мнения о дальнейшей судьбе Латвии были разными. Временное правительство считало Латвию неотъемлемой частью России, у населения которой не могло быть никаких прав на самоопределение. Крупнейшей латышской партией того времени были социал-демократы, которые раскололись на две группы — большевиков и меньшевиков. Большевики считали, что Латвия должна быть в составе России. Они были убеждены, что большевики должны взять всю власть в России, а также в Латвии, действуя в соответствии с учением К. Маркса о государстве диктатуры рабочих. В Латвии ими руководил Фрицис Розинь. Меньшевистская часть социал-демократии Латвии в большей мере защищала интересы латышского народа. Она требовала для Латвии права на автономию, чтобы латышский народ на своей земле мог свободно выбирать путь своего хозяйственного и культурного развития. Позднее они примкнули к сторонникам идеи независимого Латвийского государства и окончательно порвали с большевиками»* [16, 187].

Новейшей тенденцией в осмыслении событий 1917 года применительно к Латвии в местной историографии является акцентирование внимания на «демократические процессы» (толкуемые крайне расширительно, буквально включая анархистские проявления в прифронтовой зоне и нарушения дисциплины в войсках). Они рассматриваются в политических, военных, социальных и культурных аспектах и в международном (региональном) контексте. Также разбираются «демо-

кратические идеалы» и их рефлексия в латвийском обществе, использование в партийных доктринах и управленческой практике^а.

По мере продвижения германских войск, которым в августе 1917 года удалось форсировать Западную Двину и захватить Ригу и часть Рижского уезда, происходила большевизация латышских стрелков и значительной части мирного населения неоккупированных территорий, а также активизация национал-буржуазных и национал-интеллигентских кругов. Поток беженцев был уже не столь мощным, как в 1915 году; в Риге осталось немало латышей, что в принципе открывало этот региональный центр для этнополитических спекуляций с германской стороны.

Наряду с фактором германской оккупации Курляндии и Риги (а с февраля 1918 г. — всей территории современной Латвии) расшатывали ситуацию и отсутствие устойчивой власти в Петрограде, и нарастание радикальных настроений и насилия, и «похабный» Брестский мир, и опасения в латышских политических кружках утратить родные земли «навсегда». Все это постепенно открывало путь к «интернационализации» прибалтийского вопроса, упованию на волю Антанты и/или германских сил, созданию уже в 1918 году откровенно марионеточных («правительство Андриевса Ниедры») или «просто» коллаборационистских (временное правительство Карлиса Улманиса) политических новообразований — вопреки мифам о решающей роли в обретении государственности «Освободительной войны» против красноармейцев при помощи немцев, а затем против немцев и белых частей П. Р. Бермондт-Авалова.

Возникшие в ходе Первой мировой войны хозяйственная разруха и социальные беды (массовая безработица, нужда, голод, большая численность нетрудоспособных инвалидов), как отмечают историки, в сочетании с жесткой политикой немцев на оккупированных территориях ошутимо задели широкие слои латышского населения и явились факторами его революционизирования [4, с. 97]. В авангарде трансформации полити-

^а Так, по итогам международной научной конференции «Демократические процессы в Восточной и Центральной Европе в 1917 году: политические, военные, социальные и культурные аспекты», прошедшей в Риге 27–28 апреля 2017 г. в рамках отмечаемого столетия революционных событий, опубликован сборник статей [13].

ко-административного ландшафта неоккупированной части Лифляндии стояли большевики, сочетавшие тактику создания новых органов власти (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии — «Исколат») и борьбы за места в официальных структурах. Такой подход дал им не только возможность закрепить свое доминирование в советах, но и превратить в манифестацию торжества своей партии легальные выборные органы^а. Так, в сентябре 1917 года представители большевиков в Видземском земском совете получили голоса 63 % фактических избирателей, а в ноябре за делегатов Учредительного собрания России проголосовали 72 %. («Крестьянский союз» К. Улманиса, являвшийся наиболее популярной правой силой, довольствовался соответственно 36 и 23 % голосов). Таким образом, еще до Октябрьского переворота 1917 года территория Латвии, не занятая немцами, считалась одним из самых большевизированных регионов России [9, с. 187-188].

Стоит ли удивляться, что после Октябрьского переворота в Петрограде в не занятой немцами большей части Лифляндии практически без сопротивления была установлена советская власть. Затем в условиях немецкой оккупации, подписания большевиками Брестского мира, Гражданской войны и иностранной интервенции прибалтийский вопрос был вытолкнут из внутривнутриполитического контекста в международно-политическую плоскость. Под лозунгом борьбы с большевистской угрозой в схватку за передел прибалтийских окраин России вступили Германия, Великобритания, Франция, США и возрождавшаяся с их помощью Польша.

После поражения Германии в Первой мировой войне Антанта использовала ее вооруженные силы в Прибалтике с конца 1918 года для «перемальвания» большевиков, а сами немцы, маневрируя между странами-победительницами, стремились закрепиться в регионе^б. С одной стороны, победа большеви-

^а Эти аспекты подробно освещались еще в советский период. См., напр.: *Drizulis A. Lielais Oktobris Latvijā*. Rīga: Zinātne, 1987.

^б Версия тех событий, представленная германской стороной, недавно переведена и опубликована с научными комментариями на русском языке. См.: *Бои в Прибалтике. 1919 год / пер. с нем. и комм. Л. В. Ланника. М.: Содружество «Посев», 2017; Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / пер. с нем. и комм. Л. В. Ланника. М.: Содружество «Посев», 2014.*

ков в Гражданской войне в России, их заинтересованность в преодолении международной блокады, с другой — желание бывших союзниц России выстроить для Запада «санитарный кордон» против большевизма создали условия для международного признания суверенитета «буржуазных» Латвии и Эстонии.

В учебной литературе эти события подаются с изрядным цинизмом: *«Россию раздирали военные действия и смута, в которые большевики широко вовлекали латышские стрелковые части. Их посылали на ликвидацию бунта бывших союзников большевиков — левых эсеров в Москве, против белогвардейской армии адмирала Колчака и в другие места»* [6, с. 189, 190]. Также школьникам внушают, что *«большевики не отказались от имперской идеи, лишь замаскировав ее интернационализмом и тезисом о праве наций на самоопределение, однако их попытка в 1919 г. с помощью военного вторжения и разжигания гражданской войны сформировать в Латвии свой режим не увенчалась успехом»* [16].

Руководство Советской России 2 февраля 1920 года заключило мирный договор с Эстонией, а 11 августа — с Латвией, пойдя на территориальные и материально-финансовые уступки. 26 января 1921 года Верховный совет стран Антанты по инициативе Франции принял решение о признании де-юре отделения Латвии и Эстонии от России. 28 июля 1922 года последней из стран-победительниц юридически признали Латвию и Эстонию США, причем с оговоркой госсекретаря США Ч. Э. Хьюза: *«...Соединенные Штаты последовательно настаивали, что расстроенное состояние русских дел не может служить основанием для отчуждения русских территорий, и этот принцип не считается нарушенным из-за признания в данное время правительств Эстонии, Латвии и Литвы, которые были учреждены и поддерживаются туземным населением»* [11, с. 60].

* * *

Можно заключить, что судьба Латвии решалась при прямом вмешательстве внешних сил в условиях военной и послевоенной разрухи, с учетом зарубежных «геополитических» наработок и идеологического противостояния. Определенной части латышского общества удалось решить вопрос создания национального государства в свою пользу. Не вдаваясь в по-

дробный разбор споров о легитимности тех или иных решений в условиях присутствия иностранной военной силы, обратим внимание на вопрос их репрезентативности. Население латвийских территорий в годы Первой мировой войны уменьшилось почти вдвое, считая погибших, эвакуированных, беженцев и мобилизованных в армию: из примерно 2,5 млн человек, проживавших в 1914 году, спустя четыре года осталось лишь около 1,3 млн жителей. Некоторые этносоциальные страты фактически были утрачены (например, русские промышленные рабочие). Статистика дает яркое представление о степени деформации довоенного общества Курляндии и Лифляндии, многие лучшие представители которого погибли или оказались в ключевой момент истории вне пределов Латвии. Эти и другие «неудобные» вопросы в современной латвийской исторической науке и памяти не находятся в фокусе внимания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А. Основные вопросы истории Латвии. Учебное пособие. Рига: Zvaigzne ABC, 2002.
2. Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И. История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005.
3. Бутулис И., Зунда А. История Латвии. Рига: Jumava, 2010.
4. Воробьёва Л. М. История Латвии: от Российской империи к СССР / Фонд «Историческая память»; Рос ин-т стратег. исслед. М., 2009. Кн. 1.
5. Гайворонский К. С. Рождественские бои как пример удачной «исторической приватизации» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 47–54.
6. Курлович Г., Томашунс А. История Латвии для основной школы. Рига: Zvaigzne ABC, 2002.
7. Пухляк О. Н. Прибалтийские губернии летом-осенью 1914 г. в описании газеты «Рижский вестник» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 164–180.
8. Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 93, 94.

9. *Симиндей В. В.* Прибалтийский край под ударом: Социально-политические последствия германского вторжения в годы Первой мировой войны // История без купюр. М.: Международная жизнь, 2011. С. 180-191.
10. *Трошина Т. И.* Великая война... Забытая война...: Архангельск в годы Первой мировой войны (1914-1918): книга для учителей. Архангельск: КИРА, 2008.
11. *Фоменко А. В.* Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918-1940. От появления независимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М.: ЛЕНАНД, 2009.
12. *Balodis A.* Latvijas un latviešu tautas vēsture. Rīgā: Kabata, 1991.
13. *Demokrātiskie procesi Austrumu un Centrālajā Eiropā 1917. gadā: politiskie, militārie, sociālie un kultūras aspekti. Konferences rakstu krājums.* Rīgā: Latvijas Kara muzejs, 2017.
14. *Goldmane S., Klišāne J., Kļaviņa A., Misāne I., Straube L.* Vēsture pamatskolai. Latvija 20. gadsimtā. Mācību grāmata. Rīgā: Zvaigzne ABC, 2006.
15. *Klišāns V.* Vēsture vidusskolai. III daļa. Mācību grāmata. Rīgā: Zvaigzne ABC, 2005.
16. *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīgā: Zvaigzne ABC, 2007.
17. *Šalda V.* Latviešu bēgļi Krievijā (1915-1920) // Latvijas arhīvi. 2005. Nr. 3. 8-9. lpp.

Евгения Назарова

**РАЗВИТИЕ ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЛАТВИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.
ФЕВРАЛЬ 1917 — ЯНВАРЬ 1918:
ОТ АВТОНОМИИ К НЕЗАВИСИМОСТИ**

***Аннотация.** В статье рассматривается развитие идеи латвийской государственности в 1917 г. В годы Первой мировой войны вопрос о национальной автономии рассматривали многие народы Российской империи, особенно после формирования национальных воинских частей. Уже в 1916 г. был составлен первый проект политической автономии Латвии как части Российского федеративного государства. Но пришедшее к власти в России в феврале 1917 г. Временное правительство не имело конкретной программы национальной реформы в многонациональной стране.*

Временное правительство предоставило права самоуправления северной Латвии — Видземе, но отказалось объединить все три исторические латышские земли. Это, а также отказ Временного правительства от провозглашения России федеративной демократической республикой привели к рассмотрению идеи о независимости Латвии. Одновременно латыши продолжали готовиться к Учредительному собранию, надеясь на сохранение Российского федеративного государства. Чтобы выработать общую позицию для доклада об автономии Латвии на Учредительном собрании, был избран Временный Национальный совет, который после Октябрьского переворота возглавил национально-демократические силы, противостоявшие большевикам. Для нейтрализации влияния Совета под руководством большевиков была провозглашена Латвийская Советская республика на неоккупированной части Латвии. Радикальное изменение политической ситуации вынудило членов Национального совета серьезно рассматривать вариант независи-

мости Латвии. Разгон Общероссийского Учредительного собрания поставил точку в надеждах на возможность широкой латвийской автономии в Российской федеративной республике.

Ключевые слова: становление Латвийского государства, программа автономии Латвии в демократическом Российском государстве в 1917 г., национальный вопрос в программе Временного правительства России; лидеры латышского национально-демократического движения, Латвийский временный Национальный совет, Латвийская Советская республика в 1917–1918.

В самом начале XX века стало очевидным несоответствие между социально-политическим устройством Российской империи и положением некоторых нетитульных народов, в том числе латышей, которые по уровню образования, культуры и ведению хозяйства не уступали русской нации, но были лишены возможности участвовать в административном управлении своими этническими территориями и всесторонне использовать национальный язык. В Прибалтийских губерниях коренные народы не имели равных прав с немецким меньшинством в землепользовании; у латышей и эстонцев отсутствовал национальный крупный промышленный и финансовый капитал, отсутствовала национальная школа. Решение подобных проблем отождествлялось с установлением самоуправления для нетитульных народов окраин империи. В разных печатных изданиях уже в годы Первой русской революции обсуждалась возможность расширения административных и экономических прав народов национальных окраин на их этнических территориях [12, с. 123–124]. Статьи на эту тему публиковались и в латышской прессе³. Для народов западных окраин империи примером была Финляндия, даже после сокращения прав автономии в годы правления генерал-губернатора Н. И. Бобрикова (1898–1904 гг.).

С началом войны в связи с призывом в русскую армию представителей всех народов империи вопрос о национально-территориальных автономиях на окраинах страны вновь

³ См., например: A. G. Pašvaldība un autonomija // Balss. 1906, 07. okt.; Lazarovskis N. Par autonomiju // Galvas Pilsētas Avīzes. 1906, 27. janv., 31. janv.

начали активно обсуждать в российском обществе. В первую очередь на получение автономии как формы национальной государственности внутри Российской империи после окончания войны надеялись те народы, у которых были созданы свои воинские формирования.

По словам депутата IV Государственной думы латыша Яниса Голдманиса, во время переговоров латышской делегации о создании национальных батальонов в ставке Западного фронта с генералом М. В. Алексеевым летом 1915 года был затронут вопрос и о предоставлении латышам автономии после окончания войны. Алексеев отнесся к этой идее с пониманием [6]. Опыт административно-хозяйственного управления латышская интеллектуальная элита приобрела, защищая интересы беженцев, начиная с середины 1915 года. Причем руководящая организация помощи беженцам — Латышский Центральный комитет по обеспечению беженцев, имевший более 200 филиалов и ассоциированных с ними общественных формирований по всей стране, по своей деятельности был своего рода народным правительством [11].

В правящих кругах империи были сторонники расширения административных прав народов на их коренных территориях. Однако таких сторонников было меньшинство. Это отчетливо проявилось при обсуждении проекта об административных правах латышей и эстонцев в Прибалтийских губерниях, с которым в марте 1916 года на заседании Думы выступил депутат Янис Залитис. Проект подписали 93 депутата Думы, но он был отвергнут большинством в правительстве и генералитете [10, с. 357-395].

Тем не менее еще до февраля 1917 года вопрос о том, что такое государственная автономия на примерах истории, а также о возможностях латышской автономии в составе Российского государства постоянно присутствовал в национальной прессе. При этом проводилось четкое различие между автономией, остававшейся частью единого государства, и сепаратизмом^a.

^a См. например, *Freinbergs K. Autonomija // Taurētājs. 1916, 01. jūn.; Latviešu balss V. Domē // Baltija. 1917, 15. febr.; Autonomija // Līdums. 1917, 22. febr.; Kas ir autnomija? // Jaunais Vārds. 1917, 19. febr. и др.* См. также: *Germanis U. Nacionālās ideoloģijas attīstība pasaules kara laikā // Germanis U. Ceļā uz Latviju. Raksti par mūsu vēsturi. Rīgā, 1993. 15.-17.lpp.*

После свержения самодержавия вопрос о федерализации Российского государства стал одним из наиболее обсуждаемых в многонациональном обществе империи. В латышской национально-демократической прессе широкая политическая автономия мыслилась как демократическое государство, конституционно закреплявшее права титульной и малых наций, а также распределение полномочий и властных функций с центральным правительством федеративной республики. Правда, в российском многонациональном обществе довольно быстро наступило разочарование в новой власти и недовольство бездействием Временного правительства в проведении демократических реформ^а.

Вопрос об автономии как о необходимой и обоснованной форме существования Латвии в демократической России был основным в программах политических партий и во Временных земских советах, созданных весной 1917 года на собраниях исторических латвийских областей Видземе (латышская часть Лифляндской губернии), Курземе (большая часть Курляндской губернии) и Латгале (часть Витебской губернии).

На этих же собраниях обсуждался вопрос и объединения трех областей в единую Латвию. Очень важным для начала процесса объединения стало собрание представителей Видземе 12-13 марта^б 1917 года. На собрании присутствовали также делегаты из Курземе и Латгале и организаций беженцев. На нем впервые было представлено национальное латышское знамя. Я. Голдманис, один из инициаторов собрания, характеризовал этот форум как первое Учредительное латвийское собрание [6, с. 174]. Правда, в тот момент слова Голманиса звучали лишь как заявка на будущее.

На собрании в Видземе не было разногласий по вопросу территориального единства. Единогласно было принято решение о единой Латвийской автономии и на собрании Курземского земского совета, проходившего за пределами области в Тарту 25-28 апреля. Правда, в самой оккупированной

^а *Demokratiskā republika* // Jaunais Vārds. 1917, 12. marts; *Akuraters J. Latvijas autonomijas lietā* // Līdums. 1917, 12. apr.; *Autonomijas neiecinātāji* // Līdums. 1917, 10. maijs; *Smīni par Latvijas autonomiju* // Baltijas Vēstnesis. 1917, 27. apr.; *Mēs prasām Latvijas autonomiju!* // Brīvais strelnieks. 1917, 13. apr.; *Ko mēs gribam?* // Baltija. 1917, 07. apr.; *Vai Latvijas autonomija ir reakcionāru prasība?* // Baltija. 1917, 12. apr. и др.

^б Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

Курземе еще в марте 1917 года местный ландтаг обратился к Вильгельму II с просьбой присоединить область к Германии. А 21-22 сентября 1917 года там же прошло заседание другого Курземского земельного совета (без участия представителей области, находившихся за линией фронта) со значительным преобладанием прибалтийско-немецких помещиков, который также принял решение ориентироваться на Германию^a. Однако представители Курземе за пределами оккупированной области (а вне области находилось тогда более половины местных жителей) не признавали этого решения^b.

Сложно решался вопрос о будущем Латгале, среди лидеров которой были и сторонники отдельной Латгальской автономии, ссылавшиеся на различия в языке (латгальском диалекте, в настоящее время признанном отдельным языком балтийской группы [8]) и в историческом развитии. Все же 1-й конгресс латгальских городов и волостей 26-27 апреля 1917 года принял резолюцию о присоединении Латгале к единой Латвийской автономии.

Что касается социал-демократов, то за автономию выступали меньшевики, а большевики были настроены на унитарное государство. В их резолюции, опубликованной 29 апреля, нежелательность латышской автономии и в целом федеративной формы государства обосновывалась сложностями как экономического развития, так и классовой борьбы пролетариата в таком государстве. В дальнейшем, после победы пролетарской революции также предполагалось создать единое государство, хотя и с элементами культурной автономии^c.

Правда, среди большевиков также были сторонники автономии. Например, за право народов на политическую автономию (в едином пролетарском государстве) выступал П. Дауге [2, с. 92-93]. Идею автономии Латвии поддерживал и крупней-

^a О позиции прибалтийских немцев в отношении будущего Прибалтийского региона см.: *Cēruzis R. Vācu factors Latvijā (1918-1939). Politiskie un starpnacionālie aspekti.* Rīgā, 2004. 60.-61. lpp.

^b См. об этом: *Kemps F. Latgales likteņi.* Rīgā, 1991. — 133.-160. lpp.; *Bērziņš V. Pirmā pasaules kara laiks.* // 20. gadsimta Latvijas vēsture. I. Latvijas no gadsimta sakuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900-1918. Rīgā, 2000. 581.-604., 639. lpp.; *Šiliņš J.* Op.cit. 174. lpp.

^c См. об этом: *Vēl reiz Latvijas autonomija* // *Ciņa.* 1917, 22-24.04; *Rezolūcija Latvijas pašvaldības (autonomijas) jautojumā* // *Ciņa.* 1917, 29. apr.

ший латышский поэт Янис Райнис. Райнис, близкий большевикам по взглядам, поддерживал борьбу рабочего класса и с радостью приветствовал свержение монархии, надеясь на демократические преобразования в стране. Вместе с тем в его стихах на первом месте всегда были латышский народ и Латвия^a. Райнис считал, что латыши сначала должны создать свою государственность, а потом уже сами решать судьбу Латвии. Стихотворение, где он проводит тождество между страной и государством, было впервые опубликовано в 1916 году в журнале «Taurētājs» («Трубач», «Горнист»), но с купюрами, а полностью — в том же журнале в апреле в 1917 года^b. Еще накануне свержения самодержавия Райнис публично высказывал мнение о необходимости объединения латышей, чтобы противостоять самоуничтожению нации. Последнее он отождествлял с космополитизмом^c. В периодических изданиях печатались также стихи и статьи Райниса о необходимости автономии для латышей в демократической России^d.

В связи с огромным авторитетом Райниса среди латышей позиция поэта вызвала целую дискуссию в национальной прессе между сторонниками автономии и большевиками, посчитавшими его ренегатом^e. Резкие высказывания некоторых друзей и соратников, которые подчас нельзя было воспринимать иначе как травлю, очень тяжело переживались поэтом. В одном из писем к зятю и сестре — лидеру латышских большевиков Петерису Стучке и его жене Доре — поэт с горечью спрашивал, почему они настолько не любят свой народ, что лишают его права принимать самостоятельные решения о своей судьбе^f.

Первый шаг к решению территориального вопроса был сделан на совещании 24 марта 1917 года в Риге. При активном

^a См.: *Raiņis. Kentu kalnu burvis* // Jaunais Vārds. 1917, 15.03. *Raiņis. Mums visiem vienas sāpes* // Dzimtenes Vēstnesis. 1917, 11. marts и др.

^b См. об этом: *Raiņis. Zeme un valsts* // Taurētājs. 1916, № 7.3. lpp.; 1917, № 3.127. lpp.

^c См. об этом: *Dzimtenes Vēstnesis*. 1917, 08. febr.

^d См. об этом: *Raiņis J. Atskats uz kadu neizdekušos sabiedrisku mēģinājumu* // Jaunais Vārds. 1917, 4.-5. febr.; *Raiņis J. Mēs un mūsu vienotā zeme* // Jaunais Vārds. 1917, 12. marts.

^e См. об этом: *Ģermanis U. Raiņis revolūcijas laika presē 1917 gadā*. 105.-112. lpp.

^f См. об этом: *Raiņa vēstule P. un D. Stučkam 22.okt., 1918.* // *Literārais mantojums*. 1. s. Rīgā, 1957. 351. lpp.; *Raiņa vēstule P. Stučkam*. 07. nov., 1918. // *Literārais mantojums*. 352.-353. lpp.;

участии Я.Голдманиса, бывшего тогда комиссаром Временного комитета Государственной думы и Временного правительства в Видземе было принято решение о разделе Лифляндской губернии на латышскую и эстонскую части. Эстонская часть была присоединена к Эстляндской губернии, а в латышской части образовалась Видземская губерния [1, с. 601; 13, с.27-103; 6, с.174].

Чтобы не провоцировать недовольство коренного населения в стратегически важном прибалтийском регионе и в непосредственной близости от линии фронта, Временное правительство утвердило 30 марта проект ограниченного самоуправления для Эстляндской губернии [9, с. 40]. И в эстонском, и в латышском обществе этот проект был признан недостаточным. Тем не менее, используя этот прецедент, в правительство был подан и проект местного самоуправления для Латвии, разработанный в Видземском земском совете. Законом Временного правительства от 22 июня Видземской губернии предоставлялось местное самоуправление, но в просьбе присоединить к ней латгалские земли в Витебской губернии было отказано. Об оккупированной Курземе вообще не упоминалось [1, с. 603].

Высшим органом административного правления в Видземе становился Земский совет. Он занимался всеми внутренними делами в губернии. Местные органы власти создавались на основе всеобщих выборов. Представителем Временного правительства в губернии становился губернский комиссар. На эту должность был назначен А. Приедкалнс, а его заместителем — К. Улманис. Земский Совет делил с губернским комиссаром власть в губернии. Официальным языком в губернии становился латышский^а.

Подготовить выборы в местное самоуправление должен был Временный Видземский земский совет, избранный еще в марте на собрании представителей области^б. На практике Совет занимался решением актуальных для населения Видземе проблем в области сельского хозяйства, народного образования и др. еще до принятия закона о самоуправлении. Проведению же выбо-

^а См. об этом: Vidzemes pagaidu pārvaldes projekts // Līdums. 1917, 16. apr; Rīgas Ziņas // Brīvais Strēlnieks. 1917, 30. apr.

^б См. об этом: Vīzemes Pagaidu Zemes Padomes valdes sēdes no 4.- 7. jūlijām // Jaunais Vārds. 1917, 05.-09. jūl.

ров, предполагавших в августе, помешало германское наступление, в ходе которого были захвачены Рига и часть Видземе.

В то же время комиссией Земского совета велась разработка основных положений конституции Латвийской автономии, которую должны были принять на Латвийском Учредительном собрании. Его предполагалось провести после Общероссийского Учредительного собрания, которое, как надеялись, провозгласит Россию федеративной республикой. Проект был опубликован накануне Октябрьского переворота. В начале документа говорилось о том, что Латвийская автономия объединяет три исторические латышские области^а. Столь короткий срок для подготовки такого важного документа объясняется тем, что при работе над текстом конституции комиссия почти полностью заимствовала тот проект, который был создан еще в конце 1916 года в Латышском культурном бюро в Москве и опубликован 1 апреля 1917 года в журнале «Taurētājs».

Согласно этому проекту, вся законодательная, исполнительная, судебная и финансовая власть в Латвии должна принадлежать автономии. Органы законодательной и судебной власти от волостного самоуправления до общелатвийского парламента — Саэймы (Saeima/Сход) формируются на основе всеобщего избирательного права. Основным языком в автономии — латышский, на нем должно вестись делопроизводство во всех инстанциях; его следует использовать как рабочий язык и язык общения во всех властных структурах и учреждениях. Но оговаривались случаи использования языков малых народов автономии — русского и немецкого. На родном языке могли выступать в дебатах депутаты Саэймы от этих народов. Языком преподавания в образовательной сфере от начальной школы до высших учебных заведений должен быть латышский [5, с. 208]. Но предусматривались также школы на языках нетитульных народов автономии. Военная служба жителей автономии в мирное время будет проходить на территории Латвии.

В компетенцию центральной власти федеративного государства отдавались функции общероссийского характера: дипломатия, включая вопросы войны и мира, внешняя торговля, охрана границ, железные дороги, денежная система,

^а См. об этом: Latvijas autonomija // Cēsu Avīze. 1917, 24. okt.

государственные налоги, займы, др. В общероссийский бюджет предполагалось отчислять определенный процент от бюджета автономии^а.

Бездействие Временного правительства, неопределенность с формой государственного устройства России и неудачи на фронте постепенно усиливали недовольство среди национально-демократических сил всех народов страны. При этом происходила и радикализация общественных мнений. В латышском обществе особенно радикальные заявления — вплоть до отделения от России — делались членами Национально-Демократической партии, в основном представлявшими творческую интеллигенцию и юристов [2, с. 80–81].

Сторонниками же последовательных переговоров с Временным правительством об объединении латвийских земель были те национально-демократические лидеры, которые уже имели опыт государственной политической и экономической деятельности. Кроме Я. Голдманиса, депутатом IV Государственной думы был Янис Залитис. Янис Чаксте был депутатом I Государственной думы и подписантом Выборгского воззвания в 1906 году. Зигфридс-Анна Мейеровицс с 1915 года исполнял обязанности главы отдела обеспечения комитета Всероссийских земского и городского союзов (Земгор). Исходя из собственного опыта, они лучше понимали сложности, с которыми Латвии придется столкнуться в случае полного отделения от России, и до конца надеялись на переговоры с Временным правительством и на федерализацию Российского государства.

На совещании всех латышских партий и организаций, состоявшемся в Риге 30 июля, была принята резолюция, провозглашавшая: 1) латыши, как и другие народы, имеют право на полное самоопределение; 2) в составе единой Латвии должны быть объединены три исторические этнические области; 3) латвия должна стать автономной частью Российской демократической республики^б.

Однако при провозглашении России демократической республикой 1 сентября 1917 года не был отмечен ее многонациональный характер. В связи с этим на состоявшемся неделей

^а См. об этом: *Latvijas satversmes projekts // Taurētājs*. 1917, № 2. 122.-125. lpp.

^б См. об этом: *Apspriešanas par Latvijas autonomiju // Jaunais Vārds*. 1917, 01. aug.

позже Совещании представителей народов России в Киеве подавляющим большинством голосов была принята резолюция о выработке совместного требования к Временному правительству признать Россию федеративной республикой. Высказывалась надежда на то, что федеративное устройство Российской республики будет закреплено на Всероссийском Учредительном собрании^а. Против решения совещания выступили присутствовавшие на нем большевики, требовавшие в дебатах создания единой пролетарской республики. Однако такая точка зрения не нашла поддержки у большинства делегатов совещания [4, с. 20-22].

Влияние большевиков в народных массах усиливались в течение 1917 года из-за ухудшения экономического положения в прифронтовых районах и среди беженцев, а также из-за поражений на фронтах. Еще 16-17 июля был создан пробольшевистский Исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколат). Большевики вели активную пропаганду против латвийской автономии^б. Но среди социальных низов общества и латышских стрелков сохранялось влияние эсеров и меньшевиков — сторонников автономии.

Обсуждение вопроса о национальной автономии активизировалось к концу лета в стрелковых частях. Исполнительный комитет латышских стрелков опубликовал несколько резолюций, в которых высказывалось требование о формировании российской армии по национальному принципу [2, с. 61]. В начале ноября создание демократической республики поддержало возникшее в Москве «Объединение беспартийных латышских рабочих». Члены этой организации выступили за сохранение своих национальных особенностей в противовес пролетарскому интернационализму большевиков [7].

Попытка договориться с Временным правительством об объединении латышских земель в одном административно-территориальном образовании была предпринята на прие-

^а См. об этом: Krievu laikrasti par republikas izsludināšanu // Līdums, 1917, 08. sept.; Ko darīt Krievijas mazajām tautam? // Līdums, 1917, 09. sept.

^б Например: Latvijas autonomijas jautājums mūsu sociāldemokrātijas piektajā kongresā. // Jaunais Vārds. 1917, 20.-22. jūl.; Mūsu sociāldemokrāti un Latvijas autonomija // Līdums. 1917, 13. okt.

ме латышской делегации у А. Ф. Керенского 19 сентября. Но Керенский уклонился от разговора на данную тему^а.

С августа латыши начали активную подготовку к Учредительному собранию, причем добились того, чтобы предвыборный материал в местах массового расселения латышей по всей бывшей империи печатался по-русски и по-латышски^б.

Для выработки единой позиции по вопросу об автономии на Учредительном собрании было решено создать Латвийский Временный Национальный совет. На Организационное собрание избирались представители от латышских земель, всех политических партий, латышских стрелков, беженцев, а также от действовавшего с середины сентября в оккупированной Риге Демократического блока.

Из-за Октябрьского переворота Организационное собрание состоялось лишь 16–18 ноября 1917 года в Валке, уже в условиях большевистской власти в Видземе. На нем утвердили состав Временного Национального совета и приняли Декларацию об образовании единой автономной демократической Латвии в границах трех исторических областей Видземе, Курземе и Латгале. Было принято также решение о подготовке к Латвийскому Учредительному собранию. Хотя речь на Организационном собрании шла лишь об автономии Латвии в составе России, в сложившихся тогда политических условиях в стране приходилось рассматривать и вероятность создания независимого латвийского государства. На одном из первых заседаний Временного Национального совета было принято решение послать делегацию за границу, чтобы выяснить, как в западных странах отнесутся к независимой Латвии^с. За создание своего государства с конца ноября выступал один из лидеров национально-демократических сил Зигфридс Мейеровицс [7, с. 109].

^а См. об этом: *Līgotņu Jēkabs*. Op.cit. — 44.lpp.

^б См. об этом: *Latviešu valodā vēlēšanas uz Satversmes Sapulci // Latviešu Bēgļu Apgādāšanas Centrālkomitejas Ziņojums* (далее — *Ziņojums*). 1917, 19. okt.; *Satversmes sapulces vēlēšanas // Līdums*. 1917. 15.-16. aug.

^с См. об этом: *Latviešu Pagaidu Nacionālā Padome // Ziņojums*. 1917, 6. nov.; *Visiem latviešiem! // Ziņojums*. 1917. 20. nov.; *Apspriede Latvijas satversmes sapulces sasaukšanas lieta // Ziņojums*. 1917. 30. nov.; *Latviešu pagaidu Nacionālpadomes sēdē // Ibid.*; *Līgotņu Jēkabs*. *Zigfrīds Meierovics. Mūžs, darbs, liktenis*. 52. lpp.; *Ģermanis U. Latviešu pagaidu Nacionālā Padome // Ģermanis U. Ceļā uz Latviju. Raksti par mūsu vēsturi*. 79. lpp.

Поддержка Временного Национального совета и на севере Латвии, и среди рассеянных по всей империи беженцев беспокоила большевиков, хотя их власть в данном районе опиралась на военную силу. В конце 1917 года большевики пользовались поддержкой в стоявшей в Видземе 12-й армии, а также в 1-й и 5-й армиях, расположенных в Латгале. Тем не менее, чтобы полностью нейтрализовать влияние Временного Национального совета, большевики провели 16-18 декабря в Валмиере съезд Советов рабочих, стрелковых и безземельных депутатов, на котором была провозглашена советская власть в Латвии. Причем декретом СНК Советской России к Латвийской советской республике была присоединена выделенная из Витебской губернии Латгале. То есть советское правительство ушло стремление латышей к объединению и сделало то, от чего отказывалось Временное правительство.

При этом большевики выступали против выборов в Латышское Учредительное собрание. А едва ли не первым актом новой власти было закрытие демократических газет «Lidums» («Подсека») и «Laika Vēstis» («Вести времени»), выступавших против большевиков и оценивавших их действия как начало конца демократии^а. Был распущен и Временный Национальный совет.

К началу 1918 года было уже ясно, что у большевиков и национально-демократических лидеров были разные представления о дальнейшей судьбе Латвии, оставалась еще слабая надежда на Общероссийское Учредительное собрание. Проведения такого собрания ждало большинство жителей бывшей Российской империи. Учредительное собрание рассматривали как новую стадию развития русской революции^б. С программой латвийской автономии должен был выступить Я. Голдманис. Но разгон Учредительного собрания 6 января 1918 года поставил точку в планах национально ориентированных латышей создавать свою государственность в составе демократической федеративной Российской республики. Дальше уже рассматривались варианты развития Латвии без России.

^а См. об этом: Gala sakums // Līdums. 1917, 01. dec.

^б См. об этом: Viskrievijas Satversmes sapulces vēlēšanas // Līdums. 1917, 01. dec.; Cēļa jūtis // Līdums. 1917, 02. dec.; Cīņa par un pret Satversmes sapulci // Līdums. 1917, 05. dec.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Bērziņš V.* Pirmā pasaules kara laiks // 20. gadsimta Latvijas vēsture. I. Latvijas no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918. Rīgā, 2000.
2. *Germanis U.* Ceļā uz Latviju. Raksti par mūsu vēsturi. Rīgā, 1993.
3. *Kemps F.* Latgales likteņi. Rīgā, 1991.
4. *Ligotņu Jēkabs.* Zigfrīds Meierovics. Mūžs, darbs, liktenis. Rīgā, 2001.
5. *Nazarova J.* The First World War and the Latvian National School // Sabiedrība, karš un vēsture: Pirmā pasaules kara militārās, politiskās un sociālās norises Baltijas reģionā (1914–1918) / Sast. Ju. Čiganovs (Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. XV). Rīgā, 2014. 208–220.
6. *Šiliņš J.* Zināmākais latvietis Petrogradā. Jāņa Goldmaņa politiskā darbība Krievijā un Latvijā // Latvijas Arhīvi. № 3. 2015. 161–192.
7. *Бартеле Т.* Судьба латышских национальных организаций Москвы в условиях большевистской власти. 1918–1922 годы. // Россия и Балтия. В. 8: Новый мир на развалинах империи, отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2017. С. 108–128.
8. *Брейдак А.Б.* Латгальский язык // Языки мира. Балтийские языки. М., 2006.
9. *Зеттерберг С.* История Эстонской республики. Таллин, 2013.
10. Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века. Сборник документов и материалов / Сост. Т. Карьяхарм. Тарту, 2000.
11. *Назарова Е. Л.* Латышский Исход 1915–1917 годов и национальная интеллигенция // Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 4 (58). Проблемы истории Скандинавско-Балтийского региона. 2017 (<http://history.jes.su>).
12. *Назарова Е. Л.* Переводы с латышского на русский в эпоху заката империи. 1914–1917 гг. // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 123–145.
13. *Николаев А. Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 года: персональный состав // Из глубины времен. СПб., 1997. № 8. С. 27–103.

Геннадий Кретинин

ФОРМИРОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛИТВЫ И ОТНОШЕНИЯ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ

***Аннотация.** На рубеже тысячелетий на западе от Древнерусского государства начинают формироваться государства его соседей: вначале поляков, затем литовцев. Отношения в таком треугольнике изначально были сложными. Понимая, что в одиночку ни одно из них не устоит в противостоянии с возраставшим могуществом России, соседи принимают решение объединиться. В унии превалирующим оказалось положение Польши. В статье анализируются многовековые отношения трех государств, два из которых обретали, теряли и вновь обретали суверенитет, конфликтовали между собой, особенно после окончания Первой мировой войны. Особое внимание в статье уделено отношениям новой Литвы и Советской России в контексте присутствия и влияния на эти процессы Польши.*

***Ключевые слова:** Советская Россия, Литва, Польша, суверенитет, противостояние, отношения, государства.*

Формирование государственности трех народов: поляков, литовцев и русских — в историческом плане происходит в средние века. Древнерусское государство ведет свой отсчет с Середины IX века, со следующего столетия в Европе появляется польское королевство. Современная Литва несколько лет назад отметила тысячелетие с момента первого упоминания Литвы в летописной истории [2, с. 29]; через два с половиной столетия на политической карте возникло и первое литовское государство.

В XIV-XVI веках Польша практически стала западной страной, переживающей Ренессанс, формирующей свою университетскую сеть, выдвигающейся на авансцену европейской науки. В связи с этим ее поворот на Восток, в результате кото-

рого она начала присоединение к себе малых народов (украинцев, белорусов, евреев и татар), оказался не просто неожиданным для европейцев, но привел к прямым столкновениям с Россией.

Понимая, что в одиночку с нарастающей мощью России ни Польше, ни тем более Литве не справиться, а оба государства к тому же имели проблемы с другими соседями, — поляки и литовцы пришли к выводу о необходимости объединений усилий.

В 1386 году Литва и Польша оказались объединенными личной унией.

Важной особенностью этой унии было крещение значительной части литовцев, оставшихся до этого язычниками. В Литву потянулись польские католические священники, а затем и шляхтичи. Под влияние поляков попадали восточные районы Литвы и западнорусские земли (подвластные тогда великому княжеству Литовскому), через которые поляки получали возможность проникать в Курляндию. Постепенно польское влияние в Литве усилилось. Литовские дворяне осваивали польский язык, польские нравы и обычаи. Польская шляхта получила право покупать земли на Литве и занимать там государственные должности.

В 1569 году возникает единое польско-литовское государство, Речь Посполитая, в котором литовское дворянство было уже полностью приравнено к шляхте. Литовское государство как самостоятельное постепенно прекратило свое существование (законодательно — в 1791 году, после принятия 3 мая Конституции Речи Посполитой^а). Литовская аристократия была полонизирована, более развитая польская культура вытеснила литовский язык и культуру, носителями которого остались крестьяне и мелкое литовское дворянство, в глубинные районы северо-западной Литвы, в Жемайтию, «откуда

^а В тексте Конституции топоним «Литва» не упоминается. Только в преамбуле, в перечне титулов Станислава Понятовского наряду с другими присутствует фраза «великий князь Литовский». Термины «Речь Посполитая» и «Польша» включают идентичное содержание [11, с. 516-526].

есть пошла Литва». По словам Э. Гудавичюса, на «развитие и судьбу литовского народа решающее влияние стала оказывать Польша» [2, с. 658].

После разделов Польши в конце XVIII и вплоть до XX века, находясь в составе России, Литва практически не имела самостоятельной политической истории, оставаясь обычной польской провинцией. Сохранилось польское землевладение в Литве, шляхта получила более широкие права русских дворян. Не шло речи ни о каком национальном возрождении и подъеме литовского народа. Наоборот, русское правительство поощряло дальнейшую колонизацию литовцев. Александр I, например, содействовал развитию польских учебных заведений в Вильнюсе. Создавались условия для окончательного усвоения господствовавших в Литве польской культуры и языка. Виленский университет функционировал как один из польских университетов. Литовцам грозило растворение в формирующейся современной польской нации.

После польских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. Петербург начал проводить политику русификации Прибалтики, одной из составных частей которой стало ограничение влияния Польши в Литве. При этом меры, направленные на отдаление литовцев от поляков, не способствовали и русификации Литвы. Дело в том, что, хотя в литовской печати и было запрещено использование латинского алфавита, но при этом хоть и на кириллице, но поощрялось использование литовского языка, а обучение в ряде гимназий и духовных семинариях было переведено с польского языка на литовский. Но латиница использовалась в религиозных целях, была распространена среди литовских крестьян. Их консерватизм не способствовал привитию кириллицы, появилась контрабанда литовских изданий на латинице из-за границы, подпольные литовские школы. В начале XX века литовский язык с использованием латиницы вернулся в Литву.

На рубеже XIX–XX веков юго-восточные и восточные районы Литвы (с центром в г. Вильно) имели весьма пестрый национальный состав населения, в котором литовцы явно не преобладали. По переписи населения 1897 года в Ви-

ленской губернии России проживало 56,1 % белорусов, 17,6 % литовцев, 12,7 % евреев, 8,2 % поляков и 4,9 % великороссов. При этом следует учитывать, что значительная часть белорусов была также полонизирована. Еще более контрастными были показатели проживания в городах Литвы, где литовцы составляли незначительное меньшинство. Показателен в этом плане Вильнюс: в нем насчитывалось 40 % евреев, 31 % поляков, 24 % русских и белорусов и только 2 % литовцев. В Ковно большинство также составляли евреи (35,2 %), русские и белорусы (25,8 %) и поляки (22,7 %). Литовцев насчитывалось лишь 6,6 %. Перед Первой мировой войной доля литовцев во всей Литве по различным причинам снизилась с 61,6 % до 54 %, а на востоке (в Виленском, Свенцянском и Трокском уездах) — с 44 % до 30 % [8, с. 11].

Таким образом, к моменту обретения независимости Польшей и Литвой в спорном Виленском крае сложилась чрезвычайно противоречивая ситуация. С одной стороны, Вильнюс был древней литовской столицей, основанной еще великим князем Гедимином до объединения Литвы и Польши, и одним этим уже являлся символом литовской государственности. С другой стороны, Виленский край в течение ряда столетий входил в состав Польши, Речи Посполитой, оказался частью Польши в период между мировыми войнами XX века, был в значительной мере заселен польским населением (интересно, что Ю. Пилсудский родился под Вильнюсом; после смерти его сердце было захоронено на вильнюсском кладбище, а прах его покоится в Кракове) и для поляков также остается не менее важным центром польской истории.

Открытого польско-литовского военного противостояния удалось избежать, но положение литовского государства оказалось очень сложным. Источником слабости Литвы была незавершенность к моменту создания независимого государства процесса образования современной литовской нации. Преимущественно сельское население Литвы в социальном отношении оказалось менее развитым, чем проживающие в ней меньшинства. В высших социальных слоях доминировали евреи, немцы и поляки. Поляки вообще считались у литовцев «пятой колонной», «попояченными литовцами», и на них оказывалось давление с целью возвращения в национальное лоно.

В свою очередь, польские политики рассматривали литовцев как «часть польского политического народа». Польская литература, начиная с Г. Сенкевича и А. Мицкевича, сформировала у поляков образ «экзотической» Литвы, в котором присутствовали литовцы-простаки, они хуже одевались, воевали хуже «старшего брата», но любили свою родину Польшу и считались немного иными поляками. В результате польское население так и не смогло понять: почему восстанавливающиеся Польша и Литва не хотят общей государственности? Это нежелание определило отношения между поляками и литовцами в межвоенный период. Отголоски таких отношений наблюдаются и в современном взгляде на проживающих в Литве поляков как на отвращение от ствола великой Польши, которым надо помогать, поддерживать и не позволять литовцам их литуанизировать.

Все это делало конфликт между вновь образованными государствами трудноразрешимым.

Россия и Литва представляли собой два разновеликих государства, абсолютно несравнимых между собой ни по занимаемой территории, ни по численности населения, ни по объемам промышленного производства.

Взаимные интересы подобных государств чаще всего носят политический характер. Для большого по экономико-географическим показателям — это дополнительная поддержка в международной дискуссии, как правило, номинальный союзник и т. д. Для малого — получение каких-то дивидендов от подобного сотрудничества. Иногда, если малое государство обладает, например, редкими или крупными залежами полезных ископаемых или владеет важным участком территории, географическим объектом (проливом и т. д.), оно может, используя данное обстоятельство, ставить вопрос и добиваться более равноправных отношений.

В экономическом отношении Литва по масштабам уступает России, это естественно. Россия, опять же, в силу разности масштабов значительно улучшить свои экономические показатели от сотрудничества с Литвой, естественно, не рассчитывает. Ни важных географических показателей, ни редких полезных ископаемых на литовской территории также нет.

Но волею судьбы обоим государствам предназначено, раз уж они исторически были и остаются соседями, искать и реализовывать возможности разностороннего сотрудничества во взаимовыгодных интересах.

Что касается создания Литовского государства, то следует отметить такое обстоятельство, что уния с Польшей, вхождение в состав России с конца XVIII века до Первой мировой войны, отсутствие четко выделенного ареала проживания литовцев, как и незавершенность формирования самого литовского этноса, привели к тому, что идея суверенного литовского государства сформировалась только во втором десятилетии прошлого века. В сентябре 1917 года в Вильнюсе, занятом германскими войсками, состоялась конференция ряда литовских организаций, на которой была избрана Тариба (Государственный совет). На заседании Национального совета литовцев России, состоявшемся 16–19 ноября 1917 года в Воронеже, была обозначена территория, на которой и должно было создаваться новое государство в составе Вильнюсской, Каунасской, Сувалькской, части Гродненской и Курляндской губерний, а также Малой (Прусской) Литвы со свободным выходом к морю. 16 февраля 1918 года Тариба провозгласила независимость Литвы. Германия формально признала независимость Литвы, но оккупационный режим не изменила [10, с. 15; 12, с. 6].

Таким образом, в Литве сформировалась идея решения территориального вопроса, основу которой через 2–3 года составили требования к Польше о возвращении Литве Вильнюса и Вильнюсского края и к Антанте о передаче Литве Мемельского края.

5 ноября 1918 года было сформировано первое литовское правительство, не имевшее реальной власти и находившееся под опекой немцев. В начале января 1919 года немцы оставили Вильнюс. Литовское правительство было вынуждено переехать в Каунас. Вильнюс же был занят отрядами местных поляков, выступавших за присоединение края к Польше.

События в Литве развивались весьма динамично. Формировались различные, в том числе и советское, правительства, делались попытки создания объединенного литовско-белорусского государства [подробнее об этом см.: 7; 4; 13] Некоторое

время Вильнюс был даже столицей Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики.

Экономическому становлению новой советской республики была оказана помощь со стороны ее восточных и южных соседей. По данным В. Пуронаса, правительство РСФСР в 1919 году оказало финансовую помощь Литбелу на сумму 200 миллионов рублей. Несмотря на собственные трудности, Советская Россия и Советская Украина поставили некоторое количество сырья, топлива, строительных материалов, продовольственных товаров и др. Из некоторых советских республик были командированы специалисты; была предпринята попытка реэвакуации вывезенных в ходе Первой мировой войны промышленного оборудования и другого имущества. Между советскими республиками были ликвидированы таможенные барьеры [9, с. 42].

Затем в апреле 1919 года легионеры Пилсудского заняли город. Советская республика была ликвидирована. В апреле этого же года Тариба принимает временную конституцию. Первым президентом Литвы становится А. Сметона. В связи с наступлением советских войск на Варшаву 14 июля польские войска оставили Вильнюс. Правительство Литвы по-прежнему остается в Каунасе.

В сентябре 1919 года советское правительство обратилось к правительству Литвы с предложением о заключении мирного договора между двумя государствами (такие же предложения были сделаны Эстонии, Латвии и Финляндии) [3, с. 242-245]. Для Литвы это было очень важное предложение, ибо до сего времени молодое государство не имело (кроме побежденной в мировой войне Германии) международного признания. Достаточно сказать, что Англия 24 сентября 1919 года, в ответ на инициативу Советской России, в свою очередь сообщила литовскому представителю в Лондоне Чепинскису, что правительство Великобритании готово признать литовское правительство де-факто [7, с. 98; 11, с. 196].

Предложение советского правительства было выгодно обеим сторонам: Советская Россия также получала международное признание, территория Литвы становилась транзитной для связи с Германией, более того, Литва, учитывая ее исключительно сложные отношения с Польшей, становилась надежным союзником в российско-польском противостоянии. Од-

ной из особенностей мирного договора являлось обязательство России признать принадлежность Вильнюса и Вильнюсского края Литве.

Однако, учитывая заинтересованность Советской России в подписании мирного договора и сложности ее положения весной 1920 года (начало польского наступления, прорыва из Крыма группировки генерала П.Н. Врангеля), литовские дипломаты сформулировали серьезные экономические притязания к российской стороне. Они потребовали выделения Литве части золотого фонда, а также военного и торгового флота России (часть эта должна была соответствовать тому проценту, который составляла территория Литвы в составе бывшей Российской империи), денационализации имущества литовских граждан в РСФСР, возмещения Литве убытков мировой войны на сумму 900 миллионов рублей золотом, реэвакуации имущества, капиталов, вкладов и железнодорожного подвижного состава (т. е. всего, что было вывезено из Литвы в 1915 году в связи с немецким наступлением), снабжения вооружением и амуницией одного армейского корпуса литовских вооруженных сил, выделения в пользу Литвы пропорциональной части капиталов и имущества России за границей и выкупа имеющих хождение в Литве русских бумажных денег [3, с. 711].

Российской стороной эти требования были признаны необоснованными и, естественно, отклонены. Как показал ход дальнейших переговоров, литовские дипломаты особой настойчивости в реализации данных претензий не проявили. Видимо, из-за того, что важнейшим для них было решение вопроса о территориальном статусе нового государства.

Пользуясь ситуацией, литовская делегация^а потребовала от Советской России признания прав Литвы на территории бывших губерний: Каунасской, Вильнюсской, Сувалкской и Гродненской (с городами Брест, Кобрин, Пружаны), а также Новогрудского уезда Минской губернии, части Илукстского и Гробинского уездов Курляндской губернии (т. е. почти всей Западной Белоруссии и части Латвии) [7, с. 124]. И эти требования были завышены. Более того, это понимали члены

^а Переговоры проходили в Москве (прим. авт.).

литовской делегации. Один из них, Климас, писал своему министру иностранных дел: «Русские принципиально не могут удовлетворить наших требований, так как в Лидском, Ашмянском и особенно Гродненском уездах, без всякого сомнения, проживает большинство белорусов и русских... Прочность советской позиции состоит в том, что в отношении Лидского, Гродненского и Ашмянского уездов у нас, действительно, нет почти никаких этнографических доводов, за исключением нескольких очень старых или неубедительных упоминаний о том, что в некоторых местах жители пользуются литовской речью, или же об их историческом литовском происхождении... Большевики... прямо сказали, что наша претензия к Гродненской области является для них просто непонятной.... Наше положение действительно было тяжелым» [там же].

Практически никаких «этнографических доводов» не было у литовской делегации и в отношении Виленского края. Здесь численность литовцев составляла всего 1-2 %, а поляков — превышала 50 % [см., напр.: 6, с. 32]. Однако советская сторона исходила из того, что Вильнюс являлся древней литовской столицей, что территория Вильнюсского края — это литовские земли. Советская делегация соглашалась на передачу Вильнюса Литве, и, как покажут дальнейшие события, эта позиция сохранится за СССР во всех последующих переговорах и решениях.

Переговоры продолжались вплоть до того момента, когда Красная армия добилась успеха на польском фронте, ее войска подошли к границе Вильнюсского края. Чтобы окончательно склонить Литву к заключению мирного договора и лишить ее возможности выступить на стороне Польши, советские дипломаты пошли на территориальные уступки. За Литвой признавались, кроме Вильнюса и Вильнюсского края, Ашмяны, Лида и Гродно [3, с. 71].

Договор был заключен 12 июля 1920 года. Через два дня Красная армия освободила Вильнюс и прилегающие территории от польских войск, а в августе, в соответствии с мирным договором, древняя столица была передана литовскому государству. Так состоялось первое возвращение Вильнюса. При этом передачей территории советское государство не ограничилось. Учитывая, что Литва была целиком разорена в ходе Первой мировой войны, литовский народ был не в состоянии

самостоятельно быстро восстановить свое хозяйство, советское правительство изъявило желание выдать литовскому правительству три миллиона рублей золотом. Деньги были получены. Литовский историк К. Навицкас, со ссылкой на прессу христианских демократов, утверждает, что тем самым Россия «помогла литовскому государству ввести в 1922 году собственную валюту... и таким образом начать экономическое восстановление края» [7, 129-130].

Дальнейшее формирование литовской территории происходило в остром соперничестве Литвы с Польшей, при участии Советской России (СССР), Германии и других западных стран. По мнению клайпедского историка профессора В. Вигантаса, методы формирования территории в межвоенный период для государств, по крайней мере, Балтийского региона были идентичными по своей сути: за счет территории соседей. Так действовала Польша в отношении Вильнюса и Вильнюсского края, так действовала и Литва в отношении Мемельского (Клайпедского) края. При этом применение военной силы для решения территориальных вопросов, пренебрежение мнением международного сообщества было обыденным явлением. В. Варейкис отмечает, что все зависело только от военных возможностей государства, предпринимавшего ту или иную территориальную акцию [14].

В частности, политическую особенность в развитии экономических отношений Россия пыталась использовать еще на этапе становления обоих государств, сразу же после окончания Первой мировой войны.

Впрочем, это была одна из последних попыток со стороны Советской России того времени наладить не политические, а именно экономические отношения двух стран. Но безуспешно.

У руководства только что созданной Литовской Республики сформировался комплекс антироссийских настроений. Предвоенное развитие экономики на территории исторической Литвы предусматривало возможность использования прежде всего общероссийского рынка. Однако после того, как не удалось добиться от России выполнения предъявленных экономических компенсационных требований, литовское правительство берет курс на сотрудничество с Западом.

Произошел не просто отрыв от российского рынка: Литва лишилась и сырьевых ресурсов. В результате намеченный в начале века курс на развитие промышленности (для Литвы — ускоренный, с целью догнать более развитые в промышленном отношении будущие Латвию и Эстонию) привел литовскую экономику к односторонней ориентации на сельскохозяйственное производство.

Впрочем, этому способствовали и объективные обстоятельства. Польша, завладев Вильнюсским краем, территориально изолировала Литву от СССР. Развитие каких-либо отношений с Польшей, или через Польшу с СССР, было невозможно. Ориентация же на одностороннее сотрудничество с Западом не давала Литве шансов хотя бы догнать в промышленном развитии Латвию и Эстонию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вакар М. Современный литовско-польский политический конфликт // Исследования Балтийского региона. Вестник Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта. 1011. № 2 (8). Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 95-108.
2. Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. М.: Фонд имени Сытина; Baltus, 2005.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 2: 1 января 1919 — 30 июня 1920. М.: Госполитиздат, 1958. С. 242-245.
4. Жюгджа Р. Ю. Буржуазная Литва в планах империалистических государств (1919-1940). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Вильнюс, 1980.
5. Матулайтис Е. С. Литовцы под гнетом фашистской Польши. Минск, 1936.
6. Навицкас К. Литва и Антанты. (1918-1920). Вильнюс: Минтис, 1970.
7. Показатели состояния отдельных отраслей народного хозяйства и культуры Литвы за 1913, 1939 и 1940 годы (краткая статистическая справка). Вильнюс, 1913.
8. Пуронас В. Первые шаги советской власти в Литве в 1918-1919 гг. / Литва за полвека новой эпохи. Вильнюс: Минтис, 1967. С. 34-48.
9. Рубинштейн К. И. Литва. М.: Госсоецэкономиздат, 1940.
10. Рубцов А. Ф. «Восстание» 1923 года в Клайпедской области Литвы и политика Франции // Вопросы истории международного молодежного движения и всеобщей истории. Вып. 3. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. С. 196-206.

11. *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002.
12. *Урбишене М.* На полях истории Клайпедского края. Каунас, 1934.
13. *Шубин (Самарин) И.* Париж — Варшава — Вильно (Виленщина на перекрестке империалистических путей Франции). М.: Главполитпросвет, 1923.
14. *Варейкис В.* Интервью газете «Respublika». URL: www.knews.ru/allnews/416359/ (дата обращения: 20.04.2018).

Артем Барынкин

«ЛИТОВСКИЙ ФАКТОР» В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1918–1919 ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается роль «литовского фактора» в становлении и развитии советско-польских отношений в 1918–1919 гг. В рассматриваемое время литовские и белорусские земли становились предметом спора двух независимых республик — Советской России и Польши. В геополитических построениях Варшавы и Москвы данные области занимали особое положение. По инициативе российских большевиков была создана Литовско-Белорусская республика, существование которой было тесно связано с необходимостью защиты от военной экспансии с запада. За счет Литбела, в частности, предполагалось осуществить ряд территориальных уступок польской стороне с целью избежать широкомасштабного военного противостояния. Мирные инициативы Москвы, шедшие вразрез с позицией польских коммунистов и руководства Литбела, не получили положительного отклика в Варшаве, осуществившей военный захват Вильно 19 апреля 1919 г.

Ключевые слова: Г. В. Чичерин, польские коммунисты, Вильно, А. Венцковский, Литбел, Белоруссия, Западный фронт.

На протяжении практически всего военно-политического противостояния Советской России и Польши в 1918–1920 гг. литовские земли становились предметом спора, занимая далеко не последнее место в геополитических построениях политического руководства обеих молодых республик. Если мы исходим из того, что под советско-польской войной следует считать борьбу Польши и Советской России за политическую принадлежность обширных западных окраин бывшей царской империи, то начало войны следует датировать 4 января

1919 года, когда произошло первое столкновение регулярных частей Красной армии с отрядами Войска Польского на подступах к Вильно.

Стремительное наступление Красной армии на запад в конце 1918 года, а также перспектива освобождения Вильно немецкими войсками к 31 декабря того же года отчетливо поставили вопрос о принадлежности города. В документах командного состава Западной армии задача занятия города датируется 12 декабря 1918 года^а. Польское военно-политическое руководство внимательно следило за советским продвижением в Белоруссии и Прибалтике и заблаговременно готовилось к его отражению в Вильно. 24 декабря начальник государства Польского Юзеф Пилсудский назначил начальником штаба польских вооруженных сил в Вильно капитана Зигмунта Клингера, действия которого кардинально изменили положение польских воинских соединений. В декабре 1918 года отряды виленской Самообороны были организованы по примеру регулярных формирований Войска Польского [3, с. 30]. 29 декабря 1918 года Самооборона Литвы и Белоруссии была распущена, а все ее члены были полностью включены в ряды Войска Польского. Также было основано Командование Генерального Округа Литвы и Белоруссии [3, с. 31] во главе с генералом Владиславом Вейтко. С этой поры проведение всех военных операций согласовывалось с генеральным штабом Войска Польского в Варшаве [3, с. 32].

Акция сопровождалась дипломатической подготовкой. В сложившейся ситуации Ю. Пилсудский апеллировал к посредничеству стран Антанты. В письме премьер-министру Франции Ж. Клемансо будущий маршал указывал: «...4 января немецкая армия покинет Вильно, вследствие чего город испытает на себе все ужасы советского строя, если польская армия не прибудет туда вовремя... Прошу оказать давление на не-

^а В Приказе войскам Псковской дивизии предписывалось: «занять и оборонять район Вильно — Кошедары — Олита — Ораны, составив Виленский боевой участок». Приказ войскам Западной армии о продолжении наступления в Прибалтике и Белоруссии № 19/0 (от 12 декабря 1918 г.) // Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1920 гг.). Т. I. М., 1971. С. 482.

мецкое правительство в вопросе пропуска в Вильно польской армии...» [5, с. 30]. Боевые действия в городе были развязаны польской стороной 1 января 1919 года. Единственной силой, выступившей против польской экспансии в городе, были большевики (представители местного рабочего совета), сдавшиеся, впрочем, уже 2 января. Их силы не насчитывали даже сотни человек [5, с. 32].

Ситуация изменилась через два дня, когда к городу приблизились регулярные части Красной армии. Утром 4 января к железнодорожной станции Нова Вилейка подошел первый псковский стрелковый полк Красной армии. К 6 января 1919 года город был полностью освобожден от польских войск [5, с. 33].

Занятие Вильно было осознанным шагом в стратегическом и политическом отношении как с польской, так и с советской стороны; столкновение Красной Армии с частями Войска Польского не было неожиданностью. В геополитических построениях обоих противников город занимал исключительное положение. Хорошо известно, что Вильно виделся Пилсудским интегральной частью Польского государства. С самим Виленским краем маршал был глубоко связан эмоционально, будучи «кресовым» человеком, выросшим на стыке двух культур в атмосфере горечи, вызванной поражением в январском восстании 1863 года [2, с. 55]. Более того, маршал не представлял себе возрождения Польского государства без Вильно, апеллируя к традициям польско-литовской унии [2, с. 87].

Что касается советской стороны, Вильно совсем скоро после освобождения от поляков станет столицей Литовской Советской Республики, а позже Литовско-Белорусской Республики. В Восточной Европе появлялась новая геополитическая единица, созданная, по словам высокопоставленного представителя Наркомата иностранных дел Адольфа Иоффе, вследствие потребности «...избежать непосредственного воздействия империализма на Россию, ... создать между ими и нами ряд республик-буферов» [19, с. 152].

Успешное проведение операции по захвату Вильно имело конкретные стратегические выгоды — занятый город становился плацдармом для дальнейшего продвижения в белорус-

ско-литовско-польском пограничье. 6 января 1919 года главком И. И. Вацетис приказывал Западной армии «со стороны Вильно вести усиленную разведку в направлениях Ковно — Олита и Гродно...» [8, с. 186]. А затем и в направлении Сувалки — Белосток — Брест-Литовск^а.

Установление советской власти в Вильно не давало покоя Варшаве. За действиями советской администрации и военных было установлено пристальное наблюдение. Особая обеспокоенность была вызвана отдельными фактами, говорящими об установлении партнерских отношений с отдельными военными чинами германской армии. В копии доклада за 11 апреля 1919 года, направленной в литовско-белорусский департамент польского МИДа, подчеркивалось, что большевики наладили оживленную торговлю с немцами. С немецкой стороны главным посредником выступал некий майор Венк, получавший 10 % от общей стоимости доставленного товара. Показателем уровня торгового оборота мог служить факт того, что Венк получил однократно в конце марта 199 тысяч рублей. Отмечались особо дружественные отношения немецких офицеров (которые в большом количестве встречались на улицах Вильно) с большевиками [1].

Рост напряженности в советско-польских отношениях, который, в частности, был вызван арестом и расстрелом членов советской миссии Красного Креста 30 декабря 1918 года^б, требовал скорейшего урегулирования посредством проведения дипломатических переговоров.

С инициативой отправки чрезвычайного посла Александра Венцковского в Москву выступил польский МИД 7 февраля

^а В развитие этого приказа была издана Директива от 12 января. В ней Главное командование предписывало Западной армии, ввиду достижения ее войсками линии Вильно — Лида — Барановичи, новые задачи, в которые входило закрепление «...на линии Ковно — Олита — Гродно — Мосты — Слоним — Лунинец...», включая все эти пункты. Приказывалось также вести разведку в направлении на Мемель — Тильзит — Вержболово — Сувалки — Белосток — Брест-Литовск. Директива Главного командования командованию Западной армии о дальнейших задачах армии (от 12 января 1919 г.) // ДГККА. М., 1969. С. 189

^б См. подробнее: Барынкин А. В. Судьба советской миссии Красного Креста в Варшаве в контексте советско-польских отношений на рубеже 1918-1920 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2: История. Литературоведение. Право. Языкознание. С. 17-20.

1919 года. Польскому делегату поручалось «...вступить в соглашение с Советским правительством по поводу различных вопросов, возбужденных последним...» [11, с. 97]. Представляется весьма правдоподобным, что к рассматриваемому времени советская дипломатия пыталась всеми доступными средствами избежать крупномасштабного военного столкновения с Польской Республикой, которое с течением первых зимних месяцев становилось все более реальным. 14 февраля 1919 года А. А. Иоффе писал своему коллеге: «...из Польши вести плохие. Сообщают, что они (поляки) заключили в Львове мир (или перемирие) с Галицией и, освободив свои силы там, стягивают их теперь на фронте против нас» [6]. В таком случае принятие польского посланника Александра Венцковского должно было состояться, как говорил наркоминдел РСФСР Георгий Чичерин, «...чтобы не создать себе еще нового фронта» [6].

Большая политика Москвы в деле переговоров с поляками вызывала противодействие ряда польских коммунистов. Трудности вызвал даже пропуск польского делегата через территорию Литовско-Белорусской Республики. 15 февраля в письме Иоффе нарком иностранных дел упрекал первого: «Уже почти неделю не удается добиться ни от Вас ни от Пестковского ответа относительно маршрута Венцковского и гарантии его безопасности, получается международный скандал...» [6]. Г. В. Чичерин опасался, что такой ход событий мог быть следствием интриг польских коммунистов, которые, по слухам, собирались даже арестовать польского делегата [6]. Сложность политического момента потребовала вмешательства Владимира Ленина, который был вынужден пойти на угрозы: «если польские коммунисты не будут пропускать Венцковского, мы пошлем отряд, чтобы открыть ему путь к нам» [6].

Наиболее острым эпизодом, связанным с пребыванием Венцковского в Москве, явилась передача польским посланником письма руководства ППС, в котором резкой критике подверглась польская политика советского правительства. Выступая представителем воли польских рабочих, лидеры социалистической партии отчетливо дали понять, что «...суверенность и независимость Польской Республики (считается. — А. Б.) необходимым условием успеха... классовой

борьбы за социализм...», а «всякие попытки вторжения советских войск на польскую территорию...» будут рассматриваться «...как посягательство на независимость...» [11, с. 162]. Г.В. Чичерин отверг упреки в попытке вторжения советских войск на польскую территорию. Информация о создании в Вильно советского польского правительства объявлялась несоответствующей истине [4]. Больше внимание, однако, привлекло предложение польских социалистов по разрешению вопроса о восточных границах Польской Республики «...на путях самоопределения населения, живущего на спорных территориях и, в первую очередь, в Литве и Белоруссии» при «выводе из этих мест всяких чужих войск и проведении народного голосования в условиях полной политической свободы» [11, с. 162].

По данному пункту В. И. Ленин отдал распоряжение о том, чтобы правительству Польши была отправлена нота «...с уверениями, что мы вполне согласны и именно хотим решения голосованием трудящихся, хотим соглашения — на этой базе, согласны на уступки в частностях и прочее» [12, с. 266]. В таком же духе было выдержано ответное послание Г. В. Чичерина: советская сторона также выступает за проведение «...голосования трудящихся при условии увода чужих войск...» [4]. Характерной деталью явилось то, что советский нарком заверял польских коллег в намерении отстаивать данную позицию перед правительством Литовско-Белорусской Республики, причем утверждалось, что с ее стороны не встретится затруднений [4].

Вполне очевидно, что советская сторона всячески пыталась создать буфер между Польской Республикой и Советской Россией в виде Литовско-Белорусской Республики. А. А. Иоффе 14 февраля 1919 года писал из Вильно в Москву: «Что касается границ с Польшей, ..., то лучше всего указывать, что Россия с нею не граничит и этот вопрос она должна разрешить с Литвой и Белоруссией» [13, с. 54].

Следуя такой логике, большевистское руководство пыталось создать иллюзию отсутствия прямого военно-политического противостояния с Польской Республикой, выступая при этом в роли посредника в разрешении конфликта. Советской стороне также придавался политический вес — на европейской карте появлялась новая геополитическая единица с ярко выраженным социалистическим окрасом. Представители Литбела

заявляли о себе как о субъекте международных отношений посредством целого ряда дипломатических нот. Адресованные, как правило, к великим державам, послания извещали о проявлениях враждебности со стороны Польши к Литовско-Белорусской Республике; последняя, соответственно, должна была изображаться жертвой агрессии [11, с. 197].

Представляется, что подход большевистского руководства по отношению к Польше на момент прибытия А. Венцковского был весьма тесно связан со сложившейся к тому моменту ситуацией на Западном фронте. В связи с этим весьма уместно привести слова главкома Иоакима (Юкумса) Вацетиса, который еще в январе 1919 года, задаваясь вопросом о возможном военном столкновении с Польской Республикой, пришел к выводу о том, что «...с точки зрения стратегии выгоднее, чтобы спорные области перешли в наши руки до разрешения вопроса дипломатическим путем или путем оружия» [8, с. 147].

Располагая солидными территориями со смешанным населением на своих западных границах, Москва могла позволить себе дипломатический торг и могла пойти на целый ряд [18] территориальных уступок польской стороне, уклоняясь от военного решения конфликта. Тактика «уступок» и «торга» во избежание войны надолго закрепилась в польском векторе советской внешней политики. Именно такой подход позволял Москве довольно долгое время балансировать на грани войны и мира с Польской Республикой — вплоть до активизации боевых действий польской стороной на Западном фронте в апреле 1920 года.

Такая политика не оставляла места для самостоятельной роли руководства Литовско-Белорусской Республики. Во время нахождения польского дипломата в Москве к переговорам не был допущен ни один представитель союзной республики. Вместе с тем в советской столице присутствовал представитель Литбела — Якуб Ганецкий. Последний вел активную переписку с ЦИК КРПП, в которой была явственно запечатлена вся сложность политического момента. Немалую ценность для восстановления картины хода переговоров составляют письма представителей руководства ЦИК КРПП в России Константина Бродского и Иосифа Уншлихта, занимавших руководящие должности в правительстве Литбела.

Первое, на чем особо заострял внимание Я. Ганецкий, — полная закрытость процесса переговоров. В письме от 8 апреля 1919 года он писал: «Чичерин ведет большую политику, тайно проводя переговоры с Венцковским... Изначально вообще не намеревался нас информировать о переговорах...» [14]. Я. Ганецкому пришлось обратиться за посредничеством к В. И. Ленину. Однако даже после этого Г. В. Чичерин не пошел на уступки представителю Литбела, объясняя это тем, что «некоторые детали не могут быть сообщены даже ЦК партии...» [14]. Завершая свое послание, Я. Ганецкий выражал уверенность в том, что «...ловкий Венцковский стремился обаять Чичерина, вывести его на чистую воду и получить для заложников разрешение на выезд на наиболее выгодных условиях» [14].

Настойчивость Я. Ганецкого в вопросе допуска к информации о ходе переговоров привела к его отставке 16 апреля 1919 года [17]. ЦИК КРПП, в лице Иосифа Уншлихта и Якова Долецкого, следующим образом прокомментировал этот шаг: «Ваша деятельность нас не удовлетворяет. Довольно этой высокой политики. Ваши информации об отношении к нам Чичерина идут вразрез с его объяснениями, сообщаемыми Иоффе...» [17]. Впрочем, мы можем предположить, что сообщения Ганецкого укрепили ЦИК КРПП в его критическом видении переговоров с Венцковским.

17 апреля 1919 года нарком по военным делам Литовско-Белорусской ССР И. С. Уншлихт доводил до сведения Г. В. Чичерина следующее: «...вы теперь согласитесь с тем, что выиграла от этих переговоров только Польша. Мы выпустили их заложников, готовы выдать имущество, капиталы и кое-что другое, а в ответ на это — наступление легионеров на всех участках фронта, зверства по отношению не только к коммунистам, но и к мирному населению, издевательства над Советским Правительством в официальной польской прессе и в выступлениях министров в сейме...» [15].

Не менее критично по отношению к переговорам был настроен член ЦИК КРПП в России — Константин Бродский, заменивший Якуба Ганецкого. В своем письме от 7 апреля 1919 года он представил своим коллегам более подробную информацию о ходе переговоров с польским чрезвычайным делегатом. Бродский особо подчеркивал, что задачей Чичери-

на было принудить поляков «...пойти по пути к заключению реального соглашения» [4]. Из содержания письма следует, что в ходе переговоров был оговорен весьма широкий спектр вопросов, касающихся положения членов бывшего Регентского совета: советское правительство безоговорочно соглашалось на возвращение всех его членов; отдельно и весьма детально обсуждался вопрос возвращения финансовых средств и имущества вышеуказанной структуры [4].

Представляется, что, находясь в непосредственной территориальной близости с Польской Республикой, руководство Литбела, в состав которого, в частности, входили ярчайшие представители польского рабочего движения, было намного шире осведомлено о настроениях польской политической элиты по отношению к советским республикам в указанный период. Иосиф Уншлихт в письме Г. В. Чичерину весьма убедительно подчеркивал, что «...польское правительство на минуту^а не думает о переговорах с Советской Россией, а Венцковского послало, чтобы хорошо разнюхать, что у нас творится и раздобыть от нас, что только удастся — а в первую очередь заложников...» [15]. Показательно, что данное послание датируется 17 апреля 1919 года, а 19-го апреля того же года польские солдаты, одетые в советскую военную форму, захватили столицу Литовско-Белорусской ССР — Вильно. Именно это событие послужило причиной срыва переговоров с чрезвычайным представителем Польской Республики.

Из документов следует, что нападение польских войск на Вильно последовало в то время, когда переговоры приближались к заключению возможного соглашения по урегулированию территориального спора между республиками, а в Варшаву был отправлен курьер с соответствующими запросами [4]. В такой ситуации на руководство Польской Республики была целиком возложена ответственность за невозможность достижения соглашения. Несмотря на это, в сообщении для Венцковского указывалось, что российское советское правительство «...готово в любой момент снова вести с польским правительством переговоры о соглашении, как только военные действия против советских республик будут приостановлены» [4].

^а При цитировании сохранена авторская стилистика (*прим. авт.*).

Подводя итог вышесказанному, мы в праве заключить, что по мере достижения первоочередных целей миссии А. Венцковского (получение соглашения на выезд из Советской России высокопоставленных польских чиновников, бывших членов Регентского совета) фактическое урегулирование территориального спора между двумя республиками откладывалось, в частности, потому, что решение этого вопроса на тот момент виделось польской политической элитой исключительно в плоскости военного противоборства с советскими республиками.

В ходе февральских переговоров 1919 года польского и советского внешнеполитических ведомств, а также в связи с визитом А. Венцковского руководство РКП(б) отчетливо обнаружило готовность к заключению мирного соглашения с Польской Республикой, которое могло бы непосредственно служить гарантом устранения угрозы военного конфликта. В рассматриваемый период именно советская сторона стояла на позиции мирного урегулирования территориального спора. Такой подход не устраивал ни членов ЦИК КРПП в России, представлявших одновременно и руководство Литовско-Белорусской Республики, ни враждебную польскую сторону, которая вслед за расстрелом гуманитарной миссии Красного Креста совершила военный захват города Вильно, за чем последовало широкое весенне-летнее наступление польских вооруженных сил в Белоруссии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. AAN (Archiwum Akt Nowych, Warszawa), MSZ (Ministerstwo Spraw Zagranicznych), sygn. 4475. К. 77. Информационное письмо Комиссара Гродненского повята в Литовско-Белорусский департамент от 11.04.1919 г.

2. *Czubiński A.* Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń, 2002.

3. *Łukomski G., Polak B.* W obronie Wilna, Grodna i Mińska. Front Litewsko-Białoruski wojny polsko-bolszewickiej 1918–1920. Koszalin-Warszawa, 1994.

4. *Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r.* Materiały archiwalne i dokumenty. Warszawa, 1986.

5. *Wyszczelski L.* Niewypowiedzialna wojna. Polsko-rosyjskie działania militarne w 1919 roku. Toruń, 2005.

6. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 3. Письмо А. А. Иоффе Г. В. Чичерину от 14.02.1919 г. (г. Вильно).
7. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 6. Письмо Г. В. Чичерина А. А. Иоффе от 15.02.1919 г.
8. Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920 гг.). М., 1969.
9. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1920 гг.). Т. I. М., 1971.
10. Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958.
11. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. II. С. 97.
12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 50. М., 1970. С. 266.
13. Михутина И. В. Польско-советская война 1919-1920 гг. М., 1994. С. 54.
14. РГАСПИ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 10. Л. 10. Телеграмма Я. Ганецкому от ЦИК КРПП (середина апреля 1919 г.).
15. РГАСПИ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 10. Л. 11. Письмо Наркома по военным делам Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики И. Уншлихта Наркому иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину от 17.4.1919 г.
16. РГАСПИ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 10. Л. 7а. Письмо Я. Ганецкого в ЦИК КРПП от 8.4.1919 г.
17. РГАСПИ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 10. Л. 9. Письмо ЦИК КРПП наркому иностранных дел Г. В. Чичерину от 16.04.1919 г.
18. Снапковский В. Беларусь, советско-польская война и Рижский мирный договор // Восточная Европа. Перспективы. № 2 (апрель — июнь). М., 2011.
19. Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.

Алексей Комаров, Евгения Токарева

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ПРИБАЛТИКИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

***Аннотация.** В статье рассматривается роль религиозного фактора в становлении новых государств, возникших в Прибалтике в результате распада Российской империи. Эти новые пограничные государства ставили перед собой задачу формирования и укрепления национальной идентичности. В ее решении важную роль играл религиозный фактор. Большое внимание уделялось разрыву православных церквей государств-лимитрофов с Российской православной церковью и получения ими статуса автокефалии или, по крайней мере, полной автономии. В то же время новые прибалтийские государства в укреплении своей независимости опирались на поддержку западных держав и в числе прочих в качестве своего авторитетного защитника рассматривали Святой Престол. Особенно это относилось к Латвии и Эстонии, в то время как отношения Ватикана и Литвы были осложнены польским вопросом. Посланцев Ватикана в Литве (а частично и в Латвии) нередко подозревали в пропольской позиции и, соответственно, во враждебной позиции по отношению к интересам этих государств. Однако во всех государствах Прибалтики католическая церковь рассматривалась в качестве силы, способной сплотить и укрепить национальную идентичность.*

***Ключевые слова:** Эстония, Латвия, Литва, Святой Престол, национальная идентичность, православие, католичество.*

Для новых государств, возникших в результате распада Российской империи, было характерно стремление всячески защищать и подчеркивать свою независимость. Насущной

задачей для правящих элит стала задача укрепления национальной идентичности. В решении этой задачи важную роль играл религиозный фактор.

При оценке конфессиональной ситуации в этих государствах обычно подчеркивалось, что лютеранство было ориентировано на Германию, католицизм — на Польшу, а православие на реставрацию царской монархии в России. Считалось, что существовавшие сектанты (адвентисты, баптисты, методисты и т. д.) были ориентированы на США и Великобританию. При этом также часто можно было услышать заявления о том, что территории этих государств (особенно Латвии, Эстонии и Финляндии) были во времена Российской империи насильственно обращены в православие. Как говорил министр-президент Латвии Зигфрид Мейеровиц, «русская культура, религия и политика всегда нам будут чужды» [1].

Таким образом, в первую очередь речь шла о стремлении полностью разорвать связи с Россией, при этом большое внимание уделялось разрыву православных церквей государства-лимитрофов с Российской православной церковью (РПЦ) и получения ими статуса автокефалии или, по крайней мере, полной автономии.

Задача разрыва национальных православных церквей с РПЦ во всех балтийских государствах решалась по-разному, в зависимости от общей религиозной политики государства, численного и национального состава местных церквей (особенно в процентном соотношении с другими конфессиями) и их активности.

Схожая ситуация православной церкви наблюдалась в католических Польше и Литве. В Польше политика государства, получившая название «ревиндикации» церквей и церковного имущества, была направлена на возвращение католической церкви в первую очередь тех храмов, которые в прошлом принадлежали униатам. Уже в 1918–1922 гг. православная церковь лишилась свыше 400 храмов, более 30 были разрушены, в 1929 году возник вопрос о передаче католической церкви еще 724 храмов, хотя это требование и было отклонено польским судом [10, с. 328]. Началась масштабная ликвидация церковно-

го имущества православной церкви и переход православных верующих в католичество.

Другой целью польского правительства было получение независимости и автокефалии Польской православной церковью. В 1921 году Польская православная церковь добилась получения автономии, а в конце 1924 г. константинопольский патриарх подписал томос о даровании ей автокефалии. Официальное вручение томоса и провозглашение автокефалии состоялось 17 сентября 1925 года, однако эта автокефалия не была признана Московским патриархатом.

На положении православной церкви отразился в полной мере процесс полонизации славянских национальных меньшинств. Была проведена реорганизация богословского образования, в семинариях и на православном богословском факультете Варшавского университета вводилось преподавание на польском языке, русские профессора заменялись греками и румынами. Начался постепенный переход на польский язык и в богослужениях.

«С 1935 г. началась официальная правительственная кампания по созданию движения “Поляков православных”. Создавались специальные организационные центры “православных поляков” — в Белостоке, в Гродно, в Новогрудке, в Слониме, в Волковыске и другие» [10, с. 332].

Последний удар по православной церкви в Польше был нанесен в 1938 году, когда состоялось массовое разрушение православных церквей на Холмщине и Подляшье.

Территория православной Виленской епархии оказалась разделенной между Польшей и Литвой. В управлении архиепископа Виленской епархии Елевферия (Богоявленского) остались лишь приходы, находящиеся на территории Литвы. Из 58 церквей православная церковь Литвы лишилась 27 [12]. Однако Литовская православная церковь оказалась единственной среди балтийских православных церквей, оставшейся в юрисдикции Московского патриархата и существовавшей в качестве его Литовской епархии.

В Латвии вмешательство государства, имевшее целью отделение Латвийской православной церкви от Московской митрополии, также было сильно выраженным. Власти пыта-

лись действовать по отношению к ЛПЦ аналогично политике Польши и Литвы: с 1918 года до 1926 года у ЛПЦ было отнято 28 храмов, восемь из которых передали другим религиозным конфессиям. В 1923 году правительство Латвии официально передало резиденцию православного архиерея — Рижский Свято-Алексеевский монастырь — римско-католической церкви. Кроме того, здание Рижской Духовной семинарии было передано Латвийскому Университету, здание Духовного училища — Военному училищу [11, с. 298-303]. В 1921 году православная церковь Латвии получила автономию от Московского патриарха Тихона, но латвийское правительство сочло это недостаточным, полагая, что «сохранение канонической связи ЛПЦ с Московским Патриархатом означает подчиненность ЛПЦ “Москве”» [там же]. Однако в течение 1920-х — первой половины 1930-х годов ЛПЦ (во главе с архиепископом Иоанном (Поммером)) успешно сопротивлялась давлению государства^а, что, по-видимому, можно объяснить в числе прочего и национальным составом ЛПЦ: почти половину верующих составляли русские по национальности и в течение указанного периода их число даже росло. Лишь государственный переворот 1934 года, установление авторитарного режима Карлиса Улманиса и убийство в том же году архиепископа Иоанна (Поммера) переломили ситуацию. Усиление нажима государства на Синод ЛПЦ, который под этим нажимом был в существенной мере обновлен, привело к тому, что Синод в новом составе обратился к Константинопольскому патриарху о даровании ЛПЦ автономии. А в 1936 году ЛПЦ была дарована автокефалия в юрисдикции Константинопольского патриархата. Латвийский православный епископ стал митрополитом.

В Финляндии после провозглашения независимости также началось движение за отторжение православной Финляндско-Выборгской епархии от юрисдикции Московского патриархата. Активное давление государства и деятельность националистически настроенной части православной иерар-

^а Несмотря на то, что по численности православные в Латвии составляли менее 10 % населения.

хии повлекли за собой в 1922 году обращение к Константинопольскому патриарху, и 6 июня 1923 года Финляндской церкви была предоставлена автономия, что явилось предметом некоторого разочарования финской делегации, рассчитывавшей на получение автокефалии. Пожелания Священного Синода РПЦ о возвращении Финляндской церкви в юрисдикцию Московского патриархата были ею отклонены. В начале 1924 года архиепископ Серафим (Лукьянов), первый предстоятель Автономной Финляндской православной церкви, был отстранен от управления церковью за несоответствие требованиям государственного закона об официальном языке, а на его место в 1925 году был поставлен викарный епископ Карельский Герман (Аав) с новым титулом «Архиепископ Карельский и всей Финляндии» [13].

Православные верующие Эстонии составляли около $\frac{1}{5}$ населения страны, что обеспечивало достаточно сильные позиции православной церкви. Однако в стране имело место разделение православных по национальному признаку на православных русских и православных эстонцев. Церковь в Эстонии была отделена от государства согласно конституции 1920 года. Государство заявляло о своем полном невмешательстве в дела церкви, однако среди православных эстонцев были весьма сильны националистические настроения. Национальное крыло эстонского православного духовенства решило само активно организовывать церковную жизнь. Это направление «в значительной степени скрывало под собой стремление преодолеть негативную репутацию православия в среде эстонцев» [20, с. 549]. Его вождями стали протоиерей Антон Лаар и диакон Йохан Юхтунд. Они настаивали на том, что, «если Эстонская церковь сохранит единство с Россией и тамошней церковью и не проведет коренные реформы, она не станет для эстонцев своей» [там же]. Сразу же было взято четкое направление на независимость Эстонской церкви. Это решение было принято на Соборе ЭПЦ 21 марта 1919 года. Однако Московская патриархия предложила Эстонской церкви только автономию. Недовольный этим решением Собор ЭПЦ принял 23 сентября 1922 года решение обратиться на этот раз к Константинопольскому патриарху Мелетию, который, тем не менее, только подтвердил

автономию православной церкви в Эстонии 7 июля 1923 года, но уже в юрисдикции Константинопольского патриархата. На протяжении последующих лет в ЭАПЦ сохранялось ярко выраженное стремление рассматривать церковь как автокефальную [18, с. 14–31]. Сохранялась также и напряженность между националистически настроенными эстонскими православными, лидером которых был митрополит Александр (Паулус), и приходами, состоявшими главным образом из этнических русских, негласным лидером которых был епископ Печерский Иоанн (Булин). Деятельность последнего находила широкую поддержку у местного русского населения и представителей народности сету, ярким выражением чего было избрание Иоанна (Булина) депутатом парламента Эстонии 4-го и 5-го созывов (1929–1934 гг.) [15, с. 266–275]. Конфликт особо остро разгорелся в 1932 году и завершился смещением епископа Иоанна с Печерской кафедры [19, с. 50].

Таким образом, в четырех из пяти балтийских государств, объявивших о своей независимости после распада Российской империи, местная православная церковь перешла в юрисдикцию Константинопольского патриархата, получив от него статус автономии, а Польская и Латвийская церкви впоследствии и статус автокефалии.

Одним из важных факторов ослабления православия в прибалтийских государствах стало бедственное экономическое положение православных церквей. Например, в новых независимых государствах были проведены радикальные аграрные реформы, в результате которых принудительно отчуждались земли, принадлежавшие в том числе и православным церквям [17, с. 324–326].

* * *

Новые государства, опасаясь реставрации Российской империи и желая защитить себя от опасного, как они полагали, восточного соседа, находились с первых дней независимости в поисках авторитетных защитников на Западе и видели такого защитника в том числе и в католической церкви.

Ватикан всячески приветствовал возникновение независимых государств и распад Российской (как, впрочем, и Австро-Венгерской) империи. Уже в конце 1918 года папа Бенедикт XV

положительно отозвался о независимости Польши, однако не спешил с юридическим признанием новых государств. Будучи связанным с западными странами, Святой Престол не хотел опередить последних в принятии такого решения. Лишь с Польшей Ватикан постарался немедленно установить особые отношения. 25 апреля 1918 года Бенедикт XV назначил префекта Ватиканской апостольской библиотеки Акилле Ратти^а апостольским визитатором Польши и Литвы, а месяцем позже — всех территорий, входивших прежде в состав Российской империи. В 1919 году, после того как было восстановлено польское государство, Ватикан немедленно установил с ним дипломатические отношения, а Акилле Ратти получил новый статус — апостольского нунция в Польше (оставаясь в то же время апостольским визитатором Литвы) [4].

В 1920 году Советская Россия подписала мирные договоры с Эстонией, Литвой и Латвией, что открывало дорогу для их международно-правового признания^б. В итоге Верховный Совет Антанты 26 января 1921 года принял решение признать Латвию и Эстонию. Признание Литвы со стороны держав Антанты затянулось из-за польско-литовского конфликта по вильнюсскому вопросу [15, с. 19-31] и произошло только 20 декабря 1922 года. В Лигу Наций, однако, все три страны были приняты в один день, а именно 22 сентября 1921 года. Таким образом Литва стала членом Лиги Наций еще до того, как ее признали основные западные державы. Признание государств Прибалтики де-юре со стороны Ватикана произошло в следующем порядке: Латвия — 10 июня 1921 года, Эстония — 10 октября 1921 года и, наконец, Литва — 10 ноября 1922 года.

Отношения с некаатолическими странами — Латвией и Эстонией — не казались столь очевидными, как с католическими Польшей и Литвой. Однако и Латвия, и Эстония с первых же дней направили своих представителей в Ватикан для переговоров о признании и установлении дипломатиче-

^а Акилле Ратти (1857-1939) был избран папой римским 6 февраля 1922 г. и принял имя Пий XI.

^б Тартуский (Юрьевский) мирный договор между РСФСР и Эстонией — заключен 2 февраля 1920 г.; Московский мирный договор между РСФСР и Литвой — заключен 12 июля 1920 г.; Рижский мирный договор между РСФСР и Латвией — заключен 11 августа 1920 г.

ских отношений. Для связей конкретно с прибалтийскими государствами в 1921 году апостольским визитатором Латвии, Литвы и Эстонии был назначен иезуит Антонино Дзеккини, в 1922 году повышенный в ранге и ставший апостольским делегатом в этих же странах. Основным местом своего пребывания он выбрал столицу Латвии Ригу, которая была удобна в первую очередь с точки зрения ее географического положения, но, возможно, также и для того, чтобы быть менее погруженным в польско-литовские противоречия.

Святой Престол без особых трудностей установил «сердечные отношения» с правительством Латвийской Республики, которое, со своей стороны, внимательно относилось к нуждам католического населения страны. Латвия привлекала внимание Ватикана в связи с тем, что существенная часть населения страны исповедовала католицизм, а одна из латвийских исторических провинций, Латгалия, где проживало значительное польское население, считалась католической. Помимо дипломатического признания Святой Престол удовлетворил и другие пожелания латвийской стороны (возможно, с учетом мнения, высказанного епископом Риги в 1919-1920 гг. Эдуардом О'Рурком): 14 апреля 1920 года назначил епископом Риги прелата латвийского подданства (им стал латыш Антоний Спрингович), выровнял границы между диоцезами Ковно и Риги по линии, разделяющей Латвию и Литву (в частности, в состав рижского диоцеза была включена Курляндия), возвел диоцез Риги на уровень архиепископства. Была также проведена подготовка к заключению конкордата с Латвией, подписание которого состоялось в Риме 30 мая 1922 года в ходе посещения Ватикана президентом министров (главой правительства) Латвийской Республики Зигфридом Мейеровицем. Исследователи истории Ватикана отмечают, что это был первый конкордат Пия XI, который следил за переговорами по поводу его заключения с самых первых шагов, еще будучи нунцием в Польше и Литве.

Конкордат с Латвией признавал за католической церковью права юридического лица. Архиепископ назначался Святым Престолом из числа латвийских граждан после предварительного извещения правительства Латвии о намеченной кандидатуре. Латвийское правительство брало на себя обязательство

предоставить для нужд римско-католической церкви в Риге кафедральный собор и подходящие помещения для резиденции архиепископа и капитула. Католическое духовенство освобождалось от воинской повинности. Католическая церковь получила право иметь свои конфессиональные учебные заведения. Учитывая недостаточное число духовных лиц в стране, архиепископ получил право по мере надобности приглашать духовных лиц из-за границы для исполнения возложенных на них епископом обязанностей. Правительство взяло на себя обязательство не препятствовать деятельности католических организаций в Латвии. Имущество католической церкви признавалось не подлежащим отчуждению и конфискации.

Вернувшись из заграничной поездки, З. Мейеровиц сообщил в интервью сотруднику широко известной в те годы газеты «Сегодня», издававшейся на русском языке в Риге и позиционировавшей себя в качестве «независимой и демократической», что «представители Латвии подписали договор с Ватиканом, который в политическом отношении имеет общегосударственное значение»^а.

Одной из первых задач, стоящих перед Ватиканом на этом первом этапе, было восстановление в Латгалии католических орденов, которые должны были позаботиться о катехизации населения (задача, с которой, как полагали в Ватикане, не могло справиться местное духовенство), но также должны были претендовать на имущество (церкви и монастыри), которого были лишены в период господства на этих территориях Российской империи. Эта задача оказалась не столь проста, поскольку новый рижский епископ выразил свое отрицательное отношение к водворению в Латвии католических монашеских орденов, объясняя это тем, что заботиться о своем народе должны лишь этнические латыши. С этой целью Спрингович учредил в Аглоне семинарию, однако в Ватикане полагали, что 15 учеников, принятых туда, не имеют необходимой теологической подготовки, и опасались, что их рвение будет носить скорее националистический, чем католический характер [8, с. 52–55]. О’Рурк также высказывал опасения, что латышский клир впадает в шовинистические настроения, что может на-

^а Сегодня. 1922. 20 июля.

нести ущерб интересам католичества, поскольку разрушит престиж католической церкви в этой стране [8, с. 56].

После заключения Конкордата и установления добрых отношений между латвийским правительством и Ватиканом протестанты и православные в Латвии развернули широкую антииезуитскую кампанию, чему способствовало назначение дипломатическим представителем Ватикана иезуита Антонино Дзеккини, а также передача католической церкви не только собора св. Якова, с 1621 года принадлежавшего лютеранам^а, но и архиепископии, находившейся поблизости и бывшей до этого во владении православного епископа. Напротив, латвийское правительство продолжало высказывать свое расположение к католической церкви и завело речь об установлении дипломатических отношений и учреждении в Латвии нунциатуры или хотя бы интернунциатуры. Помимо прочего Мейеровиц рассчитывал на поддержку со стороны Ватикана его широких планов по созданию альянса балтийских государств от Польши до Финляндии. Польско-литовские противоречия были одним из важнейших препятствий этим планам^б. После гибели Мейеровица в автокатастрофе (22 августа 1925 г.) новое латвийское правительство подтвердило желание установления дипломатических отношений с Ватиканом, и 31 октября 1925 года это желание было удовлетворено Ватиканом и для Риги была учреждена интернунциатура. 14 апреля следующего 1926 года А. Дзеккини был возведен в ранг интернунция для Латвии. Это процесс получил дальнейшее развитие в 1928 году, когда интернунциатура была возвышена до ранга нунциатуры и 9 ноября 1928 года Дзеккини стал апостольским нунцием в Латвии.

Несмотря на доброе отношение латвийского правительства, в Латвии продолжали разворачиваться антикатолические настроения. Во время визита Дзеккини в Латгалию в июне 1930 года как в парламенте, так и прессе прозвучали обвинения нунция в пропольской ориентации, противоречащей интере-

^а С 1582 по 1621 г. собор св. Якова принадлежал иезуитам.

^б Заключение советско-литовского пакта от 28 сентября 1926 г. еще более усилило напряженность во взаимоотношениях Литвы с другими балтийскими государствами.

сам латвийского государства. Более того, многие политические деятели Латвии стали активно муссировать вопрос об отделении в Латвии церкви от государства, что защитило бы его «от католического клерикализма Латгалии» [8, с. 182]. Обвинения в адрес нунция (а также архиепископа и всего духовенства Латгалии) дополнялись распространенными в стране убеждениями, что две церкви страны — православная и католическая — возглавляются центрами, находящимися за пределами Латвии. Эти националистические настроения были свойственны почти всем политическим силам страны и вылились в парламенте даже в требование создания специальной комиссии для расследования настроений католического духовенства (хотя это требование и не нашло поддержки у парламентского большинства) [там же, с. 185]. Начиная с 1932 года различные правительственные меры, направленные на ограничение прав национальных меньшинств, затронули и церковные структуры разных конфессий: немецкие протестанты были лишены одной из своих церквей, польские молодежные католические кружки были распущены, запрещено преподавание на польском языке в школах, приехавшие в Латвию из Баварии монахи ордена Креста обвинялись в симпатии к гитлеризму и т. д. После правительственного кризиса 1933 года новое правительство во главе с Адольфом Блэдниеком предполагало запретить использование привычного для латгальских католиков языка и заменить его «балтийским латвийским», используемым главным образом протестантами. Националистические разногласия затронули и католиков: польские и латышские католики начали кампанию по взаимным обвинениям. Дзеккини, весьма обеспокоенный таким оборотом дела, обсуждал неоднократно эти вопросы в государственных структурах Латвии. Во время этих разговоров он также прощупывал почву относительно возможности унии Латвийской православной и католической церквей, на что получил заверения, что правительство будет смотреть на этот вопрос безразлично [там же, с. 198].

Весной 1935 года умер Антонино Дзеккини. С приездом в Ригу нового нунция Антонино Арата^a во второй половине

^a Папа Пий XI назначил Антонино Арата апостольским нунцием в Латвии 11 июля 1935 года. На следующий день он был также назначен нунцием в Эстонии.

1930-х гг. латвийско-ватиканские отношения еще более укрепились. Этому способствовало как установление в Латвии авторитарного режима Улманиса, так и создание латвийской церковной провинции и возведение в сан митрополита рижского архиепископа Спринговича (с тем, чтобы он оказался не ниже рангом, чем возведенный в то же время в сан митрополита глава Латвийской православной церкви); одновременно в Курляндии был создан новый диоцез с центром в Лиепае. В январе 1938 года министр иностранных дел Латвии Вильгельм Мунтерс посетил Рим. Во время своего визита он встретился с папой Пием XI и подписал дополнение к Конкордату, заключенному в 1922 году. Дополнение предусматривало создание в Латвии в рамках Рижского университета (но при этом автономно) теологического факультета. Таким образом, к 1940 году отношения между Ватиканом и Латвией достигли своего апогея.

* * *

В Эстонии, в отличие от Латвии, католики составляли лишь 0,2 % населения страны, то есть около 2500 человек. Католическая церковь в Эстонии была церковью национальных меньшинств [9]^a. Подавляющее большинство паствы составляли поляки, но также были литовцы и в небольшой степени представители других национальностей, проживающих в Эстонии (латыши, немцы, французы и др.). В административном плане эстонские католики подчинялись рижскому епископу.

В соответствии с конституцией Эстонской Республики, принятой в 1920 году, церковь была отделена от государства. Данный принцип взаимоотношений между государственной властью и церковью лег в основу принятого 12 ноября 1925 года закона о религиозных организациях и их союзах [6]. Законом была признана свобода отправления религиозных культов, религиозные объединения сами должны были заботиться

^a Эстонский религиовед Ринго Рингвез, рассматривая историю католицизма в Эстонии в межвоенный период, пишет: «Католическая церковь, оставаясь церковью этнических меньшинств, в существенной степени была представлена поляками. Подобно тому, как православную церковь всегда называли “русской церковью”, а лютеранскую — “немецкой церковью”, католическую церковь именovali “польской церковью”».

о своем экономическом положении, но могли сохранять свою собственность.

Однако, несмотря на ничтожно малую численность католического населения, государственные деятели Эстонии с воодушевлением отнеслись к направлению в их страну дипломатического представителя Ватикана. Одним из первых пожеланий независимого Эстонского государства, соответствовавшего ее национальным интересам, стало отделение эстонской епархии от Риги^а. Таким образом, 1 ноября 1924 года была учреждена католическая административно-церковная структура для Эстонии — Апостольская администрация, которую возглавил сам Антонино Дзеккини.

Эстония выразила и свою заинтересованность в установлении дипломатических отношений с Ватиканом. Однако переговоры об установлении ватикано-эстонских дипломатических отношений затянулись на несколько лет. Следует отметить, что назначение отдельного дипломата специально для Эстонии вызывало некоторые сомнения в Ватикане. Вот что писал по этому поводу президент папской комиссии «Про Руссия» французский иезуит Мишель Д'Эрбиньи: «Назначать апостольского делегата только для одной Эстонии, очень маленькой по территории, — значит требовать большую жертву в смысле предоставления персонала и на этого человека тратить непропорциональные расходы. Но поскольку весь приграничный регион — Финляндия, Швеция, Норвегия — не имеют представителя Святого Престола, в то время как все регионы в мире его имеют и, учитывая, что в этих регионах нужно организовывать помощь католикам и стремиться завоевать большое количество не католиков, а также учитывая что в среде не католиков большое число православных, которые испытывают нужду, чтобы о них заботились, и которые, если они вернутся в Католическую церковь, могут стать инструментом проникновения католического апостолата на север соседней России, учитывая все это, представляется необходимым назначить апостольского делегата для Эстонии, расширив его юрисдикцию на Финляндию, Швецию и Норвегию. (Он

^а Интересно, что О'Рурк предлагал рассмотреть две возможности: создание эстонского викариата либо включение Эстонии в финский викариат.

мог бы оказывать помощь католикам, обращать не католиков, а, учитывая большое число православных, Эстония могла бы стать базой для проникновения католического апостолата в соседнюю Россию.» [3]

В ходе двух аудиенций (27 ноября 1932 г. и 25 янв. 1933 г.), во время которых Д'Эрбиньи изложил свои мысли Пию XI, папа в целом одобрил их [3], считаясь также и со сведениями, переданными в Ватикан сменившим в 1931 году Дзеккини на посту апостольского администратора Э. Профитглихом^а, о том, что «в северных странах в последние годы интерес в Католической церкви постоянно повышается... Имеются обоснованные причины верить, что Швеция, Норвегия и Финляндия могут быть подчинены единой юрисдикции апостольского делегата... Основная причина состоит в том, что положение католиков в этих странах схожее. Если в Литве католическое население составляет 80 %, а в Латвии 25 %, то процент католиков в Швеции достигает лишь 0,07 %, в Норвегии 0,09 %, в Финляндии 0,04 % и в Эстонии 0,2 %. Эта общая для католиков ситуация обуславливает их подчинение одному и тому же апостольскому делегату» [11, Pos. Sc. 7. Fasc. 50. F. 12tv.].

25 августа 1933 г. поверенным в делах Святого Престола в Эстонии был назначен ватиканский дипломат Антонино Арата, а летом 1935 года в соответствии с пожеланиями эстонской стороны, весьма чувствительной к вопросам равноправия с другими прибалтийскими республиками, в Эстонии была учреждена нунциатура. Ее возглавил А. Арата^б, возведенный 12 июля 1935 года папой Пием XI в ранг апостольского нунция.

Задача освобождения Эстонии от иностранного влияния виделась эстонским государственным деятелям, и в том числе наиболее влиятельному из них — Константину Пятсу, весьма своеобразным образом. К. Пятс, а вместе с ним и ряд других членов эстонского правительства, неоднократно сообщали представителям Ватикана о том, что желали бы более широкого

^а Эта смена во многом также объяснялась националистическими тенденциями в Эстонии, желавшей иметь во главе Эстонской католической церкви лицо, которое выполняло бы только эти функции и никакие другие.

^б Таким образом, в рассматриваемое время Антонино Арата одновременно являлся апостольским нунцием в Латвии и Эстонии, а также поверенным в делах (Chargé d'affaires) Ватикана в Литве.

распространения в стране католичества. Как сообщал в своем письме в Рим А. Арата, власти Эстонии «имеют двойной и спешный интерес видеть утвердившимся здесь влияние Рима и католичества обоих обрядов: во-первых, чтобы освободить Эстонию от влияния Германии, которое осуществляется через лютеранство, во-вторых, чтобы освободить ее от влияния России, которое утверждается через православие» [14].

Один из путей распространения католичества эстонские лидеры видели в унии Эстонской православной и католической церквей. Сам К. Пятс заявлял, что «имеет намерение привести православную церковь в Эстонии к подчинению католической церкви», избавив ее тем самым от русского влияния, «в том числе на случай возможности восстановления русской империи» [14]. Антонино Дзеккини, первым услышавший от Пятса об этих планах, писал: «Нынешний президент одержим этим союзом, и, пока президентом остается он, нет сомнения, что в этом направлении все будет идти хорошо» [3, Paesi Baltici. 10P. O. Fasc. 15. F. 31-35rv]. Другим известным политиком и дипломатом, высказывавшим подобные же планы, был Отто Страндман, избранный государственным старейшиной в 1929 году. Он хотел отдалить эстонцев от русских, которые, по его словам, «все еще слишком привязаны к России и, как русские говорят, “к своему доброму батюшке”, т. е. к царю, которого продолжают ждать, а потому менее расположены к нынешнему [эстонскому. — *Авт.*] правительству» [3, Paesi Baltici. 14P. O. Fasc. 19. F. 55]. Спикер парламента (позднее министр внутренних дел) Карл Эйнбунд (Ээнпалу) также полностью поддерживал идеи унии, подчеркивая, что эстонское правительство будет смотреть с «удовольствием» на распространение католичества, потому что «католицизм — религия, направленная на поддержку государства». «Мы с одобрением отнесемся к тому, что православные соединятся с Римом, — говорил он, — чтобы таким образом вырвать их из-под влияния России». Он также говорил о том, что распространение католичества в Эстонии должно произойти не только среди православных, но и среди лютеран [3, Paesi Baltici. 83P. O. Fasc. 90. F. 28-32.].

Отношение к лютеранской и православной церквям имело в значительной степени политическую подоплеку. Так, правительство было озабочено недостаточной лояльностью право-

славного населения, особенно в районе Печор. О враждебности эстонцев, в том числе эстонской власти, к двум крупнейшим конфессиям, не раз упоминалось и государственными деятелями Эстонии в беседах с представителями Ватикана. Например, согласно мнению К. Пятса, «лютеранство не является исконной эстонской религией» [3, Paesi Baltici. 87-89P. O. Fasc. 98. F. 20.]. Представители Ватикана отмечали в своих отчетах, что и та и другая религии не вызывают у эстонцев чувства большой привязанности и желания идентифицировать себя с ними.

«Эстонская лютеранская церковь, — писал в Рим А. Арата, — которая до войны была немецкой церковью господ (Deutsche Heiligen-Kirche), с тех пор как Эстония стала независимой, все более теряет свое значение^а. Даже тот факт, что часть протестантских пасторов приняла активное участие в политическом движении так называемых борцов за свободу^б, движении, ликвидированном силой настоящим правительством 12 марта сего года (1933 г. — *Авт.*), в глазах народа лишило авторитета фигуру протестантского пастора. Таким образом, те эстонцы, которые по своей натуре проникнуты религиозным чувством, могут быть легко завоеваны пропагандой многочисленных протестантских сект (баптисты, методисты, Армия спасения, толкователи библии), которые как саранча заполонили бедную Эстонию после завоевания Эстонией независимости и отделения Церкви от государства... Нередки случаи, когда они (эстонские лютеране. — *Авт.*) даже воздерживаются крестить своих детей» [3, Paesi Baltici. 1933-1938. 79P. O. Fasc. 88. F. 25-26rv.].

Как сообщалось выше, в середине 1931 года апостольским администратором был назначен немецкий иезуит Эдуард Профиттлих. Он был возведен в сан архиепископа в декабре 1936 г. Однако Эстония не стала епархией, а продолжала оставаться только Апостольской администратурой. Эстонские власти не сразу поняли значение возведения Профиттлиха в столь высокий сан, но торжественность посвящения и разъяснения

^а Следует отметить, что Эстонская евангелическая лютеранская церковь (ЭЕЛЦ) была образована в 1919 г., но, хотя она и определяла себя как «свободная народная церковь», большинство пасторов были немецкоязычными (см.: Эстония: энциклопедический справочник. Таллин, 2008. С. 79-80).

^б Речь идет о праворадикальной эстонской организации «Лига ветеранов Освободительной войны».

нунция дали им понять, что этот факт также служит повышению их национального престижа, поскольку глава церкви в Эстонии был приравнен в сане к главам церквей других балтийских государств.

Национальный состав католического духовенства имел для эстонцев также немалое значение. Однако, учитывая тот факт, что среди эстонских католических священников не было ни одного эстонца по национальности, вопрос пока стоял лишь о гражданстве. Э. Профиттлих специально запросил и получил эстонское гражданство в 1935 году, прожив в Эстонии законодательно установленный для этого срок в 4 года.

В начале 1930 года, в связи с проектом разработки нового закона о религиозных организациях, эстонские власти поставили перед Ватиканом и вопрос о возможности заключения Конкордата [3, Paesi Baltici. 1933-1938. 79P. O. Fasc. 88. F. 25-26rv.]. Уже в самом законе, как утверждал Арата, было «ясно заявлено что Римско-католическая церковь будет функционировать на основе договора со Святым Престолом» [3. Paesi Baltici. 1933-1938. 79P. O. Fasc. 88. F. 25-26rv.]. Нунций рекомендовал использовать доброе расположение эстонского правительства к Католической церкви и в первую очередь заключением договора обеспечить неприкосновенность приходов византийского обряда, действующих с целью заключения унии с православной церковью [3, Paesi Baltici. 82-83P. O. Fasc. 89. F. 35]. Заключение договора виделось Ватикану важным именно в связи с существовавшей надеждой на заключение унии [3, Paesi Baltici. 82-83P. O. Fasc. 89. F. 37-38]. Были, однако, и другие причины, которые лежали в основе желания Ватикана заключить Конкордат. В сообщениях, поступавших Арате из Рима, речь шла, во-первых, о сохранявшейся надежде на обращение большого количества «диссидентов, потерявших связь с Москвой и не сумевших получить достаточно независимую структуру, но имеющих своего митрополита»; немаловажным считалось то обстоятельство, что брат президента, православный священник Николай Пятс, являлся филокатоликом. Во-вторых, обращалось внимание на то, что Эстония и Латвия граничат с Россией, и, в-третьих, подчеркивалось, что «в Эстонии не любят немцев, а католические священники в основном немцы

и нужно урегулировать их положение» [3, Paesi Baltici. 82-83P. O. Fasc. 92. F. 40-41].

Однако начатые в 1935 году переговоры по поводу заключения договора так и не были завершены. Инкорпорация Эстонии в состав Советского Союза остановила усилия Святого Престола, направленные на укрепление католичества в этой стране. Проект по продвижению католичества в качестве компонента национальной идентичности эстонцев не осуществился.

* * *

Новые государства Прибалтики, образовавшиеся на западных границах своей бывшей метрополии, стремились сойти с орбиты ее влияния. Политическая элита Латвии, Эстонии и Литвы в качестве своей важной задачи рассматривала укрепление национальной идентичности. Для решения этой задачи предпринимались активные действия, направленные на разрыв связей с Россией, включая отделение православных церквей государств-лимитрофов от Российской православной церкви. С другой стороны, новые прибалтийские государства в укреплении своей независимости опирались на поддержку западных держав. В качестве своего авторитетного защитника власти Латвии и Эстонии рассматривали Святой Престол. Отношения Ватикана и Литвы были осложнены польским вопросом. Посланцев Ватикана в Литве нередко подозревали в пропольской позиции и, соответственно, во враждебной позиции по отношению к интересам Литвы. Однако во всех государствах Прибалтики католическая церковь рассматривалась в качестве силы, способной сплотить и укрепить национальную идентичность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. «О положении Латвии. Сообщение министра-президента г. Мейеровица» // Либавское русское слово. 1922. № 197. 2 сентября.
2. Archivio Segreto Vaticano (ASV). Arch.Nunz.Estonia.
3. Archivio storico della II sezione della Segreteria di Stato (già Congregazione per gli Affari Ecclesiastici Straordinari (AA.EE.SS.). Paesi Baltici.

4. *Kasparavičius A.* Tarp politikos ir diplomatijos. Šventasis sostas ir Lietuvos Respublika. Vilnius. Lietuvos istorijos instituto leidykla. 2008.

5. *Kiviorg M.* Religion and Law in Estonia. Kluwer Law International, 2011.

6. *Kiviorg M.* Religion and the Secular State in Estonia // Religion and the Secular State. Interim National Reports issued for the occasion of The XVIIIth International Congress of Comparative Law. Published by The International Center for Law and Religion Studies. Brigham Young University Provo, Utah 2010. P. 261-272.

7. Lietuva Bažnyčios Nepaprastųjų reikalų kongregacijos archyvo dokumentuose (1919-1938). Lietuvių katalikų mokslo akademija; parengė Rita Tolomeo ir Silvia Camilli Giammei. Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 2014. 2 kn.

8. *Perna V.* Relazioni tra Santa Sede e Repubbliche baltiche (1918-1940). Monsignor Zecchini diplomatico. Udine: Forum, 2010.

9. *Ringvee R.* Catholic Church in Estonia // Rooma-Katoliku Kirik. Eesti Apostellik Administratuur. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.katoliku.ee/index.php/en/28-cen/about/67-catholic-church-in-estonia-by-tingo-ringvee> (дата обращения: 01.03.2018).

10. *Боровой В., протопресвитер.* Польское государство и Православная Церковь в междувоенном периоде на фоне межрелигиозных отношений // Католицизм в России и Православие в Польше (XI-XX вв.). Urowszecznianie Nauki — Oświata «UN-O», 1997. С. 319-334.

11. *Гаврилин А. В.* Положение Латвийской Православной Церкви в 20-30 гг. XX в. // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. Материалы. 2000. М., Изд-во ПСТБИ, 2000. С. 298-303.

12. *Гайосинскас А. И.* Православная церковь в Литве // Baznica.Info [Электронный ресурс]. URL: <http://baznica.info/article/pravoslavna-ya-tserkov-v-litve/> (дата обращения: 08.09.2018).

13. *Данилов А.* История Православия в Финляндии // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. № 4 (30), 2001. С. 294-300.

14. *Комаров А. А., Токарева Е. С.* Православие и католичество в Эстонии в переписке посланцев Ватикана (1928-1940 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 9 (53) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001653-7-1> (дата обращения: 18.02.2018).

15. *Манкевич М. А.* Вильнюсский вопрос в международных отношениях: историография проблемы // Балтийский регион. №2(12). 2012. С. 19-31

16. *Петров И. В.* Православие в Эстонии в 1940 — начале 1941 годов: проблемы воссоединения с Московским Патриархатом // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. № 1 (том 16). С. 266-275.

17. *Плаканс А.* Краткая история стран Балтии. М.: Издательство «Весь Мир», 2016.

18. *Прекуп И.* Краткий обзор истории православия в Эстонии. (От начала его распространения до преодоления раскола в 1945 г.) // Четвертые Пюхтицкие чтения. Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность. Материалы международной научно-практической конференции 11-13 декабря 2015 г. Пюхтицкий Успенский монастырь. Куремяэ, Эстония, 2015. С. 14–31.

19. Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940), под ред. Сергея Исакова. Тарту, Санкт-Петербург, 2001.

20. *Швак Т.* Проблема канонической юрисдикции в православной церкви Эстонии // Русский сборник / Редакторы-составители О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XIX. М., 2016. С. 543–583.

21. Эстония: энциклопедический справочник. Таллин, 2008.

Илья Никифоров

АНТРОПОЛОГИЯ И СЕМИОТИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕВЕЛЯ-ТАЛЛИНА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917-1920 ГГ.

Аннотация. *Город Таллин (до 1918 г. Ревель) является наглядным примером локуса, в котором, благодаря исторически складывающейся семиотической организации городского пространства, взаимодействуют различные культурные традиции и стратегии поведения.*

Экономический бум начала XX века способствовал активной миграции в Эстонию квалифицированных рабочих из российских губерний с развитым промышленным производством.

После подписания большевиками российско-германского соглашения о мире из Эстонии были выведены российские войска. Вместе с ними бежали от немецкой оккупации российские чиновники, их семьи, русские промышленные рабочие и инженеры. Русское население Таллина уменьшилось в несколько раз. На этом демографическом фоне происходило возникновение Эстонской Республики как национального государства.

Как правило, государство закрепляет образы и императивы, сложившиеся в общественном сознании с целью заставить понимать историю страны и народа в рамках некоей культурной парадигмы. Изменение названий городов, поселков и улиц — одно из самых наглядных проявлений символического присвоения пространства в рамках политики исторической памяти.

К 1917 году в Таллине сложилась устоявшаяся топонимическая картина, отражавшая и естественные процессы участия русских горожан в развитии города, политические усилия официального Петербурга по «интеграции» Прибалтийских губерний. Семиотический баланс поддерживался остзейской немецкой традицией и ростом самосознания местного эстонского большинства.

Провозглашенная в феврале 1918 года Эстонская Республика нуждалась в дополнительной легитимации не только благодаря «праву наций на самоопределение», но и посредством закрепления этого права в системе наглядных символов. Семиозис городского ландшафта должен был подчеркивать национальный характер нового государства, противопоставленный прежней имперской символике.

Ключевые слова: история Эстонии, Эстонская Республика, городская антропология, историческая память.

Историческое наследие, или габитус [19, с. 12], определяющий текущие поведенческие реакции, современного русского населения Таллина обусловлено как минимум, тремя миграционными волнами: а) стремительным ростом русского населения Ревеля в начале XX века вплоть до 1918 года; б) межвоенной «русской эмиграцией» и сложившейся на местном субстрате русской меньшинственной культурой довоенной Эстонской Республики; в) наконец, массовым притоком русского населения в 50-х и 60-х гг. прошлого века в рамках внутрисоюзной миграции. Эти три «волны» по настоящее время и определяют основные демографические показатели, социальные и трудовые стратегии населения, культурные парадигмы, религиозные традиции и этническую самоидентификацию.

Семиотическая организация городского пространства эстонской столицы сделала большую часть русского населения Таллина практически «невидимой». Процесс этот стремительно нарастал с 1917 года, вошел в полную силу после 1920-го, был поддержан политикой «коренизации», национальной советской политикой 70-х годов и достиг апофеоза в современной Эстонии. Сегодня крупнейшая неэстонская этноязыковая группа практически невидима на таллинской улице, неразличима в контексте городского ландшафта, но статистически выделяется из общей демографической массы благодаря архетипичным поведенческим реакциям. Таким образом, неуловимая, в политическом смысле, «русская община» — это реальная группа, габитус которой проявляется в ключевых ситуациях: в массовом потреблении, в трудовых и экономических стратегиях, в политических оценках, в исторической памяти.

Но это сегодня. Сто лет назад русское меньшинство в тогдашнем Ревеле было вполне визуализированным: от впол-

не традиционных образов причудских крестьян-отходников, до тверских мастеровых и промышленных рабочих, от солдат гарнизона Императорской морской крепости Петра Великого до морских офицеров-подводников; от гражданских чиновников до студентов. Меломаны торопились успеть на фортепианный вечер в Ревельском русском общественном собрании на Гоголевском бульваре, или поклонники нового искусства поспешали в синематограф на проспекте Престолонаследника Алексея, а затем извозчик-эстонец вез их домой на улицу Романовскую или Водолазную, или через бывшую Сенную площадь, мимо памятника Петру, куда-нибудь в южное предместье в парк замка Гленна.

Город Таллин является наглядным примером такого локуса, в котором, благодаря исторически складывающейся семиотической организации городского пространства, происходило (и происходит) пересечение различных локальных культурных традиций, сохранение и передача характерных для Таллина образцов и стратегий поведения. Тем самым, в процессе постоянного воспроизводства этих образцов и стратегий формируется, сохраняется и передается выделяющаяся из общего массива местного населения этноязыковая группа, составляющая русское население города.

До начала XX века русское население обычно не превышало 5 % населения «эстонских» уездов Эстляндской и Лифляндской губерний, концентрируясь преимущественно в регионе Чудского озера. В городах же проживали бывшие и находящиеся на действительной службе военные, купцы и ремесленники, составляя заметную часть горожан. Так, в Ревеле проживало в 1820 году 2304 человека (17,9 % населения) русских, в 1844 году — 2759 человек (19,3 %), значительную часть которых составляли вполне «интегрированные» в местную жизнь купцы и ремесленники, а также чиновники [34, с. 140-141].

В нашем случае, в отношении губернского города Ревеля, нужно отметить, что роль и место военных в жизни города исторически недооценены. Во-первых, численность дислоцированных в Прибалтийских губерниях войск в мирное время составляла 10-15 %, а во время войн порой достигала до 30 %

от численности всего населения [14, с. 226]. Во-вторых, бюджетное финансирование содержания войск через полковые и корабельные кассы стимулировало местную экономику. В-третьих, вплоть до военной реформы Александра II в полках и флотских экипажах в местах постоянной дислокации культивировались кустарные промыслы, а при наличии спроса чуть ли не массовое ремесленное производство [17], что также оживляло губернский внутренний рынок Эстляндии, скованный привилегиями и ограничениями на торговлю, сохранявшимися в рамках Особого Балтийского порядка. В Таллине, тогдашнем Ревеле, именно отставные солдаты и матросы сформировали ряд ремесленных пригородов, таких как заселенная отставными моряками-татарами Татарская слобода, Владимирская слобода и т. д.

Полтора века крупнейшим промышленным предприятием мануфактурного типа было т. н. Адмиралтейство [35, с. 305–306], обслуживавшее ревельскую базу Балтийского флота. На строительство портовых и фортификационных сооружений, как правило, привлекались военнослужащие и строительные артели из губерний центральной России. Из числа крестьян Центральных губерний формировались ревельские огородники, а из осташковских рыбаков с озера Селигер — местные ревельские рыболовецкие артели. Кое-кто из русских огородников и рыбаков выбивался в купцы, и русские рыболовы (купцы Малаховы) первыми внедрили траловый лов и промышленное производство (купцы Дёмины) знаменитых консервированных ревельских килек. А семья купцов Епинатьевых осенью 1864 года в доме купца Алексея Епинатьева вместе с другими ревнителями русской культуры учредили общегородское музыкальное общество «Гусли». В период расцвета «Гусли» имели два хора — мужской и женский, струнный ансамбль и драматическую студию. Исполнялись произведения Чайковского, Баха, Глинки. Ставились спектакли Островского, Гоголя, Шиллера. Формально общество «Гусли» было закрыто лишь в 1940 г. после установления советской власти. Кстати, ныне правящий архиерей митрополит Таллинский и всяя Эстонии Корнилий тоже происходит их рода купцов Епинатьевых.

По данным переписи 1897 года, русское городское и сельское население в нынешних эстонских границах многочисленным

не было, достигая 53 тыс. человек, или 4,7 % всего населения. Однако доля русских среди здешних интеллектуалов (лиц, занимающихся умственным трудом) была очень высока и достигала 19 % (всего около 1900 чел.) из примерно 10 тысяч человек, занятых умственным трудом. Для сравнения: доля немцев среди интеллигенции составляла 24 % [27, с. 162].

Экономический бум начала XX в., в результате которого в Таллине (Ревеле), были учреждены и построены многочисленные заводы, такие как «Двигатель», «Вольта», «Ноблесснер» «Русско-балтийский завод» и т. д., способствовал активной миграции в Эстонию квалифицированных рабочих из российских губерний с развитым промышленным производством. В Таллине начали производиться электродвигатели, военные суда и подводные лодки, железнодорожные вагоны для императорских железных дорог Китая и многое другое. Этот экономический рост носил взрывной характер, таким же взрывным образом меняя национальный состав городского населения. Промышленные предприятия в Ревеле были локусами общественной, спортивной, культурной и политической жизни. Следует отметить, что тогдашняя промышленная и сопутствующая архитектура задавала сегодняшний облик современного Таллина. Стоит отметить, что они во многом задавали социальную и семиотическую организованность пространства промышленных и спальных районов^а.

Однако в конце Первой мировой войны, в 1917-1918 гг., произошли резкие демографические перемены. Например, в Ревеле в 1917 году проживало 158 044 чел., а всего лишь через год лишь 103 616 чел. [34, с. 171].

В ходе подготовки и подписания большевиками русско-германского Брестского мира из Эстонии были выведены в первую очередь многочисленные российские войска. Вместе с ними бежали от неминуемой немецкой оккупации российские чиновники, их семьи, большая часть русских промыш-

^а Корпоративная историческая память собиралась, хранилась в виде заводских архивов и делалась публичным достоянием посредством ведомственных музеев, публикации книг и статей. В настоящее время в Таллине сохранился действующий музей Русско-балтийского завода (судостроительный завод концерна BLRT), владельцы которого и по сей день культивируют корпоративную память.

ленных рабочих и инженеров. Русское население Таллина резко сократилось, составив лишь 5-6 % от всего населения города [34, с. 174]. Изменился и качественный состав населения. В Тарту к эвакуации русских военных и служащих добавились и студенты с профессорами Юрьевского университета. Весной 1918 года в Воронеж выехало около тысячи русских студентов и профессоров с семьями [34, с. 174].

После подписания Тартуского (Юрьевского) мирного договора в феврале 1920 года была проведена новая граница Эстонии, которая теперь охватывала на севере город Нарву и Занаровье (до революции бывшие частью Петербургской губернии) и Печорский край на юге (города Изборск и Печоры с окрестностями, относившиеся до революции к Псковской губернии). Русское население Эстонии мгновенно увеличилось вдвое — примерно до 100 тысяч человек, так как в этих регионах исторически преобладало русское население. Таким образом, сельское население Печорской и Изборской волостей Псковской губернии формально заместило убыль промышленного пролетариата и чиновничества со студенчеством в Ревеле и Юрьеве. Сюда же добавились беженцы из Советской России. Согласно данным переписи 1934 года, эстонцы составляли подавляющее большинство, т.е. 88,1 % всего населения (в тогдашних границах). Доля этнических русских оставалась неизменной (8,23 %) [5, с. 43].

Для наглядности произошедшего социально-демографического перелома отметим, что социальная и профессиональная структура русского населения в начале 1930-х гг. соответствовала и предвоенному традиционному расселению, и традиционным занятиям. Сельским хозяйством занимались 51 % самодеятельного русского населения. Земельные наделы в «русских волостях» были малы, крестьянство страдало от малоземелья, вынуждено было культивировать сезонную работу по найму в городах, а не товарное хуторское хозяйство [24, с. 26-27].

В промышленности было занято примерно 25,8 % русского населения [24, с. 31]. В среднем же по Эстонии в промышленности было занято около 20 %^а. В торговле работали около 6 % русских, на транспорте и в связи — 3,9 %. Умственным трудом

^а См. об этом: *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. М.: РОССПЭН, 2008. С.40.

были заняты лишь 4,6 % (напомним, что до 1917 г. каждый пятый «интеллектуал» был русским). Русским принадлежал лишь 1 % промышленного капитала и 2,9 % торгового. Примечательно, что среди инженерно-технических работников русские составляли 8 %, но в период 1922–1931 гг. ими были зарегистрированы треть всех патентов [27, с. 206].

Таллин после резкого сокращения русского населения в конце 1917 — начале 1918 г. стал городом, где русское меньшинство было преимущественно представлено старожильческой и эмигрантской интеллигенцией, русскими купцами, отчасти квалифицированными рабочими и епархиальным духовенством.

Таллин, ставший столицей Эстонской Республики, для русского меньшинства выступал прежде всего центром культурных инициатив, тогда как массовая основа русской национальной жизни располагалась у восточных границ республики в Занаровье и Печорском крае. Большое значение в общественной жизни русского населения того периода играла школа на родном языке. В независимой Эстонии почти сразу была введена единая система обязательного и бесплатного начального образования. В Эстонии имелось около ста начальных школ с русским языком преподавания, финансируемых государством [27, с. 224; 39, с. 129]. В русских начальных школах были стандартные учебные программы с добавлением эстонского языка и «родиноведения». Гимназии с русским языком преподавания существовали с 1918 по 1940 г. В т. н. русских гимназиях первоначально училось много немцев, евреев, эстонцев [24, с. 197]. По состоянию на 1923 год в Эстонии было 12 русских гимназий, в т. ч. пять частных, четыре государственных, три эмигрантских^а.

К 1930 году осталось восемь гимназий (три частных, четыре государственных, одна эмигрантская). В 1940 году было уже три русские гимназии, в т.ч. одна частная и две государ-

^а В Эстонии с 1919 г. было введено обязательное бесплатное начальное образование. Прогимназии и гимназии учреждались местными самоуправлениями, и обучение в них было платным. Наряду с государственными (городскими) гимназиями существовали частные гимназии, учреждаемые физическими или юридическими лицами. С 1919 г. в Эстонии работали и т. н. эмигрантские гимназии, обучение в которых оплачивалось международными эмигрантскими организациями. Эмигрантская гимназия в Нарве просуществовала до 1938 г.

ственные [24, с. 197]. В Тартуском университете в 1920–1930-х гг. обучалось много русских, которые составляли до середины 1930-х гг. примерно 4–5 % от общего числа студентов, что, однако, было вдвое меньше соответствующей доли русских в общем населении республики. В конце 1930-х гг. были введены вступительные экзамены на эстонском языке и, как следствие, резко сократилось число русских студентов. Многие русские гимназисты продолжали образование за границей, особенно в Бельгии или во Франции [24, с. 199].

Как правило, государство закрепляет, артикулирует образы и императивы, уже сложившиеся в общественном сознании мифологии в целях создания в обществе семиотического континуума^а, заставляющего понимать историю в рамках некоей «предзаданной» культурной парадигмы и интериоризации этой парадигмы. Речь идет о присвоении пространства и времени.

Изменение топонимов (названий городов, поселков, улиц) — одно из самых наглядных проявлений символического присвоения пространства в рамках политики исторической памяти. Семиозис городского пространства современного типа — наименование улиц, площадей, нумерация домов, памятные знаки и монументы — сложился в Таллине сравнительно поздно, лишь к середине XIX века. Уличная сеть старинного тесного средневекового городка складывалась вокруг церквей, рыночных площадей, подъездных дорог и фортификационных сооружений [18, с. 18–19].

Экономический бум начала XX века и демографические изменения состава городского населения не могли не сказываться на семиотической организации городского пространства, на топонимике и городской символической: памятниках, сакральных зданиях и пр. Все это тут же стало точками приложения для политической борьбы.

В рамках т. н. «политики русификации» [14, с. 342–355] 80-х годов XIX века, помимо перевода официального делопро-

^а «Представление о том, что исходной точкой любой семиотической системы является не отдельный изолированный знак (слово), а *отношение* минимально двух знаков, заставляет иначе взглянуть на фундаментальные основы семиозиса. Исходной точкой оказывается не единичная модель, а семиотическое пространство». Цит. по: Лотман Ю. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 266–267.

изводства, гимназического и университетского образования на русский язык, город Дерпт (Тарту) был переименован в 1893 году в Юрьев. Уличная сеть в Таллине, как и в других городах Эстонии, не претерпела кампании по переименованию, но власти Эстляндской губернии запретили традиционные таблички с названиями улиц на трех языках, отражавших фактическую этническую структуру населения губернской столицы. Надо отметить, что названия на трех языках не просто транскрибировали одно основное название, а переводили его на русский, эстонский, немецкий язык. Иногда названия одной и той же улицы на разных языках различались, формируя собственный этнокультурный топонимический континуум. Так, русский чиновник или купец мог проживать в Ревеле на Никольской улице, а его эстонский сосед по дому — в Таллине, на улице Вене (букв. перевод — «Русская»). Запрет трехязычных табличек встретил недовольство и сопротивление. В 1906 году городские власти вернулись к прежнему порядку. Политика принудительной русификации, в том числе и в отношении топонимики, стала сходить на нет.

Помимо стихийно русифицированных (переведенных) названий улиц, официальную городскую топонимику составили улицы бывших предместий, названные в честь купцов-домовладельцев и землевладельцев: Медведьевская, Большая и Малая Епинатъевские и др. Присутствие в городе военноморской базы и мастерских Адмиралтейства породило целый букет морских названий: от Якорной до Водолазной. Период русификации оставил улицы Куликовскую и Полтавскую, а централизация государственной монархической власти — улицы, названные в честь престолонаследника и великих князей. И, наконец, масштабное строительство за счет казенных ассигнований Морской крепости императора Петра Великого привело к появлению целого жилого района в Нымме с улицами, названными в честь классиков русской литературы. К 200-летию вхождения Прибалтики в состав Российской империи и 300-летию Дома Романовых по инициативе местного немецкого дворянства и чиновничества на Сенной площади перед бывшими городскими воротами был воздвигнут памятник Петру I работы уроженца Риги, а на тот момент парижан-

нина, скульптора-портретиста Леопольда Бернштама. Площадь, где был воздвигнут памятник, получила название Петровской.

Таким образом, к исходу Первой мировой войны в Эстонии, в частности в Таллине, сложилась устоявшаяся топонимическая картина, отражавшая и естественные процессы участия русских горожан в развитии города, их демографическую долю, а также, что немаловажно, нараставшие политические усилия официального Петербурга/Петрограда по «интеграции» Прибалтийских губерний в единое правовое, экономическое и культурное пространство. Определенный семиотический баланс поддерживался остзейской немецкой традицией и ростом самосознания местного эстонского большинства. Для этноязыковых групп, например для русского меньшинства, топонимика Ревеля звучала совершенно по-русски: площадь Петровская, улица Садовая, гимназия Николаевская. Для немецкого меньшинства или для эстонцев пространственная семиотика тоже носила свой национальный характер, но не совпадала с языком официального делопроизводства и обучения.

На рубеже 1917–1918 годов, как мы уже отмечали выше, русское население Таллина сократилось в несколько раз, составив лишь 5–6 % от всего населения города. Провозглашенная в феврале 1918 года Эстонская Республика нуждалась в дополнительной легитимации не только благодаря «праву наций на самоопределение», но и посредством закрепления этого права в системе наглядных символов. **Краеугольным камнем эстонской этнополитики времен «первой республики» было отношение большинства к наличию собственной государственности, а не отношения с местными этническими меньшинствами.** Вопрос городской топонимики, которая противоречила официальной этнополитике и не соответствовала новой демографической ситуации, был поднят таллинскими городскими властями осенью 1922 года. Владимирская, Куликовская, Пушкинская улица, Гоголевский бульвар, Романовский проспект, Большая и Малая Епинатьевские, Медведьевская и многие другие улицы — общим числом 62 — поменяли свои названия на эстонские, согласно решению новых городских властей. Новые улицы должны были увековечить в памяти реальных и мифологических героев древности или просто приобрести благозвучные эстонские имена и исполь-

зоваться впредь в эстонском звучании^а. Топонимика Таллина полностью эстонизировалась. В марте 1922 года был снят памятник Петру I, а площадь переименована в «площадь Харью», а затем в «площадь Свободы». «Войны памятников» — «добрая» балтийская традиция. К счастью, войны эти никогда не были тотальными и касались только главных символов уходящих эпох. Так, после революции в Риге и в Таллине были сняты памятники Петру I как российское имперское наследие. Собственно говоря, городское пространство не было тогда богато на памятники и монументы. В русской традиции предпочитали ставить часовни и церкви. Кафедральный Александро-Невский собор Таллина планировали снести как «символ царизма» в начале 1920-х годов, намеревались перестроить в «планетарий» в 1961 году [16, с. 161-162].

Примечательно, что вплоть до середины 30-х годов в печати на русском языке вполне свободно употреблялись и традиционные русские топонимы: Юрьев, Ревель, тогда как употребление топонимов Тарту и Таллин было редкостью. Лишь патриотическая кампания «эстонизации», проводимая режимом К. Пятса и Й. Лайдонера, поставила конец стихийному топонимическому многоязычию в СМИ и книгопечатании.

Можно с уверенностью сказать, что период существования «первой республики» ознаменовался эстонизацией городских топонимов как в языковом, так и в смысловом измерениях. Семиозис городского ландшафта должен был подчеркивать национальный характер нового государства, противопоставленный — в памяти ревельцев были свежи прежние названия улиц и площадей — прежней имперской символике.

Русское население Таллина посредством иноязычной городской среды наглядно ставилось в положение национального меньшинства, стратегией которого могли быть либо ассимиляция, либо существование в этнокультурных и этноконфессиональных нишах в рамках правил, предписанных господствующим большинством. Что, собственно говоря, и произошло. Доминирующей стратегией стала стратегия национального меньшинства, по мере своих собственных сил и возможно-

^а См. краеведческий очерк: Кац Й. Прощание с русской топонимикой // Столица (газета), см. <http://stolitsa.ee/news?44707> (дата обращения: 25.03.2017).

стей защищающего свою национальную идентичность и права. Стратегия эта разбилась о последующую «советизацию». Примером же ассимиляционной стратегии может стать замечательный эстонский актер Юри Ярвет — исполнитель главной роли в знаменитом фильме Григория Козинцева «Король Лир». Юри Ярвет (с 1919 по 1938 г. Георгий Кузнецов) воспитывался в приемной эстонской семье и вполне вписался в новый этнический контекст.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. 2000 Population and Housing Census: Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages II, Tallinn: Statistical Office of Estonia, 2001.
2. *Ahde P., Rajasalu T.* Economic Structures // *Lugus O., Vartia P.* (eds.) *Estonia and Finland: A Retrospective Socio-economic Comparison*, Helsinki, 1993.
3. Eesti Keele Instituudi kohanimeandmebaas. (Институт эстонского языка. Топонимы. База данных // <http://www.eki.ee/knab/knab.htm> (25.03.2016).
4. *Hallik K.* Eestima muulased: ajalooline ja demograafiline taust (Иногородцы Эстонии: исторический и демографический аспект) // *Heidmets M.* (ed.) *Vene küsimus ja Eesti valikud* (Русский вопрос и выбор Эстонии), Tallinn, 1998.
5. *Järve P., Wellmann C.* Minorities and Majorities in Estonia: Problems of Integration at the Threshold of the EU. Flensburg: ECMI, 1999. P. 43.
6. *Palamets H., Eilart J.* Tartu (Тарту), Tallinn: Eesti Raamat, 1976.
7. *Park A.* Ethnicity and Independence: The Case of Estonia in Comparative Perspective // *Europe-Asia Studies*, vol. 46 (1994), № 1.
8. Security Policy of the Republic of Estonia. Annual Review 2004. Tallinn, 2005.
9. *Skudra O.* Historical Themes and Concepts in the Newspapers *Diena* and *Vesti Segodnya* in 2009 // *Muižnieks N.* (ed.) *The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations*. Riga: University of Latvia Press, 2011.
10. Statistical Office of Estonia. 2000 Population and Housing Census: Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages II, Tallinn, 2001.
11. Statistical Office of Estonia. 2000 Population and Housing Census, Education and Religion, IV, Tallinn: Statistical Office of Estonia, 2002.

12. *Vahre S. (ed.). Eesti Ajalugu, VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni* (История Эстонии, Т. VI. От Освободительной войны до восстановления независимости). Tartu: Ilmamaa, 2005.
13. *Vahre S. (сост.). Eesti ajalugu. Kronoloogia* (История Эстонии. Хронология). Tallinn: Olion, 2007.
14. *Zetterberg S. Eesti ajalugu* (История Эстонии). Tallinn: Tänapäev, 2009.
15. *Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.). Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы*. М.: АИРО—XXI, 2002.
16. *Алексий II Патриарх Московский и Всея Руси. Православие в Эстонии. Том первый. Исследования*. М.: Православная энциклопедия, 2010.
17. *Бегунова А. Повседневная жизнь гусара в царствование Александра I*. М.: Молодая гвардия, 2000.
18. *Брунс Д. Таллин: История градостроения, рассказанная главным архитектором*. Таллин: КПД, 2006.
19. *Бурдьё П. Социология политики*. М.: Socio-Logos, 1993.
20. *Бурдьё П. Социология социального пространства. 2 т.* М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
21. *Голиков Е. Советская предыстория эстонской национальной политики // Экономические и социальные проблемы развития общества в условиях «глобальной деревни». Материалы научно-практической конференции ЕАВА*. Tallinn: ЕАВА, 2008.
22. *Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. Анатомия расставания*. Таллин: Арго, 2007.
23. *Данилов А., Филиппова А. (ред.). История России и новых независимых государств в школьных учебниках: Кн. для учителя*. М.: Просвещение, 2010.
24. *Исаков С. (ред.). Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)*. Тарту: Крипта, 2000.
25. *Исаков С. Культура русской эмиграции в Эстонии. 1918–1940. Статьи. Очерки. Архивные публикации*. Таллин: Aleksandra, 2011.
26. *Исаков С. О русской диаспоре в Эстонии 1920–1930-х гг. и возможности использования ее опыта в наши дни // Доклад, прочитанный на Таллинских чтениях Рижского гуманитарного семинара 28 февраля 2008 г. (В архиве автора.)*
27. *Исаков С. Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии. История культуры. Часть I*. Таллин: INGRID, 2008.
28. *Исаков С. Русские в Эстонии. 1918–1940. Историко-культурные очерки*. Тарту: Компу, 1996.

29. *Кац Й.* Прощание с русской топонимикой // Столица (газета). См. <http://stolitsa.ee/news?44707> (25.03.2017).
30. *Лотман Ю.* Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992.
31. *Миллер А., Липман М.* Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
32. *Никифоров И.* Этноцентризм в изучении истории Эстонии // История и культура объединяют или разъединяют народы? Сборник статей. Таллин: АиМАХ, 2011.
33. *Полещук В.* Война памятников в Эстонии: этнический аспект // «Этнографическое обозрение», 2008, № 3.
34. *Пуллат Р. (сост.).* История Таллина с начала 60-х годов XIX столетия до 1970 года. Таллин: Ээсти Раамат, 1972.
35. *Пуллат Р. (сост.).* История Таллина (до 60-х годов XIX века). Таллин: Ээсти Раамат, 1983.
36. *Райтвийр Т. (сост.).* Разноликий Таллин. Статистико-социологический обзор. Таллин: Институт открытого общества Эстонии, 2009.
37. *Шматко Н.* Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // *Бурдьё П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 12.
38. *Шнирельман В.* Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.
39. *Шор Т.* Проблемы культурной автономии на страницах русской периодики в Эстонии в 1925–1930 гг. // На перекрестке культур: Русские в Балтийском регионе. Ч. 2. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

Наталья Ерёмкина

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ НАЦИИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX И В НАЧАЛЕ XXI В. НА ПРИМЕРЕ СТРАН ПРИБАЛТИКИ

***Аннотация.** Изменяющиеся мнения о понятии «нация» и интерпретация права народа на самоопределение дают представления о формировании и развитии наций и государств в длительной перспективе. В случае со странами Прибалтики данные позиции позволяют не только показать ключевые аспекты в понимании государственности в кризисные периоды времени в начале и конце XX в., вплоть до начала нового века, но и выявить основные позиции, на которых строится внешнеполитическая доктрина отношений с Россией.*

***Ключевые слова:** нация, этничность, право народов на самоопределение, государство-нация, дискриминация, национальное меньшинство.*

В академической науке принято производить деление государств на государство наций (национальностей) и государство-нацию. Важно, что с точки зрения западной академической науки именно первый, а не второй тип государства приводится как пример государства, в котором происходит дискриминация национальных меньшинств. А для прекращения угнетения и дискриминации необходимо якобы забыть о многонациональности и всем объединиться в рамках единой нации, которая представляет собой единое политическое и гражданское сообщество, где нет места кровным связям. В таких государствах меньшинства перестают быть нациями, а становятся этническими сообществами. Тем не менее сегодня очевидно, что и в Западной Европе борьба за самоопределение

так и не закончилась, а пример так называемых меньшинств и исторических сообществ (в т.ч. в лице каталонцев) показывает, насколько сильны их устремления называться нацией. Данный конфликт понятий лежит в основе современной европейской государственности, указывает на сложности и даже невозможность выстроить единую нацию.

В отношении понятия «нация» существуют три главных парадокса.

Первый парадокс связан с происхождением понятия «нация». Изначально латинское слово **«natio»** (нация) означало **«народ»** [3, с. 504–505]. Это зафиксировало этнокультурный компонент (включая тот самый пресловутый ныне фактор кровного происхождения) в данной категории на довольно длительный период времени. В греческом мире вместо слова «нация» в аналогичной ситуации употреблялось слово **«ἔθνος»** (этнос) [2, с. 870], но в Западной Европе он не имел никакого распространения.

Второй парадокс заключается в том, что с течением времени в понятии «нация» в Западной Европе политическая компонента оказалась превалирующей над этнокультурной. И в результате многих исторических событий, общественно-политического и социально-экономического развития сложилось устойчивое словосочетание «государство-нация» (национальное государство) в Западной Европе. Однако эта ситуация не коснулась стран Восточной Европы.

Таким образом, несмотря на то, что изначально словом «нация» обозначали общее происхождение членов всего коллектива, историческая практика показала, что общность людей может быть обоснована многими критериями и обстоятельствами, заставляющими людей группироваться в социальном измерении, а не только критерием кровного родства [6]. Отношения подданства как раз отвечали этим целям. Это породило связь между народом и правительством, сформировав так называемый «общий дух нации» по Монтескье и стало основой концепции народного суверенитета Руссо. Здесь нация — это народ, связанный общественным договором. Неудивительно, что в дальнейшем в разных правовых документах присутствует отсылка именно к вопросу, кто заключает общественный

договор и, соответственно, кто является тем самым народом, участвующим в общественном договоре, и, значит, имеет право называться нацией. Вместе с тем нельзя не заметить по статьям, которые появились в конце 90-х годов XX века и начале XXI века в ряде западноевропейских журналов, что исследователи испытали некий шок, когда столкнулись с масштабной волной политических требований так называемых этнических к Центру признать их нациями. По этой причине уже сейчас исследователи предлагают четко развести концепции государства и нации [23, 24, 25]. Именно тогда, когда устоялось мнение, что в Западной Европе выстроены нации как политические сообщества, полностью побеждены все формы этнонационального противостояния, «вдруг» «выстрелил» сепаратизм. «Внезапно» выяснилось, что каталонцы и шотландцы, да и многие другие, полагают себя нациями, а не просто некими историческими народами, и уже даже называют себя нациями сами, не спрашивая разрешения Центра. Произошло то, чего никак нельзя было ожидать в казавшемся западноевропейским исследователям и политикам национально монолитным обществе.

Третий парадокс заключается в том, что именно революционные события производят трансформацию понятия «нация». Так, во время Великой французской революции противостояние третьего сословия и аристократии рассматривалось революционными идеологами как борьба нации за свои права, под которой представляли третье сословие, причем именно в его финансово состоятельной части. Вместе с тем, невзирая на политизацию вопроса, кто есть нация, Декларация прав человека и гражданина 1789 года закрепила положение о том, что источник суверенитета государства находится именно в нации [4].

Также тогда была обоснована идея гражданской нации, которая с течением времени возобладала на значительной части европейской территории, за исключением восточноевропейских стран, России и германских земель. Итак, в период складывания национальных государств понятие национальности и идея нации как единения нескольких народов, превратившихся в единую политическую, гражданскую нацию,

благодаря общим интересам и лояльности одному государю, окончательно возобладали. Соответственно, в Западной Европе нации не представляют собой какой-то один этнос и объясняются в категориях гражданского единства.

О чем говорит опыт революций?

В ходе Великой французской революции отстаивалось совмещение идеи нации и гражданина, так, было провозглашено, что нация едина и состоит из граждан, признающих революцию. Принцип лояльности революции и новому правительству, признающему право на гражданство, был совмещен с идеей нации.

Октябрьская социалистическая революция в России также ставила целью сместить режим, что автоматически означало новое самоопределение народа. И в этом контексте право наций на самоопределение фактически означало и право на свержение власти путем революции и обозначало формирование нового государства; к тому же была принята на вооружение идея угнетения наций царской властью.

Большевики поставили под сомнение легитимность царской власти, а народ объявили состоящим из наций, которые имеют право опрокинуть власть в поисках самоопределения. Эту идею подтверждает Резолюция по национальному вопросу седьмой апрельской всероссийской конференции РСДРП(б) 1917 года.

Ключевую роль в понимании пресловутого национального вопроса в начале XX в. сыграли идеи марксистов.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс старательно избегали дефиниций, но при этом развитие наций связывали с формированием мощных экономических процессов, зависящих от типа и роста производства. Марксизм представлял четкую схему формирования и развития наций и их изменение в соответствии с конкретными историческими условиями. Во-первых, капитализм обеспечивает сначала создание государств, а затем и нивелирование национальных различий, так как требует кооперации национальных производств, за счет чего формируется всесторонняя связь и взаимозависимость наций друг от друга. Во-вторых, благодаря этим процессам буржуазия формировалась в единую нацию с единым на-

циональным интересом, невзирая на свое происхождение (т. е. государственную принадлежность) [15, с. 428]. В-третьих, буржуазии противостоит пролетариат, порожденный ею же. В этих условиях централизация национального и рабочего вопросов превращает пролетариат в мощную политическую силу [15, с. 429].

Единение наций с точки зрения классовой стратификации общества жизненно необходимо для победы пролетариата. Именно по этой причине Ф. Энгельс полагал, что ирландцы, борющиеся за свои права и против британского господства, могли достичь своих политических целей, только объединившись с английским чартистским движением [20, с. 402–403]. В этом же ряду стоит и его идея о том, что онемечивание славянских земель является исторически прогрессивным [21, с. 52]. Однако Ф. Энгельс не отрицал значимость кровного единства в ранней истории человеческого общества. Так, он полагал, что именно благодаря институту родовых связей стало возможно прогрессивное развитие больших человеческих коллективов и возникновение цивилизаций [22, с. 36], хотя в дальнейшем эта значимость отпала, уступив место принципу территориальности, т. е. месту постоянного пребывания индивида, которого стало достаточно для определения его принадлежности тому или иному сообществу [22, с. 119].

Формула прогрессивного развития человеческого сообщества, в ходе которой будут ликвидированы регрессивные нации, но останутся те, что способны к объединению и созданию условий для нового развития, стала базовой для марксизма. Работы Ленина и Сталина служат тому наглядным примером.

С точки зрения Владимира Ленина, нация как институт не представляет значимости для рабочих, которые не обладают полнотой национальных (гражданских) прав. В. И. Ленин, как и К. Маркс и Ф. Энгельс, не дал определение явлению нации, но подверг тщательному анализу существующее национальное движение. Он осознавал значимость нации именно как политической силы, хотя она не едина, так как в каждой нации присутствуют два типа культур — элементы демократической и социалистической культуры [9, с. 120]. В. Ленин полагал, что нации развиваются, формируют государства,

и благодаря воздействию сил капитализма они подвергаются ассимиляции и могут сплотиться в единое целое [10, с. 259]. Поэтому в больших государствах, в которых уже произошло некоторое сплочение нескольких народов, возможно прийти к социализму, поскольку централизованное крупное государство — это «шаг вперед по сравнению со средневековой раздробленностью и на пути к социалистическому единству всего мира» [9, с. 143–144].

В. И. Ленин особо подчеркивал при этом, что именно право на самоопределение любой нации позволяет осуществить добровольное, но не насильственное объединение наций в конечном итоге [11, с. 229; 12, с. 325]. Однако призыв к самоопределению наций вовсе не означает стремление к развалу существующих государств, так как это противоречит интересам пролетариата, нуждающегося в объединении сил [13, с. 70]. В целом Ленин связывал нации с человеческими сообществами, объединенными в рамках одного государственного образования (он выделяет нации угнетаемые и нации угнетенные, крупные и малые [14, с. 359]), но ставил их в жесткую зависимость от существующих классов и их социально-экономического положения. В. И. Ленин писал о рабочих в статье 1903 года, а их национальная принадлежность по сравнению с классовой имела второстепенное значение. Однако Ленин указал, что рабочие, представляющие национальные меньшинства, имеют право требовать национальную независимость. А в статье «О праве наций на самоопределение» 1914 года Ленин отмечал, что «самоопределение наций означает образование самостоятельного национального государства» [10, с. 301].

В отличие от В. И. Ленина, Иосиф Сталин все же дал определение нации. Его понимание довольно компактно, но при этом комплексное и не позволяет провести разграничение нации от других форм человеческих коллективов. И. В. Сталин писал, что «нация есть исторически сложившаяся общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. При этом нация, как любое другое историческое явление может изменяться, имеет начало и конец» [16]. Сталин подчеркивал, что только многочисленные связи между различными национальностями позволяют создавать единство [17].

Данное единство — конечный итог общественного развития всех наций [18; 19].

Однако политическая судьба нации базировалась в этой трактовке на этническом происхождении, иначе невозможно было бы зафиксировать различия народа, проживающего на территории империи, и предоставить ему право на самоопределение, исходя из этих различий [16, с. 310–311]. Поэтому принцип территориального деления, исходя из этнического состава населения, сохранялся в Советской России, а затем и в СССР. Более того, поощрялись национальные различия, которые поглощались только партией. Интересно, что некоторые нации были названы текучими национальными группами, незначительными по числу и вкрапленными в национальное большинство, среди которых были указаны латыши и эстонцы [5].

Ситуация осложнялась и тем, что нация трактовалась и через классовый подход. В частности, В. И. Ленин писал, что к нации относятся только «трудящиеся ранее угнетенных национальностей» и «... нас интересует более всего самоопределение пролетариата внутри наций» [10, с. 292].

Но классовый подход в отношении к нации «не спасал», и проблема национального шовинизма при этом все равно была. Интересно, что большевики боролись прежде всего с так называемым великорусским шовинизмом, хотя более критическим в плане межнационального взаимодействия стали примеры грузинского шовинизма против осетин, абхазцев, аджарцев; узбекский шовинизм против туркмен и т. д.

В дальнейшем советские республики, образованные по этнонациональному принципу, сохраняли в себе все элементы национализма, и единения по принципу классовой принадлежности до конца так и не произошло. Поэтому конфликтные факторы сохранялись. Ведь большевики слишком сосредоточились на победе диктатуры пролетариата, которая должна была автоматически решить национальный вопрос через установление равенства наций, что обеспечит их союз. В. И. Ленин определил такие этапы как «полное равноправие наций, затем самоопределение наций и слияние рабочих всех наций» [10, с. 320]. Определившиеся и освободившиеся от угнетателей самоопределившиеся нации могли выжить только

в союзе, т. е. объединение в рамках СССР рассматривалось как заключительный этап сотрудничества в едином, но многонациональном государстве.

Эти подходы во многом объясняют политику большевиков и их отношение к поднимающимся нациям на просторах бывшей Российской империи.

Часто вместо дефиниции «нация» использовалось слово «народ», принадлежность которого к империи связывалась исключительно с лояльностью власти. При этом признавалось разнообразие народов, которые требуют разнообразия и в подходах. Национальный вопрос также не рассматривался как принципиальный и большевиками. Но для формирования нации были важны одновременно как этническая, так и классовая составляющая, что сделало его громоздким и неясным.

* * *

Опираясь на принцип права народов на свободное самоопределение, РСФСР признавала новые самостоятельные государства, в том числе Эстонию, Латвию, Литву, и не противодействовала их так называемому национальному самоопределению.

Но и в межвоенный период общества на этих территориях делились на тех, кто поддерживал либо германскую, либо советскую сторону. И в политическом плане не было абсолютного единения. Ведь именно РСФСР помогала формироваться независимым государствам и оказывала содействие изгнанию немцев. Более того, можно даже удивляться «беспрецедентному либерализму» правительства Советской России в отношении данных государств, исходя из заключенных между сторонами мирных договоров [1]. Фактически речь идет об обеспечении формирования этих государств как самостоятельных при содействии советского правительства.

И эти позиции оспаривались с самого начала Германией и странами Антанты. Интересно при этом, что страны Запада не так и быстро признали независимость новых государств. Страны Прибалтики начали признавать де-юре с января 1921 года.

В итоге экономически эти государства все же были связаны с Советской Россией, а политически со странами Антанты. По-

следние относились к этим государствам как к буферу между Европой и большевистским влиянием. Интересно, что, когда финансовая поддержка этих государств истощалась, в странах Прибалтики начиналась акселерация национализма и формировались недемократические режимы.

Поддержка национальных особенностей данных стран была продолжена и после вхождения их в состав СССР. В отношении них, как и других республик, проводилась политика «коренизации», что означает предоставление преференций людям определенного социального и национального происхождения, а иными словами — политика этнизации с поддержкой национальных кадров, языка и национальной культуры. Большевики полагали, что нации, угнетаемые царизмом, должны иметь приоритет. Так русские перестали быть коренным народом на этих территориях. И, стремясь ликвидировать именно великорусскую державность, большевики сами способствовали развитию суверенитета на национальных территориях.

* * *

Сейчас мы наблюдаем аналогичную картину.

Странам Прибалтики, как и в начале XX века, также было позволено осуществить свое самоопределение. И снова эти процессы самоопределения были поддержаны даже экономически, невзирая на историческую практику этнизации и скачивания к недемократическим режимам.

Так, прибалтийские государства в 1990 году принимали декларации о восстановлении независимости, а период пребывания в СССР стали называть периодом «советской оккупации». А русские из большой нации превратились в национальные меньшинства, которые даже не были признаны как национальные меньшинства, невзирая на то, что многие века жили на Балтике, а сами земли и самоопределившиеся народы два века находились в Российской империи, а затем в составе СССР. Притом что это обеспечило длительное мирное развитие и даже позволило этим народам объединиться как нациям и сформировать свою государственность.

В странах Прибалтики, начавших строить свою независимую государственность, происходило ущемление прав национальностей, что коснулось именно русскоязычных сообществ.

Если в межвоенный период до установления авторитарных националистических диктатур в странах Прибалтики еще признавали наличие нацменьшинств, которые имеют право на образование на родном языке, то законодательство после 1990 года обеспечило абсолютно доминирующие позиции национальных языков так называемых титульных наций.

Таким образом, в странах Прибалтики именно в 1990-е годы окончательно возобладали идеи этнонационализма — это радикальная форма национализма, идея величия так называемой нации ядра, идея этнонационального государства, в котором есть место только одной этнической группе [7], что привело к поражению в правах солидной части населения (в Латвии и Эстонии). Идея «ядра» обрела буквальное воплощение в Латвии. Так, 19 июня 2014 года в качестве ответа латышской этнократической элиты на массовое выступление русских за сохранение своего родного языка в ходе проведения референдума в 2011–2012 гг., была принята преамбула к Конституции. В преамбуле подчеркивается, что «идентичность страны» определяется только латышскими и ливскими (ныне вымершим этносом) традициями, жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями [8].

Таким образом, страны Прибалтики никогда не строили государства вне этатистского подхода. Цель данных государств состояла в формировании этногосударственного единства, где этатистская связь между нацией, гражданством и государством основана на этнических факторах, т. е. именно на факторе происхождения. Многие государства постсоветского пространства после распада СССР длительное время выстраивают подобную государственность, в рамках которой необходимо полностью отказаться от своего происхождения, растворившись в титульной этничности (и только она имеет право именоваться нацией), чтобы стать ее частью, получить гражданство и все остальные преимущества. Таким образом, закрепление этатистской модели нации в рамках этногосударственного единства автоматически приводит к тому, что часть людей (иного происхождения, нежели главенствующий в государстве народ, ставший стержнем нации, а значит, и государства) выбрасывается «за борт».

Это один из вариантов трактовок этатистского понимания нации, который представлен рядом постсоветских государств, но это, конечно, не классический подход в понимании «национального государства». Хотя стоит в данном контексте вспомнить, что и французская этатистская модель не сразу сложилась и стала классической. Длительное время и там национальный вопрос был вопросом политическим. И сейчас мы периодически сталкиваемся с подобными угрозами.

Очевидно, что во многих случаях в тот или иной исторический отрезок времени главенствующая часть населения и государственные институты определяют, кто является частью нации, кто может вступить в гражданские отношения, а кто не имеет права на подобные отношения, т. е. на гражданство, и, значит, не может быть признанным частью нации. По этой причине в настоящее время очень многие европейские политологи осознают, что модель государства-нации все же не решила всех тех проблем, которые должна была решить. Ведь восприятие гражданства именно как привилегии в современном мире скоростей, транспортной инфраструктуры, открытого информационного пространства в контексте международного правового регулирования выглядит убого, а еще хуже — использование вопроса с гражданством в качестве политического инструмента.

Во многих новых государствах^а именно национализм стал политическим орудием в руках элиты. Это привело к ограничению прав человека по отношению к правам государства, так называемой политической нации. И создало ситуацию дискриминации именно по этническому признаку. И разделило общество на социальные страты привилегированных и непривилегированных по этническому принципу, коренных и некоренных, граждан и «неграждан» — опять же по этническому принципу, демонстрируя примеры этнонационализма.

^а В Латвии, Литве и Эстонии официально утверждена доктрина континуитета, согласно которой с 1918 г. — вне зависимости от реальных исторических событий — всегда существовала национальная государственность, провозглашенная в том году. В действительности же постсоветские республики Прибалтики в 1991 г. стали новыми независимыми государствами, усматривавшими для себя выгоды считаться де-факто восстановленными государствами, существовавшими де-юре с 1918 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Белковец Л. П., Шумская К. В.* Российско-латвийские отношения первого периода независимости Латвии в контексте восточной политики Германии // Социодинамика. 2013. № 4. С. 136-184. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_489.html (дата обращения: 12.03.2018).
2. *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь [репринт V издания 1899 г.]. М., 1992.
3. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь: 4-е изд. М., 1996.
4. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (дата обращения: 14.03.2018).
5. Десятый 1921 г. съезд РКП(б). Об очередных задачах партии в национальном вопросе // КПСС в резолюциях. Ч. 1. С. 558-561.
6. *Ермина Н. В.* Роль культурно-исторических особенностей этнических регионов в их взаимодействиях с «центром» в Великобритании (на примере Шотландии и Уэльса) // Клио. 2015. № 3 (99). С. 182-187.
7. *Ермина Н. В.* Нация: игра в слова и смыслы // Вопросы национализма. № 4 (24) (декабрь). 2015. С. 113-118.
8. Конституция Латвийской Республики. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57980> (дата обращения: 15.03.2018).
9. *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. Т. 24. Издание 5. М., 1973.
10. *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений. Т. 25. Издание пятое. М., 1969.
11. *Ленин В. И.* О национальной программе РСДРП // Полное собрание сочинений. Т. 24. Издание 5. М., 1973.
12. *Ленин В. И.* Еще о национализме // Полное собрание сочинений. Т. 24. Издание 5. М., 1973.
13. *Ленин В. И.* К вопросу о национальной политике // Полное собрание сочинений. Т. 25. Издание пятое. М., 1969.
14. *Ленин В. И.* К вопросу о национальностях или об автономизации // Полное собрание сочинений. Т. 45. Издание пятое. М., 1970.
15. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Сочинения. Издание второе. М., 1955. Т. 4.
16. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Просвещение. № 3-5. Март — май 1913 г. // Полное собрание сочинений в 16 томах. М., 1946. Т. 2.
17. *Сталин И. В.* Политика советской власти по национальному вопросу в России // Правда. № 226. 10 октября 1920 // Полное собрание сочинений в 16 томах. М., 1947. Т. 4.

18. *Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим. 18 марта 1929 г. // Полное собрание сочинений в 16 томах. М., 1949. Т. 11
19. *Сталин И. В.* К постановке национального вопроса // Правда. 1921. № 98 // Полное собрание сочинений в 16 томах. М., 1947. Т. 5.
20. *Энгельс Ф.* Фергюс О'Коннор и ирландский народ // Сочинения. Издание второе. М., 1955. Т. 4.
21. *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии // Сочинения. Издание второе. М., 1957. Т. 8.
22. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1989.
23. *Cordell K., Wolff St.* Ethnopolitics in Contemporary Europe // The Ethnopolitical Encyclopedia of Europe. Palgrave, 2014. URL: <http://www.stefanwolff.com/sample-chapters/enc-ch1.pdf> (дата обращения: 18.03.2018).
24. *Ichijo A.* Sovereignty and Nationalism in the Twenty-First Century: Scottish Case // Ethnopolitics. 06. 2009.
25. *Mycock A.* SNP, Identity and Citizenship: Re-imagining State and Nation // National Identities. 03.2012. 14 (1): 53-69.

Summary

Larisa Kangaspuro — Helsinki University,
Institute of History and Archaeology;
PhD in History, researcher at the Department of World Cultures.
Finland, 00014, Helsinki, Unioninkatu 37.
e-mail: larisa.kangaspuro@helsinki.fi

CRIME AND PUNISHMENT. THE FEATURES OF THE LEGAL POSITION OF THE GRAND DUCHY OF FINLAND

Summary. *Until today, the punishment of criminal wrongdoers is an indispensable part of state power. Crime control and criminal justice policy are essential parts of the political system. The Scandinavian countries differ in terms of both stability and softness of criminal policy.*

As Grand Duchy, Finland was part of the Russian empire and the Russian emperor reigned over Finland. However, Finland enjoyed substantial autonomy, especially when it came to domestic matters. Throughout the nineteenth century, Swedish laws were largely in force in Finland. It was also during the period in Finland that nationalistic sentiment started to evolve and people became more politically active pushing forward Finland's independence. Despite the considerable resistance of the metropolis, in 1894 the Grand Duchy of Finland succeeded in adopting a new progressive Criminal Code.

The paper utilizes a broad range of sources ranging from legislator memorandums and reports of officials of the Tsarist administration to expert opinions published in special journals. Analysis of historical and political development of the Grand Duchy of Finland and legal concepts makes this research a multidisciplinary study.

Key words: *the Grand Duchy of Finland, the Russian Empire, state power, the legal status of autonomy, the Criminal Code of Finland of 1894.*

Vladimir Olenchenko — Institute of world economy and international relations RAS; Doctor of law Sciences, senior research fellow, Centre European studies.
Russia, 117997, Moscow, GSP-7, ul. Profsoyuznaya, 23.
e-mail: olenchenko.vladimir@mail.ru

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF THE STATEHOOD OF LATVIA, LITHUANIA, ESTONIA IN 1917-1920

Summary. *Even 100 years after, questions remain about how to qualify correctly the events of 1917 in Russia, how the internal and external factors of those events were combined, why they ended this way, and not the other. In this framework, the interest in the circumstances of the Baltic separation from Russia remains relevant. It is just to raise the question of which concepts have served as the basis for this process. In particular, it is important to understand whether these concepts of internal property had already been there or were brought from the outside. The concept of unimpeded statehood prevailed. This happened not because this concept was more in demand. The fact that other competing concepts lost their power due to circumstances played its role. Such development determined the image of the Baltic States for the period 1918-1940.*

Key words: *experience of 1917 in Russia, Baltic, concepts of Baltic independence, carriers of concepts of separation from Russia, competition of concepts, multi-vector strategy.*

Irina Novikova — St. Petersburg State University;
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of
European Studies,
Dean of the Faculty of International Relations.
Russia, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 7-9.
e-mail: mez13@mail.ru

Nikolay Mezhevich — St. Petersburg State University;
Doctor of Economics, Professor of the Department of European Studies
Faculty of International Relations.
Russia, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 7-9.
e-mail: i.novikova@spbu.ru

**THE “GERMAN FACTOR” IN THE BALTIC STATES 1918
INDEPENDENCE PROCLAMATION PROCESS: THE HISTORY
AND MODERN POLITICAL EVALUATIONS**

Summary. *Memories of the past are politically regulated by the present in the Baltic States, which is due to the peculiarities of the politico-legal and historical bases of gaining independence both in 1918–1920 and in 1989–1991 that were based on numerous violations of the rights of peoples and individual people, civil wars, external military aggression and unique political opportunism. Numerous “white spots” of history inevitably push the Baltic states to a propaganda war, which can be replaced only by an objective study of the historical past only.*

Key words: *independence, international relations, the Baltic States, the formation of statehood.*

Aleksandr Rupasov — St Petersburg institute of History RAS;
Dr. of Sciences (History), corresponding member of the Finnish
historical society.
Russia, 197110, St. Petersburg, Petrozavodskaya street, 7.
e-mail: rupasov_ai@mail.ru

**THE ESTABLISHMENT OF ESTONIA'S INDEPENDENCE:
HOPES AND SKEPTICISM. 1917-1925**

***Summary.** The independence of the new States in the East Baltic in the late 1910s inevitably put these countries before the need for finding guarantees of its preservation. In addition to ensuring internal political stability (which was created to provide the state apparatus and the elimination due to the loss of economic ties with the former metropolis negative effects in the economy) Baltic States had to take the place in a radically altered geopolitical landscape that would safeguard the foreign security. With the implementation of this task, the situation was much more complicated than the solution of economic problems. Searching for the solutions the government of Estonia had to look for answers to the many foreign policy challenges constantly. The efforts of Estonian diplomacy have not brought results due to objective circumstances.*

***Key words:** revolution, independence, sovereignty, international relations, Baltic States.*

Jaak Valge — Tartu University, Institute of History and Archaeology;
PhD (History).
Estonia, 50090, Tartu, Ülikooli 18.
e-mail: Jaak.Valge@ut.ee

THE STAGES OF ACHIEVING ESTONIAN INDEPENDENCE (1905–1925)

Summary. *Although poets did write about Estonian independence prior to 1905, achieving independence was actually completely unrealistic under the conditions that existed back then. The first stage of achieving Estonian independence began with the revolution of 1905 and primarily consisted of the formation of the idea of Estonian autonomy and demanding autonomy.*

The second stage, which led to Estonia's declaration of independence, began in autumn 1917. After it became clear that the Russian Provisional Government could not prevent the eruption of chaos, the Bolsheviks seized power and Estonia came under the threat of German occupation. Estonian independence was declared just before Germans captured Tallinn.

The third stage — the realization of the declared independence — began in the autumn of 1918, after the fall of German occupation rule. The Estonian People's Force (Eesti Rahvavägi) succeeded in defending the country against the Red Army. On February 2, 1920, a peace treaty was signed between the Republic of Estonia and Soviet Russia.

The fourth stage was achieving economic independence. In economic terms, Estonia did not break with Russia, but Russia cast Estonia aside by suddenly cutting all previous economic ties. Estonia reacted to this with a shift in economic policy, which proved difficult and was realized in the second half of 1924. This meant that Estonia had now also achieved economic independence.

Estonia's choices during the first stages were quick reactions to external conditions. The choices made in the stages of realizing independence and achieving economic independence, however, were based more on the expectations of the Estonian people themselves.

Key words: *Estonia, autonomy, independence, Red Army, Tartu Peace Treaty, Estonian economy, coup d'état.*

Vladimir Simindey – “Historical Memory” Foundation;
Head of research programs;
Editor in chief of the “Journal of Russian
and East European Historical Studies”.
Russia, 119019, Moscow, Volkhonka, 5/6, building 9, room 77.
e-mail: simindei@mail.ru

AUTONOMIST AND SEPARATIST TENDENCIES IN LATVIA DURING WORLD WAR I

Summary. *The article examines the socio-political processes in Latvia (Courland, the southern counties of Livonia and the Latgalian part of the Vitebsk province of Russia) during the World War I. The reasons for the popularity of loyalist rhetoric at the beginning of the war against the Tsarist authorities are shown; the conditions for the radicalization of public sentiments and their interpretation in historiography and educational literature are revealed; the role of socio-demographic deformation in political processes is assessed. The author comes to the conclusion that the fate of Latvia was solved with the direct intervention of external forces in the conditions of military and post-war devastation, taking into account foreign «geopolitical» developments and ideological confrontation, but these factors do not always receive proper attention in the writings of historians referring to this topic.*

Key words: *Latvia, Latvians, World War I, German occupation, refugees, Revolution of 1917 in Russia, autonomist and separatist tendencies.*

Evgeniya Nazarova — Institute of World History
Russian Academy of Sciences;
Doctor of History, senior researcher of the Centre
for Nordic and Baltic History.
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, 32A.
e-mail: ezis08@gmail.com

**THE NATIONAL LATVIAN STATEHOOD IDEA DEVELOPMENT.
FEBRUARY, 1917 — JANUARY, 1918: FROM THE AUTONOMY
TO THE INDEPENDENT STATE**

***Summary.** The main theme of the paper is the development of the idea of the national statehood in Latvia in 1917. During the WWI the possibility of the national autonomy had been discussed by many nations of the Russian Empire. First of all it was connected with the formation of nation military units. Already in 1916 the first project of the Latvian autonomy within the Russian federative state was worked out. Still the Provisional Government, who came into power in February 1917, had no specific program of the national reform in the multinational state.*

The Provisional Government granted the right of self-determination to the northern part of Latvia — Vidzeme, but denied to unite three historical Latvian parts. This fact both with the Provisional government's refusal to declare Russia a Federal democratic Republic were incentives to pay attention to the national independence of Latvia. At the same time Latvians prepared to the All-Russian Constituent Assembly a last attempt to save Russian Federative Republic. In order to work out their common point of view on the Latvian autonomy which would be expounded at the Constituent Assembly, the Latvian National Provisional Council was formed. After the October revolution this Council headed the Latvian democratic society, opposing the Bolsheviks. The Bolsheviks tried to neutralize the influence of the Council declaring the Latvian Soviet Republic. The radical change of the political situation in Russia drew the Latvian Council's attention to the variant of the Latvian independence. The dissolution of the Constituent Assembly put an end to the hopes of Latvian political autonomy in the Russian Federal state.

***Key words:** the formation of the Latvian state, the program of the Latvian autonomy in the democratic Russian state in 1917, the national question in the program of the Russian Provisional Government, the leaders of the Latvian national-democratic movement, Latvian Provisional National Council, Latvian Soviet Republic in 1917-1918.*

Gennady Kretinin — Immanuel Kant Baltic Federal University;
Doctor of Historical Sciences, Professor,
professor of the Institute of the Humanitarian Studies.
Russia, 236016, Kaliningrad, ul. A. Nevsky, 14.
e-mail: gvkretinin@gmail.com

THE FORMATION OF LITHUANIA'S INDEPENDENCE AND RELATIONS WITH SOVIET RUSSIA

Summary. *At the turn of the millennium on the western frontiers of the ancient Russian state there began to form the states of its neighbors: first Poles, then Lithuanians. The relationship in such a triangle was initially complex. Realizing no one of them would stand in confrontation with the mounting power of Russia, the neighbors decided to unite. In that union the position of Poland was prevailing. The article analyzes the centuries-old relations of the three states, two of which acquired, lost and regained the sovereignty, conflict among them, especially after the end of the First World War. The special focus in the article is given on the relations of the new Lithuania and Soviet Russia in the context of the presence and influence of Poland on these processes.*

Key words: *Soviet Russia, Lithuania, Poland, sovereignty, confrontation, relations, states.*

Artem Barynkin — Saint-Petersburg State University;
PhD in History of International relations and Foreign Policy, Senior
Lecturer of Department of European Studies, School of International
Relations.
Russia, 199034, Saint-Petersburg, University Embankment, 7-9.
e-mail: avbarinkin@yandex.ru

**THE “LITHUANIAN FACTOR”
IN THE SOVIET-POLISH RELATIONS IN 1918–1919**

Summary. *The article examines the role of the “Lithuanian factor” in the formation and development of Soviet-Polish relations at the turn of 1918–1919. At that time, Lithuanian and Belarusian lands became the subject of a dispute between two independent republics — Soviet Russia and Poland. In the geopolitical constructions of Warsaw and Moscow this region occupied a special position. At the initiative of the Russian Bolsheviks, the Lithuanian-Belarusian Republic was created, which existence was closely linked with the need to protect against military expansion from the west. At the expense of LitBel in particular it was intended to implement a number of territorial concessions to the Polish side in order to avoid a large-scale military confrontation. Moscow’s peace initiatives, which were contrary to the position of the Polish communists and the leadership of LitBel, did not receive a positive response in Warsaw, which led to the military seizure of Vilno on April 19, 1919.*

Key words: *G.V. Chicherin, Polish communists, Vilno, A. Ventskovsky, LitBel, Belorussia, the Western Front.*

Alexey Komarov — Institute of World History Russian Academy of Sciences;
PhD, Leading Research Fellow, Head of the Centre for Nordic and Baltic History.

Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, 32A.

e-mail: alexeykomarov@yandex.ru

Evgenia Tokareva — Institute of World History Russian Academy of Sciences;

Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Head of the Centre on the History of Religion and Church.

Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, 32A.

e-mail: estokareva@yandex.ru

THE RELIGIOUS FACTOR AND IDENTITY-BUILDING IN THE BALTIC STATES BETWEEN THE WORLD WARS

Summary. *The article is devoted to the role of the religious factor in the development of the new independent states that emerged in the Baltic region with the dissolution of the Russian Empire. The genesis and strengthening of national identity was an important task for these new bordering states. The religious factor played an important role in its implementation. One of the priorities was to break the limitrophes' Orthodox Churches away from the Russian Orthodox Church and to ensure an autocephaly status — or at least full autonomy — for them. At the same time the new Baltic States relied on Western powers' support for the consolidation of their independence and regarded the Holy See as one of their influential protectors. That was especially relevant for Estonia and Latvia, as the relations between the Vatican and Lithuania were complicated by the Polish issue. Papal emissaries in Lithuania (and to some extent in Latvia) were often suspected of being pro-Polish and, therefore, hostile to these states' interests. In all Baltic States, however, the Catholic Church was regarded as a force capable of consolidating and strengthening national identity.*

Key words: *Estonia, Latvia, Lithuania, the Holy See, national identity, Orthodoxy, Catholicism.*

Ilja Nikiforov — Russian Academic Society of Estonia;
Master of Philosophy.
Estonia, 10111, Tallin, Mere pst 5.
e-mail: ilja58@gmail.com

TALLINN-REVEL CITY'S ANTHROPOLOGY AND SEMIOTICS DURING THE REVOLUTION OF 1917-1920

Summary. *The city of Tallinn (called Revel till 1918) is a good example of a locus in which the historically predominant semiotic organization of urban space interacts with different cultural traditions and strategies of behavior.*

The economic boom of the early twentieth century facilitated the active migration of skilled workers from Russian provinces with a developed industrial production to Estonia.

After the Bolsheviks signed the Russian-German peace treaty, Russian troops were withdrawn. Together with them, Russian officials, their families, Russian industrial workers and engineers fled the German occupation. The Russian population of Tallinn decreased to several times. On this demographic background, there emerged the Republic of Estonia as a national state.

As a rule, the state fixes images and imperatives established in the public consciousness to understand the history of the country and people within a certain cultural paradigm. Changing the names of cities, towns and streets is one of the most notable manifestations of the symbolic appropriation of space within the framework of the policy of historical memory.

To 1917 a toponymic picture of Tallinn with the participation of Russian inhabitation, with political efforts of the official St. Petersburg for "integration" of the Baltic provinces, was created in Tallinn. The semiotic balance was supported by the German Ostsee tradition and the growing self-awareness of the local Estonian majority.

Proclaimed in February 1918, the Republic of Estonia needed additional legitimation not only because of the «right of nations to self-determination», but also for securing this right in a system of visual symbols. The semioze of the city landscape was to emphasize the national character of the new state, contrasted with the old imperial symbols.

Key words: *History of Estonia, Estonian Republic, urban anthropology, historical memory.*

Natalia Eremina — Saint-Petersburg State University;
Doctor of Political Science, PhD in History,
Associate Professor, School of International Relations.
Russia, 199034, Saint-Petersburg, University Embankment, 7-9.
e-mail: nerem78@mail.ru

**PROBLEM OF INTERPRETATION OF DEFINITIONS
OF A “NATION” AND “SELF-DETERMINATION”
AT THE BEGINNING OF THE XX AND XXI CENTURIES
(THE BALTIC STATES’ CASE)**

***Summary.** Changing ideas of a “nation” and transforming interpretations of self-determination of peoples allow to understand state and nation evolution through historical perspective. In case of Baltic states these positions do not only perform key aspects of Baltic states in crisis periods of time in the beginning and in the end of the XX century towards the beginning of the XXI century but also identify main positions of foreign policy of Baltic states towards Russia.*

***Key words:** nation, ethnicity, right of peoples for self-determination, nation-state, discrimination, national minority.*

Сведения об авторах

БАРЫНКИН Артем Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Россия.

ВАЛГЕ Яак, доктор философии (история), доцент кафедры новейшей истории Института истории и археологии Тартуского университета. Эстония.

ЕРЁМИНА Наталья Валерьевна, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

КАНГАСПУРО Лариса Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры культур Университета Хельсинки. Финляндия.

КОМАРОВ Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей истории РАН.

КРЕТИНИН Геннадий Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта. Россия.

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович, доктор экономических наук, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Россия.

НАЗАРОВА Евгения Львовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей истории РАН. Россия.

НИКИФОРОВ Илья Владимирович, магистр философии, историк, член Русского академического общества Эстонии. Эстония.

НОВИКОВА Ирина Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры европейских исследований, декан

факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Россия.

ОЛЕНЧЕНКО Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института имени Е. М. Примакова Российской академии наук (РАН). Россия.

РУПАСОВ Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; член-корреспондент Финляндского исторического общества. Россия.

СИМИНДЕЙ Владимир Владимирович, специалист (история), руководитель исследовательских программ Фонда «Историческая память»; главный редактор «Журнала российских и восточноевропейских исторических исследований». Россия.

ТОКАРЕВА Евгения Сергеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра истории религии и Церкви Института всеобщей истории РАН. Россия.

Именной указатель

А

- Аавиксоо Я. (Aaviksoo J.) — 35-36
Адамсон А. — 36
Аде П. (Ahde P.) — 146
Айрапетов О. Р. — 134
Акель Ф. — 48
Акуратерс Я. (Akuraters J.) — 82
Александр I — 9, 94
Александр II — 138
Александр III — 5, 14-16
Александр (Паулус) — 120
Алексеев М. В. — 81
Андреева Н. С. — 27
Арат А. — 125, 128-131
Арумяз Х. (Arumäe H.) — 49
Ахти М. (Ahti M.) — 47, 49

Б

- Балодис А. (Balodis A.) — 78
Бартеле Т. — 91
Барынкин А. В. (Barynkin A.) — 104, 107, 173
Баторшина И. А. — 37
Баумерт И. — 77
Белковец Л. П. — 63, 160
Бенедикт XV, Папа Римский — 120-121
Бергс А. — 69
Берендсен Р. (Berendsen R.) — 62
Берзиньш В. (Bērziņš V.) — 83, 91
Бермондт-Авалов П. Р. — 74
Бернштам Л. — 144
Блейере Д. — 77
Блэдникс А. — 125
Бобриков Н. И. — 80
Богов В. А. — 27
Болл Дж. (Ball G.) — 6
Боровой В. — 133
Бородкин М. М. — 11
Брейдак А. Б. — 91
Брешко-Брешковская Е. К. — 54
Бродский К. — 110-111
Бутулис И. — 67, 77

В

- Вакар М. — 102
Валге Я. (Valge J.) — 44-45, 48-51, 63, 164, 172
Валдмаа С. — 36

Вальден Р. — 42
Варейкис В. — 101, 103
Варзар В. Е. — 63
Вацетис И. И. — 107, 110
Вейсман А. Д. — 160
Вейтко В. — 105
Веллманн К. (Wellmann C.) — 146
Венк — 107
Венцковский А. — 104, 107-108, 110-113
Вигантас В. — 101
Вильгельм II — 83
Вильде Э. — 5
Витковский А. — 37
Волф Ст. (Wolff St.) — 161
Воробьёва Л. М. — 27, 37, 65, 77
Врангель П. Н. — 99
Вышчелский Л. (Wyszczelski L.) — 113

Г

Гаврилин А. В. — 133
Гайворонский К. С. — 77
Гайосинскас А. И. — 133
Ганецкий Я. С. — 43-44, 110-111, 114
Гедимин(ас) — 95
Герих П. — 46
Герман (Аав) -119
Германис У. (Germanis U.) — 81, 84, 89, 91
Геруа Б. В. — 41
Голдмане С. (Goldmane S.) — 78
Голдманис Я. — 66, 69-70, 81-82, 85, 87, 90
Грабковский В. — 49
Граф М. (Graf M.) — 62, 147
Грюнер Э. Г. — 45
Гудавичюс Э. — 94, 102

Д

Данилов А. — 133, 147
Дауге П. — 83
Дворецкий И. Х. — 160
Деллингстаузен Э. — 57
Дзеккини А. — 122, 124-125, 127-129
Долецкий Я. — 111
Дризулис А. (Drizulis A.) — 72, 75
Дусаев Р. Н. — 12, 15-16
Д'Эрбиньи М. — 127-128

Е

Елевферий (Богоявленский) — 117
Еленев Ф. — 17
Епинатьев А. — 138
Ерёмина Н. В. (Eremina N.) — 149, 160, 173

Ж

Жюгджа Р. Ю. — 102

З

Залитис Я. — 2, 69-70, 81, 87
Зеттерберг С. (Zetterberg S.) — 50, 63, 91, 147
Зиновьев Г. Е. — 40
Зубкова Е. Ю. — 140
Зунда А. — 67, 77

И

Иванов В. В. — 31, 37
Ингман Л. — 42
Иоанн (Булин) — 120
Иоанн (Поммер) — 118
Иоффе А. А. — 106, 108-109, 111, 114
Исаков С. Г. — 5, 134, 147
Ичиджо А. (Ichijo A.) — 161

К

Кабанов Н. Н. — 27
Кангаспуро Л. В. (Kangaspuro L.) — 8, 162, 172
Карьяхарм Т. (Karjahärm T.) — 62, 91
Каспаравичюс А. (Kasparavičius A.) — 133
Кастрен К. — 42
Кац Й. — 145, 148
Кемпс Ф. (Kemps F.) — 83, 91
Керенский А. Ф. — 21, 54, 89
Кивiorг М. (Kiviorg M.) — 133
Кингисепп В. — 56
Клемансо Ж. — 105
Клинге М. — 17
Клингер З. — 105
Клишанс В. (Klišāns V.) — 78
Клявиня А. (Kļaviņa A.) — 78
Ковригин А. И. — 41
Колеров М. А. — 134
Комаров А. А. (Komarov A.) — 115, 133, 169, 173
Копп В. — 47
Корделл К. (Cordell K.) — 161
Корево Н. Н. — 10
Коркунов Н. М. — 11
Корнилий, митрополит Таллинский и всея Эстонии — 138
Креслиньш У. (Kresliņš U.) — 36, 72
Кретинин Г. В. (Kretinin G.) — 92, 167, 172
Кукушкина И. А. — 37
Курлович Г. (Kurlovičs G.) — 77-78
Кяупа З. — 37

Л

Лааман Э. (Laaman E.) — 62
Лаар А. — 119

Лазаровскис Н. (Lazarovskis N.) — 80
Лайдонер Й. — 145
Ланник Л. В. — 75
Ленин В. И. — 21, 39, 44, 50, 108-109, 111, 114, 153-155, 160
Лепшик Я. — 49
Ливен А. (Lieven A.) — 6
Лиготню Е. (Ligotņu J.) — 89, 91
Линно Г. — 45
Лотман Ю. М. — 142, 148
Льюс А. (Lüüs A.) — 62
Лякуб П. М. — 11

М

Маде В. (Made, V.) — 50
Мажилис Л. — 32
Майкок А. (Muscok A.) — 161
Мальшев К. — 17
Манасеин Н. А. — 14
Манкевич М. А. — 37, 133
Маркс К. — 73, 152-153, 160
Марчетти-Ферранте Дж. — 47
Матулайтис Е. С. — 102
Межевич Н. М. — 7, 28, 172
Мейеровиц З.-А. — 49, 87, 89, 116, 122-124
Мелетий IV, Патриарх Константинопольский — 119
Меннинг Б. — 134
Миллер В. О. — 37
Миндовг П. — 31
Мисане И. (Misāne I.) — 78
Михайлова Ю. Л. — 49-50
Михутина И. В. — 114
Мицкевич А. — 96
Мишке В. — 70
Монтескьё Ш. — 150
Морган Л. Г. — 161
Муйжниекс Н. (Muižnieks N.) — 146
Мунтерс В. — 126
Мяги А. (Māgi A.) — 62
Мяэлтсемеэс С. (Mäeltseemes S.) — 62
Мяэсалу А. — 37

Н

Навицкас К. — 101-102
Назарова Е. Л. (Nazarova J., Nazarova E.) — 79, 91, 166, 172
Невакиви Ю. — 17
Ниедра А. — 74
Никифоров И. В. — 36, 135, 148, 173
Николаев А. Б. — 91
Николай II — 21
Новикова И. Н. (Novikova I.) — 17, 28, 163, 172
Нольде Б. Э. — 16-17

О

- Оболенский И. М. — 13
Олафс В. — 69
Оленченко В. А. (Olenchenko V.) — 18, 163, 172
Ордин К. Ф. — 11
О'Коннор Ф. — 161
О'Рурк Э. — 122-123, 127
Остен-Сакен В. — 17

П

- Паасикиви Ю. К. — 42
Паламетс Х. (Palamets H.) — 146
Парк А. (Park A.) — 146
Парсаданова В. С. — 114
Паюр А. (Pajug A.) — 37, 62
Петров И. В. — 133
Перна В. (Perna V.) — 133
Пертсель Я. — 45
Пестковский С. С. — 108
Пётр I — 137, 143, 145
Пий XI, Папа Римский (Patti A.) — 121
Пийп А. (Piip A.) — 36, 62
Пилсудский Ю. — 95, 98, 105-106
Плаканс А. — 134
Полунов А. Ю. — 134
Понятовский С. — 93
Поска Я. — 42, 54, 56
Прекуп И. — 134
Приедкалнс А. — 85
Профитглих Э. — 128, 130-131
Пуронас В. — 98, 102
Пухляк О. Н. — 66, 77
Пылд П. — 42
Пятс К. — 62, 128-130, 145
Пятс Н. — 131

Р

- Рааг А. (Raag A.) — 63
Райнис Я. (Rainis J.) — 84
Раясалу Т. (Rajasalu T.) — 146
Риземан М. — 5
Рингвез Р. — 126
Ринк Я. — 45
Рогинский В. В. — 49-50
Розенталь Р. (Rosenthal R.) — 49-50, 63
Розинь Ф. — 73
Рубинштейн К. И. — 102
Рубцов А. Ф. — 102
Рупасов А. И. (Rupasov A.) — 38, 164, 172
Руссо, Ж.-Ж. — 151
Руусман А. (Ruusman A.) — 62

С

- Свечин А. А. — 67, 77
Свинхувуд П. Э. — 42
Скудра О. (Skudra O.) — 146
Сенкевич Г. — 96
Серафим (Лукьянов) — 119
Сергеевский Н. Д. — 11, 13, 17
Сийливаск К. (Siilivask K.) — 34, 36, 62
Симиндей В. В. — 27, 64, 78, 172
Сирк В. (Sirk V.) — 62
Случевский В. К. — 17
Сметона А. — 98
Снапковский В. — 114
Снельман Й. В. — 16
Спрингович А. — 122-123, 126
Сталин И. В. — 153-154, 160-161
Стегний П. В. — 103
Стенрут О. — 42
Страндман О. — 129
Страубе Г. — 37
Страубе Л. (Straube L.) — 78
Стучка П. (Stučka P.) — 84
Стучка Д. (Stučka D.) — 84
Сүни Л. В. — 17

Т

- Таганцев Н. С. — 11, 13-17
Тамминг М. (Tamming M.) — 49-50
Теслефф В. — 42
Тиит Э.-М. (Tiit E.-M.) — 63
Тихон, Патриарх Московский и всея России — 118
Токарева Е. С. (Tokareva E.) — 115, 133, 169, 173
Томашунс А. (Tomašūns A.) — 77-78
Троцкий Л. Д. — 40
Трошина Т. И. — 78
Тыниссон Я. — 42

У

- Улманис К. — 2, 74-75, 85, 118, 126
Улуотс Ю. (Uluots J.) — 34, 36
Уншлихт И. С. — 110-111
Урах В. — 31
Урбанович Я. — 32-33, 37
Урбшене М. — 103

Ф

- Фелдманис И. — 77
Фоменко А. В. — 78
Фредерик I — 9
Фрейнбергс К. (Freinbergs K.) — 81
Фриш Э. Ф. — 14

Х

- Халлик К. (Hallik K.) — 146
Хентиля С. — 17
Хьюз Ч. Э. — 76

Ц

- Церузис Р. (Cēruzis R.) — 83
Цыгановс Ю. (Ciganovs Ju.) — 91

Ч

- Чаксте Я. — 69, 87
Чейсти П. — 134
Чепайтене Р. — 37
Чепинскис В. — 98
Чичерин Г. В. — 104, 108-109, 111-112
Чубарьян А. О. — 91
Чубиньский А. (Czubiński A.) — 113

Ш

- Шалда В. (Šalda V.) — 78
Швак Т. — 134
Шварц А. В. — 41
Шекендорф А. — 58
Шилиньш Я (Šiliņš J.) — 83, 91
Шубин (Самарин) И. — 103
Шумская К. В. — 63, 160

Э

- Эзергайлис А. — 72
Эйдинтас А. — 29
Эйнбунд (Ээнпалу) К. — 129
Эланго Ы. (Elango Ū.) — 62
Энгель-Брауншмидт А. — 5
Энгельс Ф. — 152-153, 160-161

Ю

- Юренёв К. К. — 43-44
Юссила О. — 17
Юхтунд Й. — 119

Я

- Яжборовская И. С. — 114
Ямпольский В. — 37
Ярве П. (Järgve P.) — 146
Ярвет Ю. (Кузнецов Г.) — 146

Географический указатель

Список сокращений, использованных в указателе

Вел. — Великое	обл. — область
г. — город	оз. — озеро
гос-во — государство	пров. — провинция, провинции
губ. — губерния, губернии	р. — река
ж/д ст. — железнодорожная станция	респ. — республика, республики
имп. — империя	св. — свет
ист. — историческая	СПб. — Санкт-Петербург
кн. — княжество	стр. — страны
М. — Москва	у. — уезд
нас. пункт — населенный пункт	ч. — часть

А

Алитус, г. (Олита) — 105, 107
Англия, гос-во (См.: Великобритания) — 98
Антанты, стр. (Антанта) — 24, 29, 31, 43-44, 58, 60, 74-75, 76, 97, 105, 121, 156
Австро-Венгерская, имп. — 3, 120
Аргентина, гос-во — 60
Армения, гос-во — 20
Архангельск, г. — 23, 78
Архангельская, губ. — 69
Ашмянский, у. — 100
Ашмяны, г. — 100

Б

Бабите, оз. — 72
Балтии, стр. (Балтия; балтийские, стр. и пров.; Baltic. См.: Прибалтика) — 19, 38, 43, 45-49, 60, 101, 116-117, 120, 124, 131, 163-164, 169-171
Балтийское, море (Балтика) — 55
Барановичи, г. — 107
Башкирия, респ. — 20
Белоруссия, гос-во — 68, 104-105, 109, 113
Белосток, г. — 107, 117
Берлин, г. — 32-33, 35
Брест-Литовск, г. (Брест) — 30-31, 37, 40, 56-57, 99, 107
Британия (См.: Великобритания) — 34

В

Валка, г. — 89
Валмиера, г. — 90
Варшава, г. — 26, 49, 98, 103-105, 107, 112
Ватикан, гос-во — 24, 115, 120-124, 126-128, 130-133
Великобритания, гос-во — 24, 49, 60, 75, 90, 116
Видземе, ист. обл. (Vidzeme) — 68, 71, 79, 82, 85-86, 89-90, 166

Видземская, губ. — 85
Виленская, губ. (Вильнюсская) — 94-95, 97, 99-102
Виленский, край (Виленщина) — 95, 100
Виленский, у. — 95
Вильнюс, г. (Вильно, Вильна) — 30, 95, 97-102
Вирбалис, г. (Вержболово) — 107
Витебская, губ. — 64, 68, 82, 85, 90
Воронеж, г. — 97, 140
Восточная Пруссия, ист. обл. — 67

Г

Галиция, ист. обл. — 108
Гельсингфорс, г. (См.: Хельсинки) — 42, 49
Германия, гос-во (Германская империя, III рейх; German) — 19, 21, 23-26, 30-32, 34-35, 40-41, 46-47, 58, 61, 65, 70, 75, 83, 97-98, 101, 116, 129, 156, 163, 165-166, 170
Гробинский, у. — 99
Гродненская, губ. — 97, 99
Гродненский, у. — 100
Гродно, г. — 67, 100, 107, 117
Грузия, гос-во — 20, 34, 44

Д

Дания, гос-во — 59
Двинск, г. (Даугавпилс) — 67
Двинский, у. — 33
Дерпт, г. (См.: Тарту) — 143
Древнерусское, гос-во — 92

Е

Европа, ч. св. — 39-40, 45, 74, 92, 106, 150-152, 157
Елгава, г. (См.: Митава) — 67, 72

Ж

Жемайтия, ист. обл. — 22, 94

З

Занаровье, ист. обл. — 140-141
Западная Двина, р. (Даугава) — 67, 74

И

Изборск, г. — 140
Изборская, вол. — 140
Илукстский, у. — 99
Ингерманландия, ист. обл. — 11
Италия, гос-во — 60

К

Калининград, г. (Kaliningrad) — 92, 102, 148, 167
Каунас, г. (Ковно) — 95, 97, 103, 107, 122
Киев, г. — 88
Кирхгольм, нас. пункт (Саласпилс) — 67
Китай, гос-во — 139

Клайпеда, г. (Мемель) — 23
Кобрин, г. — 99
Ковенская, губ. (Каунасская) — 97, 99
Кошедары, нас. пункт. (Кайшядорис) — 105
Краков, г. — 95
Куремяэ, нас. пункт (Пюхтица) — 134
Курземе, ист. обл. — 68, 71-72, 82-83, 85, 89
Курляндская, губ. (Курляндия) — 19, 22, 57, 64-68, 70, 74, 77, 93, 97, 99, 122, 126

Л

Латгалия, ист. обл., пров. — 22, 32-33, 83, 89-90, 122-125
Латвия, гос-во (Латвийская Республика, Латвийская ССР; Latvia, Latvian Soviet Republic) — 3, 5-6, 18-19, 23-25, 27, 29, 31-37, 40, 43-45, 47, 49, 58, 64-65, 70, 72-77, 79-80, 82-90, 98-99, 102, 115-116, 118, 121-126, 128, 131-132, 156, 158-159, 163, 165-167, 169
Ленинградская, обл. — 45
Ливонский, орден — 4, 23
Лида, г. — 100, 107
Лидский, у. — 100
Лиепая, г. (Либава) — 66-67, 126
Лифляндская, губ. (Лифляндия) — 4, 19-20, 22, 52-53, 57, 64-66, 69, 75, 77, 82, 85, 137
Литва, гос-во (Литовская Республика, Литовская ССР; Lithuania) — 3, 5-6, 18-19, 22, 25, 27, 29-36, 40, 43-44, 47, 57, 68, 76, 92-102, 105, 109, 115-118, 121-122, 124, 128, 132, 156, 159, 163, 167-169
Литовские, губ. — 3-4
Литовско-Белорусская Советская Социалистическая республика, гос-во (ЛитБел, Литбел) — 97-98, 104, 106, 108-113
Литовское, Вел. кн. — 6, 31, 93
Лондон, г. — 35, 47, 49, 98
Лунинец, нас. пункт — 107
Львов, г. — 108
Люцинский, у. — 33

М

Малая Литва, ист. обл. (Прусская Литва) — 97
Мемель, г. (Клайпеда) — 23, 107
Мемельский, край (Клайпедский) — 97, 101
Минск, г. — 102
Минская, губ. — 99
Митава, г. (Елгава) — 67, 72
Москва, г. (М.; Moscow) — 25, 33, 43-48, 61, 76, 86, 88, 104, 107-110, 118, 131, 168
Мосты, нас. пункт — 107

Н

Нарва, г. — 41, 43, 54, 58-59, 140-141
Нова Вилейка, ж/д ст. — 106
Новогрудский, у. — 99

О

Ораны, нас. пункт. — 105
Османская, имп. — 3

Остзейские, губ. — 3-4, 32, 34

П

- Париж, г. — 35
Петербургская, губ. (Петроградская) — 41, 140
Печорский, край — 140-141
Печоры, г. — 130, 140
Польша, гос-во (Poland) — 19-21, 25-27, 31, 34, 46-47, 49, 57, 60, 67, 75, 92-98, 100-102, 104-105, 108-111, 116-118, 121-122
Прибалтийский, край — 3, 66
Прибалтика, рег. (Прибалтики, стр.; прибалтийские, респ.; Балтия; Балтии, стр.) — 19, 21, 24, 80-81, 85, 115, 122, 128, 132, 135, 137, 144, 157
Пружаны, г. — 99
Пруссия, гос-во — 23
Псков, г. — 58
Псковская, губ. — 140
Пярну, г. — 40

Р

- Ревель, г. (См.: Таллин) — 40, 42, 45, 135-140, 143-145
Резекне, г. (Режица) — 32
Режицкий, у. — 33
Речь Посполитая, гос-во — 4, 26, 93, 95
Рига, г. (Rīga) — 27, 32, 44, 53, 55, 66-68, 74, 84, 86-87, 89, 122-125, 127, 145
Россия, гос-во (Российская империя, Советская Россия, РСФСР, Российская Федерация; Russia, Russian Empire) — 8-9, 11, 13-16, 18-21, 23-26, 29-31, 33-36, 39, 41, 43, 45-48, 51-61, 64-66, 68-69, 71, 73, 75-76, 79-82, 86-90, 92-99, 101, 104-106, 109-113, 115-116, 119-121, 129, 131-132, 135, 152, 162-163, 165-169
Румыния, гос-во — 47

С

- Санкт-Петербург, г. (СПб., Петербург, Петроград, Ленинград; St. Petersburg, Petrograda) — 4-6, 9, 11, 14, 35, 40-41, 56, 69-70, 74-75, 144, 170
Свенцянский, у. — 95
Селигер, оз. — 138
Скандинавские, стр. (Скандинавия; Scandinavian countries) — 8, 162
Слоним, г. — 107, 117
Советский Союз, гос-во (СССР) — 48-49, 61, 100-102, 132, 155-158
Соединенные Штаты Америки, гос-во (США) — 43, 60, 75-76, 116
Старая Финляндия, ист. обл. — 9, 11
Стокгольм, г. (Stockholm) — 49
Сувалки, г. — 107
Сувалкская, губ. — 97, 99

Т

- Таллинн, г. (Ревель; Tallinn) — 44-45, 48-49, 51, 54, 56-59, 135-145, 165, 170
Тарту, г. (Дерпт, Юрьев; Tartu) — 60, 82, 140, 143, 145, 165
Тевтонский, орден — 23
Тильзит, г. — 107
Тирельпурвс, болото — 67
Томск, г. — 102
Тоомпеа, ч. г. Таллина, замок — 56

Трокский, у. — 95

У

Украина, гос-во — 20, 34, 98

Ф

Финляндия, гос-во (Finland) — 6, 8-10, 12-16, 19-21, 26, 34, 42-43, 46-47, 49, 59-60, 80, 98, 116, 118-119, 124, 127-128, 162

Финляндское, Вел. кн. — 3, 8-9, 11-12, 14-16

Франция, гос-во — 24, 46, 60, 75

Х

Хельсинки, г. (Helsinki) — 42, 49, 162

Ч

Четверной союз (Центральные державы) — 33, 56

Чудское, оз. — 137

Ш

Швейцария, гос-во — 53

Швеция, гос-во — 9, 11, 24, 59, 127-128

Щ

Эстляндская, губ. (Эстляндия) — 4, 19-20, 22, 40, 52-54, 57-58, 69, 85, 137-138, 143

Эстляндская трудовая коммуна, гос-во — 58-59

Эстония, гос-во (Эстонская Республика, Эстонская ССР, ЭССР; Estonia) — 3, 5-6, 18-19, 23-25, 27, 29, 33-36, 38, 40-49, 51-62, 76, 98, 102, 115-116, 119-122, 125-132, 135-136, 138-141, 144, 156, 158-159, 163-165, 169-170

Ю

Юрьев, г. (См.: Таллин) — 140, 143, 145

Юрьевский, у. — 4

Содержание

Предисловие	3
Лариса Кангаспуро ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО	8
Владимир Оленченко КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ, ЭСТОНИИ В 1917-1920 ГГ.	18
Ирина Новикова, Николай Межевич ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ГОСУДАРСТВАМИ ПРИБАЛТИКИ В 1918 Г.: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ.....	28
Александр Рупасов СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ЭСТОНИИ: НАДЕЖДЫ И СКЕПСИС. 1905-1925 ГГ.	38
Як Валге ФАЗЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ЭСТОНИИ 1905-1925 ГГ.....	51
Владимир Симиндей АВТОНОМИСТСКИЕ И СЕПАРАТИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛАТВИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	64
Евгения Назарова РАЗВИТИЕ ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛАТВИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. ФЕВРАЛЬ 1917 — ЯНВАРЬ 1918: ОТ АВТОНОМИИ К НЕЗАВИСИМОСТИ.....	79
Геннадий Кретинин ФОРМИРОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛИТВЫ И ОТНОШЕНИЯ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ.....	92
Артем Барынкин «ЛИТОВСКИЙ ФАКТОР» В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1918-1919 ГГ.	104
Алексей Комаров, Евгения Токарева РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ПРИБАЛТИКИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ.....	115

Илья Никифоров

АНТРОПОЛОГИЯ И СЕМИОТИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
РЕВЕЛЯ-ТАЛЛИНА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917-1920 ГГ. 135

Наталья Ерёмина

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ НАЦИИ
И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX И В НАЧАЛЕ XXI В.
НА ПРИМЕРЕ СТРАН ПРИБАЛТИКИ 149

Summary 162

Сведения об авторах 174

Именной указатель 176

Географический указатель 183

Contents

Introduction	3
Larisa Kangaspuro CRIME AND PUNISHMENT. THE FEATURES OF THE LEGAL POSITION OF THE GRAND DUCHY OF FINLAND	8
Vladimir Olenchenko THE CONCEPTUAL BASIS OF THE STATEHOOD FORMATION OF LATVIA, LITHUANIA AND ESTONIA IN 1917-1920.	18
Irina Novikova, Nikolay Mezhevich THE “GERMAN FACTOR” IN THE BALTIC STATES 1918 INDEPENDENCE PROCLAMATION PROCESS: THE HISTORY AND MODERN POLITICAL EVALUATIONS	28
Aleksandr Rupasov THE ESTABLISHMENT OF ESTONIA’S INDEPENDENCE: HOPES AND SKEPTICISM. 1917-1925	38
Jaak Valge THE STAGES OF ACHIEVING ESTONIAN INDEPENDENCE (1905-1925)	51
Vladimir Simindey AUTONOMIST AND SEPARATIST TENDENCIES IN LATVIA DURING WORLD WAR I	64
Evgeniya Nazarova THE NATIONAL LATVIAN STATEHOOD IDEA DEVELOPMENT. FEBRUARY, 1917 — JANUARY, 1918: FROM THE AUTONOMY TO THE INDEPENDENT STATE	79
Gennady Kretinin THE FORMATION OF LITHUANIA’S INDEPENDENCE AND RELATIONS WITH SOVIET RUSSIA	92
Artem Barynkin THE “LITHUANIAN FACTOR” IN THE SOVIET-POLISH RELATIONS IN 1918-1919	104
Alexey Komarov, Evgenia Tokareva THE RELIGIOUS FACTOR AND IDENTITY-BUILDING IN THE BALTIC STATES BETWEEN THE WORLD WARS.	115

Ilja Nikiforov

TALLINN-REVEL CITY'S ANTHROPOLOGY AND SEMIOTICS
DURING THE REVOLUTION OF 1917-1920 135

Natalia Eremina

THE "NATION" AND "SELF-DETERMINATION" DEFINITIONS
ISSUE IN THE BEGINNING OF THE XX AND XXI CENTURIES
(THE BALTIC STATES' CASE) 149

Summary 162

About the Authors 174

Index of Names 176

Index of Geographical Names 183

Научное издание

**ПРИБАЛТИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ. 2017–2018.
СБОРНИК СТАТЕЙ ПО ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ
1917–1920: СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ФИНЛЯНДИИ, ЭСТОНИИ, ЛАТВИИ И ЛИТВЫ»
(г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 23–25 ОКТЯБРЯ 2017 г.)**

Сост. *Н. М. Межевич*

Ред. коллегия:

И. Н. Новикова (председатель)

Н. М. Межевич

В. В. Симиндей

Ответственный редактор *Г. Пернавский*

Художественный редактор *М. Левыкин*

Технический редактор *Н. Атауллина*

Верстка *Р. Фархутдинов*

Корректор *Д. Мельник*

Ассоциация книгоиздателей «Русская книга»

Подписано в печать с готовых диапозитивов

Тираж 200 экз.